vk.com/stagedive

Maldeamores

(БОЛЬНЫ ЛЮБОВЬЮ)

МАРА УАЙТ

Annotation

Белен: Я любила Лусиана с тех пор, как себя помнила, желала его, даже не зная, что это значит. Он всегда был единственным мужчиной в моей жизни — моим постоянным защитником, и его отказ только усиливает мое желание. Лусиан: Я никогда не знал любовь сильнее, чем я испытываю к Белен. Но я заставляю себя отрицать ее, независимо от того, насколько это ранит меня. Наша любовь — болезнь, и мы оба заражены. Потому что не существует лекарства для влюблённых одной крови. Книга входит в серию из двух частей. Все книги об одних героях. *** ВНИМАНИЕ *** Этот роман содержит сцены секса, в том числе: инцест, Ж/Ж, менаж, М / Ж/ М. употребление наркотиков и насилие.

-

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

«Больны любовью»
Мара Уайт

vk.com/stagedive

Maldeamores

(БОЛЬНЫ ЛЮБОВЬЮ)

МАРА УАЙТ

Название: Мара Уайт «Больны любовью»
Переводчик: Вика Б.
Редактор: Ро С.
Бета-корректор: Елена М.
Вычитка: Pandora
Обложка и оформление: Mistress
Переведено для группы: https://vk.com/stagedive

Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Белен: Я любила Лусиана с тех пор, как себя помнила, желала его, даже не зная, что это значит. Он всегда был единственным мужчиной в моей жизни — моим постоянным защитником, и его отказ только усиливает мое желание.

Лусиан: Я никогда не знал любовь сильнее, чем я испытываю к Белен. Но я заставляю себя отрицать ее, независимо от того, насколько это ранит меня.

Наша любовь — болезнь, и мы оба заражены.

Потому что не существует лекарства для влюблённых одной крови.

***** ВНИМАНИЕ *****

Этот роман содержит сцены секса, в том числе: инцест, Ж/Ж, менаж, М / Ж/ М. употребление наркотиков и насилие.

Содержание:

1 глава
2 глава
3 глава
4 глава
5 глава
6 глава
7 глава
8 глава
9 глава
10 глава
11 глава
12 глава

13 глава
14 глава
15 глава
16 глава
17 глава
18 глава
19 глава
20 глава
21 глава
22 глава
23 глава
Эпилог

1 глава

Te amo como se aman ciertas cosas oscuras,
Secretamente entre la sombra y el alma.
(Я так тебя люблю, как любят только тьму
таинственную меж тенью и душою)
— Пабло Неруда

Cuando el amor no es locura, no es amor.
(Когда любовь — не безумие, это не любовь)
— Кальдерон да ла Барка

Лаки

Существует не так уж много вещей, способных потрясти меня. Я родился в жаркий, знойный июльский день. Это был период невыносимого пекла, когда открывали на всю пожарные колонки и все выбирались на улицы. Чтобы охладиться, старики натянули майки на свои животы, а на девушках было еще меньше одежды, чем обычно для района Хант Поинт, Южного Бронкса. Кондиционер был роскошью и по карману только богачам; единственным местом, где можно было остыть, была больница, либо автосервис по дороге туда. Только бы не истечь кровью от пулевого ранения, пока тебя везут по холлу.

Мать говорит, что её воды отошли, когда она поднималась по лестнице, чтобы отлить. Поскольку я был её первенцем, она поначалу

подумала, что успела обмочиться. Она проковыляла обратно на улицу и попросила кого-то вызвать ей такси перед тем, как она родит сына возле самодельного столика для домино.

Мать любит описывать, насколько толстой была со мной внутри, она едва могла ходить; с моего первого толчка в её нутре она знала — я буду настоящим мачо; она знала, что назовёт меня Лусиан — в честь первых лучей восходящего солнца.

Как я уже сказал, немногое может поколебать меня. Южный Бронкс, Испанский Гарлем, затем Западный Гарлем и Хайтс — к десяти годам я всё это видел. Видел всё это и ещё много чего в придачу. Я не был новичком в драках.

Но война становится иной, когда перемещается от соперничающих кварталов и шаек, претендующих на школьные дворы, к открытым пустыням или пещерам и туннелям, вырытые вглубь горы на две мили. Здесь ты не ведёшь свою собственную войну. Здесь ты — часть машины, которая невообразимо больше тебя самого. Когда на деле ты молишься, чтоб эта машина поберегла тебя.

Но одну вещь знаешь наверняка — готов ты или нет, эта машина сделает из тебя грёбаного человека.

Здесь, под раскалённым солнцем, я думаю о том палящем дне восемьдесят девятого в Южном Бронксе, когда моя мать произвела меня на этот свет. И кто знает, была ли она готова, но она барахталась в одиночку, как тот таракан на спине, всю свою жизнь только для того, чтоб позаботиться обо мне.

Небо темно-синего цвета — безоблачно и бескрайне. Что бы я только не отдал сейчас за шум винтов военного вертолёта, лишь бы разрушить монотонность. Моя тёплая, липкая кровь просачивается сквозь камуфляж, и песок впитывает её, будто бы ждал этого всю свою чёртову жизнь. Одна единственная песчаная буря способна похоронить меня здесь навечно — и не будет данных, не будет тела, чтобы отправить домой для похорон.

И вот я думаю о том, как мать описывает мне день моего появления в этом мире: жаркое, убогое лето. Никакого купания — пляжи слишком загрязнены, как и сам воздух, необходимый, чтобы дышать в этом дьявольском городе. Она клянётся: музыка бачаты остановилась, когда она выбралась на улицу и закричала о своих родах.

Старики оторвались от своей игры в домино, синхронно замерли, обратив своё внимание на мать.

На мгновение небо озарилось вспышкой молнии. Она думала пару секунд, что пошёл дождь, но затем осознала — это её собственная влага,

стекающая по ногам.

Температура перевалила за сорок градусов по Цельсию в тот день. Мать говорила, что жара сделала роды легче — помогла ослабить мышцы. Сказала, что знала наверняка — должен появиться мальчик и жара сделает меня таким же упрямым, как и сильным.

И еще тогда она знала — я буду заботиться о ней, мы будем заботиться друг о друге.

Моя мать рассказывала мне эту историю всякий раз, как в городе становилось жарко. Но ничто не может сравниться с волной тепла ко мне в её сердце. Я не мог лучше узнать тот день, даже если бы увидел все своими глазами. Период аномальной жары был ужасен, и нам повезло, что мы пережили это. Мама знала, что у её мальчика будет горячая кровь и естественная тяга к сражению — будто для него жара была благословлением, замаскированным под проклятие. Но моя мать не испугалась; она стиснула зубы вместо того, чтобы орать от боли.

Испанцы утверждают: «дать жизнь ребёнку — дать жизнь свету». Мама клянётся всем, чем угодно, что я родился, чтобы спасти её жизнь. Она назвала меня Лусиан — «дарящим свет». Той ночью было пять пожарных вызовов и сгорел почти весь наш район. Они говорили, что проводка была неисправна. Шесть человек погибло, и все в нашем обшарпанном районе, всё, что было у моей матери, превратилось в пепел. Единственной причиной, почему мы тоже не стали пеплом, было моё внезапное появление на свет.

Мы переехали меньше, чем на милю в крошечную квартирку моей тёти Бетти, которую они делили с дядей. Год спустя родилась Белен и с тех пор мы спали в одной детской кроватке. Кажется, моя двоюродная сестрёнка была рядом со мной всю мою жизнь. Я просыпался, как только она начинала плакать и засыпал тогда, когда засыпала она.

А сейчас я лежу на спине, раненый, возможно, даже смертельно; один, без оружия, на основной территории врага. Я отдал бы всё что угодно, лишь бы сейчас оказаться рядом с ней.

Белен. Моя двоюродная сестрёнка. Моя собственная волна тепла. Пламя моего костра.

2 глава

Белен [1]

Жир потрескивает на сковородке и шум приводит нас на кухню; мы

отодвигаем стулья, чтобы сесть. Мы с Лусианом можем вечность ждать pasteles (прим. пер. ис. — пирожки). Он обожает их с мясом, я — с сыром. Наши ступни не достают до пола, так что мы хихикаем и болтаем ими в воздухе, ожидая нашего угощения. Тити не в духе для разговора, поэтому она даже не отворачивается от плиты.

Мы знаем, что не стоит вертеться у неё под ногами и что нужно держаться подальше от конфорки, когда она готовит. У Лусиана есть шрам на лбу с тех пор, как Тити посадила его в автокресло слишком близко к плите, когда он был ещё малышом. Горячая капля жира брызнула из сковородки и попала прямо на его лоб. Он выл так громко, что слышали все соседи, и Тити, чувствовавшая себя виноватой, разревелась. Я не помню, как это всё было, но мама и Тити любят рассказывать эту историю, поэтому теперь мы знаем: от сковородки с жиром стоит держаться подальше.

Лусиан выдавливает каплю кетчупа сначала на мою тарелку и только потом на свою. Он многое делает для меня, хоть у нас нет и года разницы. Мама говорит, лишь девять месяцев. Поэтому все в нашей семье зовут нас los primos hermanos (прим. пер. ис. — двоюродные брат и сестра), наверное, потому, что мы так близки по возрасту.

Мама заберёт меня сегодня после работы, достаточно поздно, все уже уснут. Я очень люблю оставаться здесь, ведь тогда я сплю рядом с Лусианом. Тити начинает сердиться быстрее, чем мама, и иногда даже бросается вещами. Лусиан, конечно, никогда не плачет, он уходит в свою комнату и закрывает дверь. Мы часто играем его поездами и его супергероями. Я совсем не против играть мальчишечьими игрушками. Я люблю звуки, которые воспроизводит Лусиан, иногда он плюётся, когда воспроизводит шум поезда. Хотя это не волнует меня. Даже не знаю почему, наверное, должно бы. Плевок должен быть чем-то отвратительным.

***

Когда умирает abuelo (прим. пер. ис. — дедушка), маме звонят посреди ночи. Она заставляет меня натянуть на себя два слоя всего, до того как мы запихнём кое-какую одежду в сумку и поймаем «частника» до Бродвея. Она утирает слёзы одной рукой, а другой прижимает меня к себе.

Мама говорит что-то водителю на испанском, и он отвечает, что не возьмёт с неё чаевых. До дома Тити не так уж далеко, по крайней мере не настолько, как когда они жили в Бронксе. Теперь мы все живём в Гарлеме; я и мама в Западном Гарлеме, а Тити с Лусианом — в Восточном, хоть они и называют это Испанским Гарлемом; я не знаю, почему, ведь все на

Западной стороне также разговаривают на испанском.

Лусиан всё ещё спит, а лицо Тити красное от слёз. Как только мама и Тити смотрят друг на друга, они снова начинают плакать. Они завывают и ревут так, что я даже подпрыгиваю от их громких восклицаний. Кажется, они даже не слышат меня, когда я раз за разом спрашиваю:

— Где Лусиан?

— Durmiendo (прим. пер. ис. — спит), — проговаривает, наконец, Тити.

Я бегу к его спальне и толкаю дверь. Он лежит на матрасе в белой майке и трусах. Я уже видела его голым. Мне почти восемь, но я ещё помню, как мы принимали ванну вместе. Если бы это был любой другой мальчик, я бы испугалась, но Лусиана я не боялась никогда.

Я наступаю на пятки ботинок, чтобы стащить их с себя, и расстёгиваю молнию куртки. Спортивные штаны на мне надеты поверх вельветовых брюк, свитер — под толстовкой. Если бы Лусиан проснулся, он бы дразнил меня — думая об этом, я улыбаюсь. Воздух в квартире холодный, хотя я слышу шум радиаторов; я ложусь рядом с Лусианом и накрываю нас одеялом. Он внезапно открывает глаза, испуганно смотрит на меня, но затем улыбается, и я улыбаюсь ему в ответ.

— Уже пора вставать, Белен?

— Нет, но abuelo умер. Утром мы должны лететь в Сантьяго.

— Мы все?

— Я не знаю, полетит ли Хеми, — я зажмуриваюсь, взмолившись, чтоб Хеми оставалась на Статен-Айленд, ибо я точно знаю, что не хочу лететь вместе с ней и со всеми своими двоюродными братьями и сёстрами. У моей тёти Химены четверо детей, и все они desgraciados, (прим. пер. исп. — несчастные, горемыки) как говорит мама. Близнецы Раймонд и Рамон старшие, родились в Айленде, следующая — Аннализ; а Бриана ещё совсем ребёнок.

Мои двоюродные братья двинутые, они не боятся материться и распускать языки со взрослыми, даже с учителями и полицейскими — они вообще ничего не боятся. Ещё мама говорит, что дети тети Хеми в конце концов загремят в тюрьму; Раймонд уже помогает бойфренду Хеми мошенничать.

Мы с Лусианом не плачем, хотя можем слышать маму и Тити, плачущих и выкрикивающих печальные вещи, будто бы они взъелись на Бога за смерть abuelo. Мы рассматриваем друг друга; я смотрю прямо на его шрам. Я исследую глазами его брови и пятно прямо над его носом. Его ресницы подрагивают — он всё ещё хочет спать. Я смотрю на его щёки и

подбородок; у Лусиана, как и у меня, нос пуговкой. Пока я занимаюсь его разглядыванием, он засыпает; его рот приоткрывается, и я могу видеть нижний край его зубов. Я слышу его хриплое дыхание и медленно засыпаю рядом с ним.

3 глава

Сейчас лето и нам по десять и одиннадцать. Мы уже слишком взрослые, чтобы играть на площадке, но это не помеха. Лусиан всегда берёт меня в свою команду раньше, чем других мальчишек, которые, возможно, играют намного лучше меня.

— Белен, — зовёт он и улыбается мне.

Ему плевать, что думают другие дети; когда они говорят ему всякие мерзости в лицо, он заботится только о том, чтобы мы держались вместе. Я знаю, Тити учит его присматривать за мной, куда бы мы не шли. Мама рассказывает Лусиану, что в глазах Божьих я его младшая сестра, и он должен заботиться обо мне. Но он делает это не только поэтому: мы с Лусианом похожи. Отличаясь от всех остальных, мы с ним похожи.

Мы играем часами, но прекращаем, когда солнце начинает садиться. Большинство родителей приходят и забирают своих детей, злясь, поскольку те не объявились на обед. Лусиан вспотел и снимает футболку; он носит чётки, что подарил ему отец. Я знаю, они особенные для него; знаю, он хочет, чтобы у него был отец, который бы жил с ним и Тити и играл с ним в бейсбол на детской площадке.

Я покидаю его компанию, чтобы встать рядом с девочками. Ярица из школы тоже здесь и показывает всем свой новый пирсинг; теперь у неё их сразу два в одном ухе. Других девочек я видела раньше, но не знаю их имён.

Яри говорит:

— Это Белен.

— Привет, — тихо отвечаю я.

— Твой брат горяч, — говорит девушка выше меня, её розовый язычок пробегается по губам, облизывая их. У неё брекеты, небольшие усики и золотое распятие на тонкой цепочке, висит на ее шеи.

— Двоюродный брат, — говорю я, кивая головой. Предполагалось, что я соглашусь или нет — я не уверена, поэтому я оглядываюсь на Яри за помощью.

— Он такой милашка, Белен. Тебе повезло, что ты ночуешь с ним.

Я чувствую, как моё лицо краснеет и тепло разливается по моему телу.

Лусиан красив, но не так, как они об этом говорят. Я многое знаю о парнях: у мамы и Тити их было достаточно. Мне не нравится, как поступают парни: не звонят, когда должны были, постоянно заставляют плакать, заявляются пьяными в стельку в субботу вечером и блюют в туалете по утрам воскресенья, занимая ванну.

Лусиан славный и позволяет мне быть собой; он делится со мной картошкой фри и фруктовым пломбиром из Макдоналдса. Он ждёт меня со школы и держит меня за руку зимой, чтоб я не поскользнулась на гололёде. Его смех — как вечеринка в честь дня рождения, где всё время играет музыка и все шары лопаются.

Я пялюсь на Лусиана, думая, как сильно я люблю его. Он бросает футбольный мяч детям, которые потеряли его. Затем поднимает взгляд, видит, как я разглядываю его, и подмигивает мне. У нас с Лусианом есть секрет: мы лучшие друзья и нам абсолютно всё равно, что думают другие.

— Вы когда-нибудь целовались? — спрашивает высокая девочка, лопнув большой пузырь своей голубой жвачки. Она засовывает её обратно в рот, и я гадаю, как только жвачка не прилипает к её брекетам. Её губы выглядят распухшими и мне интересно, целовал ли её кто-либо вообще.

Яри подталкивает меня в плечо и шепчет:

— Ответь на вопрос Мины!

— Что? — шепчу я, выходя из оцепенения. — Лусиан мой двоюродный брат. Мы не можем этого делать.

— Её никто никогда не целовал, — говорит Яри, закатывая глаза. Я наступаю ей на ногу так сильно как могу.

— Аууууч, — вскрикивает Яри и топчется по моей ноге в ответ. Я почти разрешаю ей выболтать мои секреты, как нас обрызгивают потоком ледяной воды, и все начинают визжать. Лусиан держит в руке носик брызгалки, направляет воду на нас и смеётся. Все девчонки вопят и разбегаются, а мальчики начинают их преследовать. Вода дугами взмывает в воздух. Цель Лусиана ясна, но вода останавливается, не достигнув меня. Я вытягиваю руки немного вперёд и позволяю кончикам пальцев дотронуться до капель воды. Из-за водной стены появляется радуга над асфальтом, и я могу видеть немного искажённую из-за капель улыбку Лусиана. Его улыбка сходит с лица, и он убирает руку с брызгалки.

— Что случилось, Белен? — выкрикивает он, делая широкие шаги в мою сторону. Я быстро стираю слёзы с лица и слабо улыбаюсь при его приближении. Он тяжело дышит и наклоняется, чтобы опереться руками выше колен.

— Пошли, давай уберёмся отсюда, — говорит он, дергая головой в

направлении дома.

Он берёт меня за руку и ведёт из парка к тротуару. Лусиан не прощается со своими друзьями, так как ему плевать, что они подумают.

— Они сказали тебе что-то? Чем-то задели тебя?

Я поднимаю взгляд на моего двоюродного брата, и слёзы снова начинают течь, ведь я слишком напугана, чтоб рассказать, что они приняли его за моего парня. И мне слишком грустно, чтоб рассказать ему, что у меня никогда не было парня, и нет сейчас, но, возможно, мне бы хотелось.

— Я боюсь взрослеть, — всё, что мне удается выдавить.

Он безобидно обнимает меня за плечи.

— Белен, ты будешь лучшей из взрослых, даже не сомневаюсь в этом!

Я улыбаюсь и киваю, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

— Я думаю, ты будешь лучше, Лусиан, — говорю я, и именно это имею в виду. Ему легко даются разные вещи, и он кажется намного взрослее меня.

— Я всегда буду рядом, когда буду тебе нужен, кузина, — тыкая меня в бок, говорит Лусиан.

— Обещаешь? — спрашиваю я, с долей страха ожидая его ответа.

Лусиан замирает на Форт Вашингтон и засовывает руки в карманы. Он смотрит мне в лицо и ухмыляется, но он не смеётся надо мной.

— Белен, я клянусь тебе могилой abuelito и Библией матери, пока я жив, я не оставлю тебя одну. Я всегда буду торчать рядом с тобой. — Он дёргает меня за хвост и тянет в свои объятия.

— Они подумали, что ты мой брат, а когда я сказала, что мы кузены, они спросили, целовались ли мы когда-то, — выпаливаю я и затаиваю дыхание, ожидая его ответа.

Лусиан кладёт подбородок на мою голову и тихонечко трется им о нее.

— Глупые девчонки, — говорит он, беря меня за руки и раскачивая их между нами. Я краснею от осознания того, что они сказали; смущённая одновременно тем, что меня спросили целовалась ли я с ним и тем, что я вообще никогда не целовалась. Солнце опаляет нас последними лучами над Гудзоном. Отдыхающие покидают парк. Ритмы бачаты и меренги доносятся как из домов, так и из припаркованных машин с открытыми окнами и дверями. Лусиан бросает «привет» или «buenas» (прим. пер. ис. — привет) людям, которые знакомы с нашей семьёй. Я улыбаюсь и киваю, чувствуя, будто повзрослела из-за только что состоявшегося разговора.

4 глава

Мы не ходим в одну школу, так как Лусиан на год старше меня и живёт в другом районе. Я всё ещё хожу в католическую школу, а Лусиан — в государственную. Я вижу его на выходных, и он как-то по-другому ведёт себя. Его голос стал низким, и у него стали появляться усы. Они с Тити постоянно спорят, и, кажется, между ними не всё ладно.

Он целует маму и здоровается со мной, похрустывая холодными хлопьями из миски.

— Веди себя прилично с матерью, — говорит моя мама, целуя его в ответ, и похлопывает его по щеке.

— Скажи ей бросить этого мудака, который всё время торчит в квартире и ни хрена не платит аренду за неё. Ненавижу эту грёбаную квартиру!

— Лусиан! — восклицает мама, удивлённая его манерами.

— Спроси её, почему она любит его так сильно, хотя он постоянно заставляет её рыдать! — Лусиан кричит достаточно громко, чтобы и Тити могла услышать его в спальне. — Я иду в парк, — говорит он, выхлёбывая молоко из миски и швыряя её в раковину. — Хочешь пойти со мной, Бей? — спрашивает он; я качаю головой. — Что? Да ладно, ты с ними заодно? Мы же все знаем, что он хренов змеёныш. Неужели надо притворяться?

— Я останусь здесь. Может быть, выйду позже.

— Яри дома? Думаешь, она придёт? Почему бы тебе не позвонить ей?

Я знаю, мой рот почти распахивается, чтобы ответить, когда он спрашивает, но я захлопываю его. Ярица моя лучшая подруга, и я люблю её, но в последнее время она бесконтрольна, и мама запрещает мне с ней гулять. Она спит со всеми подряд, а ей столько же, сколько и мне — тринадцать. Мама говорит это из-за того, что она без отца, хотя у меня его тоже нет, но я не позволяю парням дотрагиваться до себя.

— Я могу позвонить ей, если хочешь. Где ты будешь?

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя, — говорит он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лоб. — Я буду в Хайбридж парке. Приходи позже, если хочешь.

Мама идёт в комнату Тити, а я плюхаюсь на диван и включаю телевизор. Я хватаю телефон Тити, чтобы позвонить Яри, и реву, пока делаю это. Мысли о том, как Лусиан целует её, дотрагивается до неё, причиняют мне нестерпимую боль. Даже одно воображаемое представление о том, что он делает это с ней, вызывает рыдания. Я сворачиваюсь на диване и обнимаю руками колени. Хотела бы я быть сексуальной и смелой как моя подруга. Но нет; я застенчивая, хоть у меня и приятная внешность, милая улыбка и «божественные волосы», как говорит

мама. Мой большой секрет сейчас не в том, что Лусиан мой лучший друг. Большую часть времени я страшусь будущего и чувствую себя действительно одинокой — вот мой секрет.

Мама, наконец, уговаривает Тити переехать в наш район, так как появилось пару свободных квартир. Она хочет, чтоб мы с Лусианом ходили в одну школу, и говорит, что лучшим для нас будет держаться вместе как настоящая семья. Забавно, но никто не пригласил Хеми поселиться поблизости. Тити и мама рады видеться с ней по праздникам вне дома. Моего кузена Раймонда отстранили от занятий в школе, и теперь наши мамы не хотят, чтобы мы с Лусианом даже приближались к нему.

Лусиана теперь называют Люком, и он просто двинулся на переезде. Я помогаю вносить коробки, пока он матерится и прибивает полку к стене. Квартира нуждается в покраске и, может даже, в штукатурке. Лусиан теперь выглядит старше, хоть и продолжает носить всё ту же одежду: рваные джинсы, сидящие настолько низко, что я могу видеть резинку его боксёров, белую майку и кепку нью-йоркских «Янки», почти всегда повёрнутую козырьком назад.

— Это место — настоящий свинарник. Хренова крысиная нора, — говорит он.

— Всё не так уж и плохо, — отвечаю я, кладя коробку на комод. — Ты будешь ближе к школе и ближе ко мне, — продолжаю, улыбаясь.

Затем я утыкаюсь взглядом в пол. Не могу поверить, что сказала это. Напрягаю мозги, чтобы отвлечься. Мы уже не настолько близки. Уже несколько лет.

— И ближе к Яри, естественно, — добавляю поспешно в попытке скрыть своё смущение.

— Яри — горячая штучка, — говорит Лусиан и снимает майку через голову. Он всё ещё носит чётки, но теперь его грудь выглядит взрослее — сильнее.

Я хочу сказать, что мама называет Яри — sucia (прим. пер. ис. — распутница) или как парни говорят — легкодоступная. Но она всё ещё моя лучшая подруга и я киваю в знак согласия.

— Иди сюда, — говорит Лусиан, вытирая тело от пота скомканной майкой. Он бросает её на кровать, как будто попадает мячом в кольцо в баскетболе. Я нерешительно подхожу к нему ближе и чувствую, как все мои нервы напряжены. Он быстро и крепко обнимает меня так, что я улавливаю знакомый, привычный запах его тела.

— Ты самая красивая девушка в районе, и ты знаешь об этом, — говорит он, улыбаясь вдруг так широко, что становится видно ямочки на

щеках.

— Я думала, у тебя больше нет этих ямочек, — отвечаю, притрагиваясь кончиками пальцев к ним. Он убирает мою руку.

— Так что? Района недостаточно для тебя? Ты хочешь, чтобы я признал тебя самой красивой девушкой Западного Гарлема? Красивейшей девушкой школы или всего Нью-Йорка?

— Прекрати подкалывать меня, Лусиан, — говорю я, моя улыбка увядает.

— У моей кузины Белен самое потрясное тело во всей Америке! — выкрикивает Лусиан, и я знаю, что начинаю краснеть. Я выбегаю из его комнаты и направляюсь на кухню. Мама как раз убирает блюда Тити, и я хватаю несколько, чтобы помочь ей. У меня захватывает дыхание, и сердце трепещет в груди от стычки с Лусианом. Улыбаюсь, что есть силы, даже щёки болят.

— Мам? — зову, положив руку на бедро.

— Что такое, hija(прим. пер. ис. — дочь)? — она отзывается и высовывает голову из шкафа, чтобы оглянуться на меня.

— Я рада, что они переехали. Думаю, всё будет хорошо. — Высказываю свои мысли и хватаю кухонное полотенце, чтобы вытереть с чашки отпечатавшийся газетный принт.

***

Всё хорошо. На самом деле всё лучше, чем хорошо. Обе, мама и Тити, смеются, готовят и проводят время вместе друг с другом больше, чем с их парнями. И я вижусь с Лусианом чаще. Я вижу его каждый день, так как мама заставляет его провожать меня в школу. Он ведёт себя так, будто это скука смертная и ворчит проклятия под нос, но как только мы оказываемся вне дома, несёт мой рюкзак и относится ко мне серьёзнее. Он спрашивает о моих уроках, домашних заданиях и учителях, которые мне нравятся. Лусиан рассказывает мне, от каких парней стоит держаться подальше, а с какими можно подружиться. Иногда мы останавливаемся возле магазинчиков и покупаем пончики или бублик. Лусиан всегда платит за меня, даже если у меня есть деньги.

Я люблю наблюдать, как он ест больше, чем кто-либо ещё. Он откусывает большие куски и быстро жуёт, как голодный пёс на улице. Иногда немного сливочного сыра или сладкой глазури остаётся в уголке его рта. Я говорю ему об этом, и он быстро вытирает рот тыльной стороной ладони. Иногда он пьёт кофе, как и взрослые. Он кладёт молоко и сахар, накрывает крышкой, затем энергично встряхивает чашку,

удерживая ее между большим и указательным пальцами. Это моя любимая часть.

В школе Лусиан всегда встречается со своими друзьями. Я задерживаюсь на пару минут и могу видеть, как он становится более развязным; матерится, говорит грязные слова и стебётся. Парни ведут себя грубо, жёстко, машут кулаками и плюют на тротуар. Другие прикалываются над ним, говоря обо мне в качестве его подружки. Если бы мне давали доллар каждый раз, как ему приходится исправлять их, говоря: — «Mi prima, чувак»(прим. пер. ис. — Моя кузина), — мне бы уже хватило, чтоб свалить из города. Но это только подогревает их интерес — они думают, что я лёгкая добыча и всегда начинают подкалывать меня. Я жду сигнала от Лусиан — резкий кивок в сторону школьных дверей, сопровождаемый его жёстким, неприветливым взглядом. Я поспешно прощаюсь и спешу на уроки. Иногда я слышу, как они обсуждаю мое тело и говорят, какая классная у меня задница. Я знаю, что это неуважительно, и вообще-то я должна быть раздражена, но я хочу, чтобы они говорили об этом перед Лусианом. Я хочу, чтобы он понял, каково мне, когда он говорит о Ярице.

Я почти не вижусь с ним во время уроков. Лусиан учится старше меня на год, что значит он с Марса, а я — с Юпитера. Я занимаюсь по программе углублённого изучения и после уроков у меня много факультативов. Люк уходит из школы со своими друзьями, и они идут курить травку на кладбище. Мы часто обедаем вместе у моей мамы или у его. Он ест огромные порции, и мама говорит, что он питается как взрослый мужчина.

— Скажи Белен перестать пялиться на меня, — говорит он, отрывая кусок от куриной ножки. Я пинаю его под столом, и он смеется над моей реакцией. — Это всё, на что ты способна?

— Я засуну твою зубную щётку в туалет, — высказываю первую пришедшую в голову мысль.

— Теперь я точно знаю — ты этого не сделаешь; ты всегда выпячиваешь губы, когда врёшь, — отвечает Лусиан, копируя моё лицо, со ртом, полным arroz con gandules (прим. пер. ис. — рис с фасолью).

Я бью кулаком по столу и пинаю его снова.

— Хэй, ладно, ладно, прекратите, niños(прим. пер. ис. — дети), давайте поедим, — прикуривая, говорит мама.

— Если ты и правда так дерёшься, Белен, то я собираюсь потренироваться с тобой и научить постоять за себя.

— Хорошая идея, Люк. Ты не всегда можешь быть рядом, чтобы

защитить ее.

О, мам, это ужасная идея! Я не хочу, чтобы он прикасался ко мне. Что они имеют в виду, говоря, что Лусиан не всегда будет рядом со мной? Куда он уедет? Я не знаю, что бы делала без него. Я не могу позволить Лусиану уехать куда-либо. Никогда. Только со мной.

Я смотрю как он поглощает свой обед; он глотает почти не прожёвывая, как оголодавший пёс на углу улицы.

5 глава

Одним субботним утром мама попросила меня спуститься к Тити и взять у неё отвёртку: вчера вечером упал карниз и надо будет прикрутить ее. Обычно мама использует нож для масла, но, кажется, карниз — это не то, что нужно резать.

Я работаю с моими дидактическими карточками по математике и советую маме позвонить ей.

— Тити остаётся на ночь у своего Эдуардо, но Люк должен быть дома.

Я подскакиваю так быстро, что мой стул со стуком падает. Я бросаю взгляд на маму — она лишь качает головой, глядя на меня.

— Это нормально быть лучшими друзьями, cariño (прим. пер. ис. — лапочка, деточка), но не втюрься в своего кузена.

— Я не втюрюсь! — выкрикиваю оборонительно, дотрагиваясь руками до бёдер. — Я думаю, что он отвратительный; его ступни воняют, и он становится пошлым, когда говорит о девушках.

— Ладно, я просто не хочу, чтобы тебе разбили сердце.

— Господи, мам, замолчи! — отмахиваюсь я, втискивая ноги в домашние тапочки.

Я сбегаю вниз на два лестничных пролёта и стучусь в его квартиру. Гадаю, буду ли стесняться в его присутствии, особенно после маминых слов. Если она об этом говорит, возможно, уже все знают, что я влюблена. Я чувствую, как краска разливается по моему лицу.

Люк открывает дверь в одних трусах и сонно щурится, глядя на меня.

— Ох, привет, Бей, — он здоровается и возвращается обратно в спальню, не потрудившись спросить, как я и вообще из-за чего вдруг спустилась к ним. Когда он медленно топает в противоположном от меня направлении, его рука была засунута под резинку трусов, почёсывая там.

— Лусиан, мне нужна отвёртка, — бросаю я ему в спину.

— Тьфу, не напоминай мне, — обращается он ко мне. Его волосы торчат во все стороны, а грудь выглядит такой тёплой и соблазнительной.

— Хочешь кофе? Мне нужно пару минут, чтобы найти её.

Я начинаю кипятить воду в olla (прим. пер. ис. — кастрюля), чтобы приготовить ему немного café bustelo (прим. пер. ис. — кофе Бустело). Тити до сих под делает его на плите, а не в капельной кофеварке, которую она купила со скидкой.

Я тихонько напеваю, пока отмеряю три столовые ложки кофе из банки и засыпаю их в воду. Затем я слышу голоса, и моя рука, как и моё сердце, замирает.

Люк с девушкой в ванной за стенкой. Даже сквозь шум бегущей воды я могу слышать, как они разговаривают друг с другом вполголоса.

Я смотрю в пол и перемешиваю кофе, пытаясь подавить непрошенные слёзы и вытереть их, пока никто не заметил. Я знаю, у него есть девушка, думаю у него даже мог быть секс. Из-за этого моя грудь болезненно сжимается так, что трудно дышать.

Когда они выходят, я поднимаю взгляд и продолжаю смотреть на кастрюлю. Я узнаю подругу Люка: она одна из самых популярных девушек в школе. Возможно, даже самая привлекательная: у неё упругое тело, красивые волосы, и она обладает хорошим чувством стиля. На ней надет топ с бретелькой через шею; маму бы хватил удар, если бы она позволила мне выйти в подобном из дома. Это, определённо, топ для пятничных вечеринок, а не для субботнего утра.

Она фальшиво улыбается мне и машет. Она целует в губы Люка, и я не могу оторвать от них взгляд. Их рты двигаются, широко открываясь. Рука Люка спускается к её заднице. Я оглядываюсь на кофе и с трудом сглатываю огромный ком в горле.

Я должна привыкнуть, так будет всегда. Все девушки виснут на Люке, и ни один парень даже не замечает меня.

У неё во рту жвачка, и она лопает её, когда они отходят друг от друга.

— Увидимся, — говорит она, и я не уверена к кому она обращается: к Лусиану или ко мне. Он захлопывает за ней дверь и заходит на кухню, одетый только в джинсы, засунув руки в задние карманы.

— Готово? — заглядывая через моё плечо, спрашивает он.

— Ага. Сахар, молоко?

— Я пока поищу отвёртку, — говорит Лусиан, становясь на колени и роясь под раковиной.

— Это твоя подружка? — стараюсь, чтобы мой голос звучал обыденно, пока добавляю молоко в его кофе.

— Черт, слишком много выпил, — сжимая свою голову, стонет Лусиан, — там «отвёртки» тоже были. — Он сидит на корточках,

прикрывая лицо руками. Я хочу запустить руки в его волосы так, как всегда поступает мама, когда у меня болит голова.

— Спасибо, — парень благодарит меня за кофе и падает в кресло рядом с кухонным столом. Он делает большой глоток и закрывает глаза.

Меня бьёт озноб. Я опускаю чашку из страха пролить кофе.

— Нет, она не моя девушка. Просто девчонка с вечеринки, — Лусиан, наконец, отвечает мне, уткнувшись лбом в ладонь.

Он протягивает мне отвёртку и легко задевает меня пальцами. Это едва ощутимое прикосновение запускает гудящий рой ощущений. Я с трудом подавливаю рыдания в моей груди. Я хочу задохнуться или, может, заорать — всё что угодно лишь бы избавиться от этого ощущения внутри меня. Это ревность: уродливое чувство, которое скручивает мои внутренности.

— Подожди-ка, Белен, что случилось? Ты что, собираешься плакать?

— Я собираюсь рассказать Тити, что у тебя была девушка, и ты поцеловал её на прощание.

Я прикладывала все усилия, но слёзы всё равно свободно скатывались по моему лицу.

— Какого хрена, Бей? Я думал мы в одной команде. Почему ты, черт возьми, хочешь настучать на меня?

— Та девушка — шлюха, и я даже знать не хочу, что она делала в твоей спальне! — я встаю и хватаю отвёртку. Я настолько зла, что сейчас даже отвёртка — оружие в моей дрожащей руке.

— Стоп, Белен, ты что, ревнуешь? — произносит он, вставая.

Я поднимаю отвёртку, размахивая ею, пытаясь защититься от него.

— Положи, loca (прим. пер. исп. — сумасшедшая), — говорит Лусиан, в ожидании нападения с моей стороны, он поднимает руки.

Я не собираюсь его ранить, но вдруг так хочется заставить его почувствовать всю ту боль, что чувствую я. Я атакую его отвёрткой, но он ловит оба моих запястья. Он намного сильнее меня, я понимаю — мне нужно сдаться — и начинаю смеяться. Я слишком пропитана эмоциями, поэтому отталкиваю его настолько сильно, насколько могу. Лусиан прислоняет мои запястья к дверце холодильника на уровне моего лица. Периферийным зрением замечаю отвёртку. Его сдвинутые брови выражают растерянность, замешательство, тогда как его глаза вглядываются в моё лицо, пытаясь определить степень моей серьёзности. Я со всей мочи толкаю руку с отвёрткой вперёд. Он всего раз сжимает мои запястья сильнее, и отвёртка с лязгом падаем на плитку. Я глубоко дышу через нос, ибо не хочу, чтобы потекли сопли; не могу вытереть лицо, ведь Люк всё

ещё удерживает обе мои руки. Поток слёз не остановить, и Лусиан смотрит на меня протрезвевшим взглядом. Он жёстко сжимает мои запястья, так, что после, кажется, останутся отметины.

Я пытаюсь сказать ему что-то, но всё, что у меня получается, это плакать. Я снова толкаюсь вперёд в попытке выбраться из сделанной им клетки. Он отпихивает меня назад сильнее и просовывает колено между моих ног, используя вес своего тела, чтобы полностью прижать меня. Его взгляд сконцентрирован на моих губах, и на его лице отражается абсолютное удивление. Я тоже не отрываю взгляд от его губ и всхлипываю, вспоминая, насколько страстно он целовал ту девушку. Меня никогда не целовали. Но и мне никогда, до этого момента, не хотелось этого.

Я толкаюсь ему навстречу снова, на этот раз уже бёдрами; в ответном толчке мы оказываемся ещё ближе. Его таз как раз напротив моего, наши головы слегка наклонены, удерживая лица от касания.

— Белен? — тихо спрашивает Лусиан.

— Что? — отзываюсь я, всё ещё не в состоянии контролировать рыдания.

Я смотрю ему в глаза и замечаю вспышку гнева и бессилия; физически чувствую его колебание. Я двигаю бёдрами вперёд, и он тянет одну руку вниз, оставляя вторую всё так же прижимать мои запястья. Не могу сопротивляться и смотрю на его губы — обе такие идеально полные. Губы, с безупречным изгибом и безбожно сладкой улыбкой.

Я облизываю губы, и знаю, что на моем лице застыло выражение муки. Он снова продвигает свои бёдра ко мне, и из моего рта вырывается хныкающий звук, только не от страдания, а от удовольствия.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал? — он задаёт вопрос хриплым шепотом.

Я не могу ничего произнести. Я продолжаю толкаться бёдрами вперёд в поисках тепла, возбуждающего меня.

Наклоняя голову, он не сводит с меня глаз и прикасается своим ртом к моему. Глубоко во мне рождается стон, полный мольбы и нужды. Его губы словно целебный бальзам, который притупляет острый поток желания. Он практически не касается меня языком, лишь губами нежно целует мой рот. Этими движениями он уговаривает, упрашивает, ведёт меня, и я более чем готова попробовать. Затем его язык устремляется попробовать меня на вкус и неуверенно кружит вдоль моих губ. Я открываю свой рот для него, он проскальзывает внутрь и наконец, я вкушаю его.

Моё тело в огне. Жар бежит по нему, раскаляя каждый миллиметр. Моя кожа наэлектризована, я возбуждена как никогда. Каждый раз, как он

меня касается, на коже должно быть остаются красные следы как от ожогов. Боль в моём сердце медленно, но уверенно вытесняется невыносимым томлением между ног. Я сжимаю ими его ногу и подталкиваю бёдра ещё ближе к нему. Трение заставляет меня хныкать ему в губы.

А потом я чувствую это. Его стояк, прижимающийся к моим бёдрам. Я едва понимаю, что вообще происходит, и что значит его твёрдость. Я инстинктивно подаюсь своей киской вперёд в поисках его эрекции. Толкаюсь ещё ближе к нему, и он разрывает поцелуй, шумно выдыхая.

Он отпускает свою руку, удерживающую меня, находит мои ягодицы, стискивая и разминая их, притягивая теснее к себе. Он бережно прижимает моё тело.

— Чёрт, — шепчет он прямо в мой рот. Пробормотав «чёрт» ещё раз, он отрывает меня от пола так, что его твёрдый член оказывается между моими разведёнными ногами. Я абсолютно теряю голову и открываю рот шире, позволяя ему делать всё, что он захочет.

— Ох, черт, — говорит он и трётся членом напротив меня. Я знаю, обычно он говорит такое, когда случается что-то плохое, но сейчас, то, как он это произносит и его дрожащий голос, заставляет это слово звучать как молитву, не как ругательство. Он делает выпады бёдрами вперёд снова и снова, выбивая из меня новый просящий стон.

Вот тогда-то и хлопает входная дверь, впуская Тити в квартиру.

***

Лусиан отталкивает меня в сторону с такой силой, что мне приходится тормозить локтями о раковину, чтобы не свалиться на пол. Он открывает холодильник и выдёргивает оттуда остатки еды, ставя их на стол с глухим стуком.

— О, привет, Белен, — говорит Тити, заходя на кухню.

Затем она смотрит на Лусиана и снова переводит взгляд на меня.

— Так, что происходит?

— Лусиан приводил девушку вчера вечером, сегодня утром я увидела, как она уходила, — отвечаю, лишь бы обратить её внимание на что угодно, кроме того, что произошло только что между нами.

— Cochino (прим. пер. ис. — засранец), — кричит Тити. — Весь в отца! Ещё и пятнадцати нет, а уже приводишь девчонок на ночь? О чём, чёрт возьми, ты вообще думаешь?

Я хватаю отвёртку и махаю ею в воздухе.

— Увидимся за ужином, ребята, — выкрикиваю и смываюсь оттуда ко

всем чертям. Я поворачиваю за угол и, достигнув лестничной площадки, прижимаюсь спиной к стене, пытаясь успокоиться. Моё сердце колотится, дыхание прерывисто, пульс бешено скачет, кажется, он запросто может выскочить из-под кожи. Я даже не представляла, что поцелуи могут быть такими. Нет, я не знала, что целовать его — это будто выйти в космос и открыть новую вселенную. Это как тогда, прошлой весной в Пуэрто-Рико, когда я в первый раз плавала под водой. Погрузившись в синий океан, я вдруг осознала, как много всего я ещё не знаю. Другой мир, параллельное существование. Целуя Люка, я обнаружила возможность в исследованиях другого рода.

Я хочу большего, я хочу сделать для него намного больше, чем могла бы любая другая девушка. Хочу показать ему, что я — это всё, что ему нужно. Он может тереться своим членом об меня, может засаживать в меня; я даже могла бы взять его в рот. Он может делать со мной всё, что захочет, пока продолжает меня целовать.

Ужин просто смешон. Мама и Тити не прекращают трепаться о шоппинге, готовке, их парнях, и наших планах на выходные. Лусиан ест, не отрывая от меня взгляда. Я потихоньку напрягаюсь и смущаюсь под его пристальным взглядом и подпрыгиваю на месте всякий раз, как он обращается ко мне:

— Белен, передай салат, — просит он, и наши пальцы соприкасаются, как только я протягиваю миску.

— Ты собираешься есть своё мясо?

И почему всё звучит так сексуально?

— Ну, так как, будешь есть? — с хитрым видом он пялится на меня. Очевидно, наслаждаясь мучениями, которые причиняет мне.

— Я не голодна, — шепчу в ответ.

Я гоняю рис вилкой по тарелке. Моё будущее смутное, тёмное и звучное от разрывающей его неизвестности. Поцелует ли он меня ещё раз? Мы теперь пара? Я смотрю на него, а он вглядывается в свой мобильник. Его отец купил ему мобильный, когда приезжал из Пуэрто-Рико. Тити говорит, что он ещё слишком молод, но это удача и не стоит от этого отказываться. Ему он очень нравится. Я надеюсь, это не Яри или та вчерашняя девушка. Я хочу, чтобы Лусиан думал только обо мне и больше ни о ком другом. Затем мама замечает, как я пялюсь, и прекращает разговор. У неё интуиция на такие вещи — я ничего не могу скрыть от неё.

— Кто звонит? Твоя девушка? — спрашиваю я, пытаясь сломать или хотя бы скрыть напряжение.

— Яри, — отвечает он, дьявольски улыбаясь мне. Вся кровь отливает

куда-то в район желудка. Я чувствую себя будто больная. Лусиан не хочет меня; он просто монстр, пожирающий девушек на завтрак.

— Что случилось Белен? Ты вся побледнела, — говорит мама, убирая волосы с моего лица.

— Я ушёл! — бросает Лусиан, отталкивая свою тарелку и отодвигая стул.

Я заливаюсь слезами и бегу в ванную.

6 глава

Белен

Парень с золотистыми глазами играет в баскетбол со своими друзьями. Я замечаю его всякий раз, как он оказывается рядом. Тёмная кожа и светлые глаза делают его похожим на пантеру — большую крадущуюся кошку на охоте; он доминирует над всей этой спортивной площадкой. Когда мы встречаемся глазами, я чувствую его неуёмную энергию. Я не знаю, как это описать, но кажется, что он гудит и рокочет, оставаясь неподвижным. Думаю, вот почему он всем нравится. Я же просто девчонка с тощими ногами, красивыми волосами и с хорошими оценками, возможно, лучшими во всей школе. Да и всех парней тянет к нему магнитом, ведь у него всегда есть наркота, девушки и накачанные мышцы, чтобы надирать задницы.

Я вижу, как Лусиан подходит к нему и включает крутого. Его манера поведения и язык тела меняются, пока он со мной — дома, по дороге в школу — тогда он просто Лусиан. Но когда он с другими парнями, в особенности с теми, кто с района, он ставит ноги в широкую стойку, его голос становится громче и всё в нём зашкаливает: вдруг его штаны висят слишком низко, он разговаривает на испанском и матерится через слово. Наверное, мне такой Лусиан не должен нравиться, но нравится. На самом деле, он даже слишком мне нравится. Я знаю, что Тити и мама сказали бы; они не стали бы терпеть такое его поведение.

Я засовываю руку в карман и достаю пластинку розовой жвачки. Она вся в ворсинках, но я всё равно бросаю её себе в рот. Она такая сочная и большая, что у меня слезятся глаза и текут слюнки. Я разжёвываю её и пытаюсь надуть пузырь. Слышу, как Лусиан произносит моё имя и, подняв взгляд, замечаю, что тот парень с золотистыми глазами движется в сторону турника, на котором я сижу. Он идёт размашистыми шагами, будто он на задании, и я непроизвольно сжимаю ноги сильнее.

Когда он подходит ко мне, то пальцем лопает мой пузырь жвачки. Я краснею и опускаю глаза; наблюдаю, как его ступни отрываются от земли в прыжке, чтобы он мог ухватиться за турник.

Меткие удары, красивые мышцы, сексуальная улыбка, глаза цвета мёда; эти глаза пантеры заставляют думать, что он пришелец с другой планеты — планеты мужчин.

— Младшая кузина Лаки? — спрашивает он, начиная подтягиваться без какой-либо отдышки.

— Лаки? — переспрашиваю. — Имеешь в виду Лусиана Кабреро?

— Я зову его Лаки, — говорит он и спрыгивает, приземляясь на две ноги как гимнаст. Он вновь подпрыгивает и хватается за самую высокую перекладину. Парень подтягивает себя вверх, его руки оказываются вдоль тела. Затем он начинает отжиматься с перекладиной на уровне пояса, удерживая своё тело в таком положении.

— Считай со мной, — говорит он и неожиданно подмигивает. Улыбка озаряет его лицо, и эта улыбка щекочет меня до кончиков пальцев. Я вновь краснею и смотрю на землю, но продолжаю громко вслух считать вместе с ним. Когда я поднимаю глаза, то щурюсь из-за солнца. Он так хорош, его глаза светятся. Его бесшабашная улыбка заставляет меня почувствовать лёгкое головокружение. Мы считаем до сорока двух, но динамика и скорость его движений не изменяются.

Он спрыгивает на землю и опирается руками о колени, тяжело дыша. Тыльной стороной забинтованных запястий он вытирает пот со своего лица. Я просто тупо пялюсь на него. Даже перестаю жевать жвачку.

— Почему ты называешь его Лаки? (прим. с англ. Lucky — счастливчик)

— Потому что он получил тебя в кузины. — Он улыбается и вытирает пот со лба.

Я вспыхиваю и чувствую трепет в животе.

— Нет, на самом деле, почему?

— Лаки Лучано[2](прим. Luciano — имя главного героя в зависимости от страны может произноситься Лучано, Лусиан, Лукиан и тд.) — нью-йоркский гангстер, вор в законе, авторитет. Мафия. Слышала о таком?

Я качаю головой и вновь начинаю жевать жвачку.

— Хочешь попробовать?

— Что? Брусья? О нет, я недостаточно сильная.

— Уверен, ты сможешь. Давай, я помогу подпрыгнуть.

Я встаю, и он кладёт руки мне на талию. Легко подпрыгнуть, когда такой, как он, тебя поддерживает. Я хватаю перекладину и пытаюсь

удержаться хотя бы пять секунд, прежде чем спрыгнуть.

— Попробуй ещё раз, я поддержу тебя.

Я снова прыгаю и зависаю на пару секунд. Я качаю головой в сторону желтоглазого, и он снова обхватывает меня за талию. Выпускаю перекладину из рук и позволяю моему телу упасть в его объятия. Мне отлично известно, что Лусиан наблюдает за нами. Моя грудь напротив груди желтоглазого, моё тело медленно скользит вдоль его тела, заставляя мою футболку задраться, оголяя живот.

— Бей! — слышу оклик Лусиана. Ему, должно быть, не понравилось, что этот красавчик прикасается ко мне.

Кузен подходит к нам; у него самодовольный вид — широкие шаги, длинный размах рук и голова, слегка наклонённая в сторону.

— Эй, Джей, свали нахер от моей малышки кузины!

— Я не ребёнок, — говорю, встречаюсь глазами с Джеем. Он так красив, намного красивее меня.

— Он просто мне завидует, ведь тоже тебя хочет, — говорит Джей и снова подмигивает мне.

Лусиан поднимает руку и вытягивает ее. Они хлопают друг друга по ладоням, встряхивая и ударяясь кулаками. Они даже быстро обнимаются вперемешку с бормотанием испанских проклятий.

— Бей, ты знаешь Джейли со стрит-159?

Я просто пожимаю плечами и продолжаю пялиться на них. Они оба такие необузданные и такие привлекательные; мне нравится, как они смотрятся вместе. Возможно, они затевают что-то не очень хорошее.

— Почему вышло, что я никогда не слышала, что тебя называют Лаки? — спрашиваю у своего двоюродного брата. Джейли начал отжиматься, приняв упор лёжа.

— Потому же, почему тебе не нравится, когда я зову тебя Ленни, — говорит он и достаёт сигарету.

— Я скажу Тити, что ты куришь.

— Не-а, не скажешь, ты же любишь меня, — парирует Лусиан, задевая мою руку.

— Я собираюсь уходить; темнеет, да и я проголодалась, — говорю, поднимаясь и отряхивая задницу.

Лаки вскакивает и отшвыривает сигарету.

— Я провожу тебя домой, — говорит он и прощается с Джейли, подавая ему руку. Лусиан пожимает его руку, но в этот раз, когда они обнимаются, Джейли напрягает свой бицепс и слегка наклоняет голову. Я могу отчётливо слышать, как он говорит Лусиану:

— Mano (прим. исп. — друг, брат), ты так чертовски в этом увяз.

Возможно, они говорят о наркотиках, а может и обо мне, но я не знаю, что это значит, если только это вообще может быть чем-то хорошим.

На закате мы возвращаемся обратно по Риверсайд-драйв. Над Гудзоном небо окрашено в розовый и оранжевый, темнеющий небосвод понемногу отвоёвывает территорию у ярких красок. Лусиан хватает меня за руку, и я крепко держусь за его ладонь. Иногда он делает так по дороге в школу, когда никто не видит. От этого прикосновения в моём животе рождается волна тепла, хотя когда это делает кто-то другой, мои ощущения противоположны, вплоть до тошноты.

Мы останавливаемся почти на каждом углу, чтобы поздороваться с его друзьями. Этим вечером он не берёт меня за руку, и я думаю, что это может быть из-за внимания парней со спортивной площадки. Мне нравится, как он разговаривает с людьми, как они поддразнивают друг друга. Мне нравится даже то, что они, по большей части, вежливы со мной, будучи плохими парнями по жизни.

Когда мы прощаемся на лестничной площадке, Лусиан притягивает меня в свои объятия. Он никогда не обнимает меня без хорошей на то причины. Я тяну его ближе и сжимаю так сильно, насколько могу. От него пахнет как дома у Тити: кондиционером для белья и сигаретным дымом с оттенком неизменного мужского аромата. Я всегда думала, что не люблю этот мужской запах, но аромат Лусиана я обожаю. Крепко обнимаю его и, когда мы прощаемся, взбегаю по лестнице вверх, в свою комнату, закрываю дверь и начинаю рыдать.

***

Теперь, когда Лусиан живёт в одном доме со мной, он всё время приходит к нам. У него с Тити есть ключ от нашей квартиры, а у меня есть один, который я храню в связке ключей, от их квартиры.

Входная дверь открывается, когда я сижу за кухонным столом и делаю своё домашнее задание. Я поднимаю взгляд, ожидая увидеть маму с продуктами, но вместо этого вижу Лусиана, и вид у него потрёпанный.

Его губа распухла и кровоточит, глаз тоже попал под чей-то удар и практически закрывается под давлением. Ему больно и это меня пугает. Я встаю из-за стола, моя ручка скатывается на пол, но я молчу, предоставляя ему шанс произнести что-то первым.

— Не думал, что ты будешь дома, — говорит он. Его лицо серьёзно и лишено каких-либо эмоций.

— Библиотека была закрыта по особому случаю. Произошла драка?

Ты в порядке? У тебя идёт кровь.

Он молча кивает.

— Позволь, я дам тебе немного льда, — говорю, вбегая на кухню.

Я кладу лёд в миску, смачиваю полотенце водой, затем бегу в ванну за перекисью и марлей и захватываю это всё с собой в гостиную, где сидит Лусиан.

Опустившись на колени перед ним, я перекладываю несколько кубиков льда в мокрое полотенце и подношу к его лицу. Прошу разрешения взглядом, и Лусиан коротко кивает. Он вздрагивает то ли от холода, то ли от напряжения, и я кладу руку ему на грудь в попытке успокоить. Это непроизвольный жест

— Болит? — спрашиваю я.

Он качает головой.

Его грудь под футболкой кажется каменно-твёрдой, и эти прикосновения творят что-то невообразимое с моим телом. Я пытаюсь сосредоточиться на своей задаче.

— Тити убьёт тебя, — говорю я, уводя свои мысли подальше от его крепкой груди. — Тебе стоит попробовать держаться подальше от драк, — добавляю, сопротивляясь желанию обнять его или заползти на его колени. Лусиан есть и всегда был единственным мужчиной в моей жизни. Я смотрю на него, подбадривая, хоть мы и практически ровесники.

Слегка прикасаюсь к порезу под глазом, который кровоточит больше всего.

— Проще сказать, чем сделать, — говорит он и крепко хватает моё запястье. Я смотрю на соединение наших рук: его костяшки побелели, а моя рука под его захватом становится ярко-розовой.

Мои губы немедленно раскрываются, и тревога наполняет желудок. Я всегда могу прочитать и понять Лусиана, но прямо сейчас не понимаю, что происходит. У него пот на лбу; его лицо и рука в грязи. Он не выпускает мою руку из своей хватки.

— Лусиан, ты пугаешь меня.

Он пренебрежительно отбрасывает моё запястье, его взгляд медленно скользит вдоль моего тела. Я оглядываю свою грудь и вдруг осознаю, что сняла лифчик, когда пришла домой. На мне надета длинная рубашка на пуговицах, некоторые из них расстёгнуты. Мои соски затвердели из-за льда в кухонном полотенце. Рубашка натягивается на груди настолько, что лёгкий озноб пробегает по спине.

Лусиан отталкивает меня от себя и резко вскакивает с места. Он поправляет перед своих шортов, не оборачиваясь.

— Белен, натяни на себя немного чёртовой одежды, — выговаривает он холодно.

Я густо краснею и ощущаю желание закричать, что это не моя вина, но вместо этого я смотрю в пол и хочу успокоить его. Не знаю, что с ним случилось. Я хочу быть человеком, который может ему помочь.

— Прости, Люк. Я не знала, что ты придёшь.

7 глава

Лаки

Я стараюсь избегать её, насколько это возможно. Я знаю, это не её вина, но я не могу выносить её присутствия. Меня напрягает то, что это заставляет испытывать борьбу самим с собой и всё равно приводит к дикому возбуждению от её упругого маленького тела. Я знаю, что не могу прийти к ней и не облажаться. Я просто продолжаю твердить себе, что я молод и похотлив, ведь я только ещё больше распаляюсь, когда девчонка кончает.

Но, если быть честным, Белен творит с моим разумом что-то странное. Кажется, будто одновременно я хочу и защитить, и съесть её целиком. Всё, что я знаю, так это, как схожу с ума, находясь рядом, поэтому пытаюсь затаиться и заполнить своё время достаточным количеством дерьма, лишь бы избежать столкновения с ней.

Я пообещал тёте Бетти, что научу Белен защищать себя. Но я ведь не даю ей урок за закрытой дверью — моя мать дома, а тётя сопровождает Белен. Но они не знают, что я поцеловал её и как я себя из-за этого чувствую.

Я курю косяк на пожарной лестнице и пытаюсь усмирить свою нервозность. Я под кайфом и едва ли могу вспомнить ту хрень, которой меня обучали на уроках боевого искусства. Услышав стук, я открываю дверь и вижу Белен, нервную, под стать мне. Я улыбаюсь, увидев на ней спортивные трико, будто она только пришла с тренировки.

— Ну что, Бей? Готова надрать мне задницу?

Бей бледнеет, словно хочет умереть на месте.

— Не переживай, я обещаю не переусердствовать, — говорю я, обращаюсь как к ней, так и к тёте Бетти.

— Gracias, mi hijo (прим. исп. — Спасибо, сынок) — отвечает тётя, провожая Белен и проскальзывая внутрь мимо меня.

Столовая пуста, так как мы ещё не поставили стол; я иду туда, Белен

следует за мной. Наши матери сидят в комнате напротив, смотря телевизор и болтая.

— Это так глупо. Не могу поверить, что она заставила меня заниматься этим.

— Всё не так уж плохо. Район хреновый и вполне возможно, что тебе пригодятся эти навыки. Милый костюмчик, кстати, — говорю я, не в состоянии скрыть веселья.

— Прекрати издеваться надо мной, — отвечает Белен, скрещивая руки на груди.

— Отлично. Стой вот так, — говорю и двигаюсь вокруг неё, останавливаясь сзади. Я обнимаю её руками и сжимаю в крепком захвате. Она такая маленькая, и её волосы пахнут так замечательно, что мне хочется зарыться в них своим лицом.

— Как бы ты избавилась от меня, когда я держу тебя так? — спрашиваю я.

Белен пытается вытащить руки в стороны и тяжело вздыхает от усилий. Она не двигается ни на дюйм, хотя старается изо всех сил. Я не могу ей помочь, лишь улыбаюсь, наблюдая, как мило она при этом выглядит.

— Обхвати меня, как я только что это сделал, и я покажу, как освободиться из такого захвата.

Белен обхватывает меня руками, и я забавляюсь, какая же она маленькая. Она пинает меня коленом в зад, и мы оба смеёмся над происходящим. Мне следовало поделиться с ней косяком, чтобы сделать её более расслабленной.

— Тебе надо согнуть колени и выкрутиться. Нападающий не ожидает, что ты уйдёшь вниз, поэтому его захват сосредоточен на том, что ты будешь вырываться вперёд, — я показываю ей пару раз. — Поняла? Теперь пробуй.

Белен проскальзывает спереди, её задница задевает мой пах. Я борюсь со всеми внутренними порывами, пытаясь игнорировать это и продолжить занятие. Она легко выскальзывает из моих рук следующие несколько раундов. Я позволяю ей побеждать, так как это единственное, что я могу делать, дабы удержать свой член от жёсткого стояка.

— Жарковато здесь, — говорит Белен, отбрасывая выбившуюся прядь волос со щеки.

— Точно, — отзываюсь, рассматривая её раскрасневшееся лицо и размышляя, насколько же она прелестна.

Я учу её нескольким внезапным техникам освобождения из захвата предплечий путём выворачивания кистей внутрь и наружу. Она быстро всё

схватывает и посмеивается над своей ловкостью. Я улыбаюсь, видя, как её уверенность растёт.

— Ну, как всё проходит? — спрашивает тётя Бетти, входя, чтобы понаблюдать за нами.

— У Белен просто талант. Они пожалеют, что вообще когда-либо решили положить на неё свои грабли.

— Боже упаси! — говорит Бетти. — К тому же у неё превосходный учитель.

Тётя кивает головой и смотрит на меня с любовью. Её комплимент заставляет почувствовать себя нужным, полезным для них. Белен — просто талантлива во всём. Иногда я ощущаю себя неудачником в сравнении с ней.

— Последнее, что я собираюсь показать, это как выбраться из верхнего захвата, находясь под нападавшим. Знаю, звучит невероятно, особенно когда ты небольшой комплекции, но есть одна уловка.

Белен выглядит нервной, её взгляд скользит по полу. Она не хочет, чтобы я её оседлал. Я тоже этого не хочу, но одновременно, я невероятно сильно желаю взобраться на неё.

— Ложись на пол, — говорю ей. Она выполняет мою просьбу, хотя выглядит напуганной. Я возвышаюсь над ней, ноги стоят по обе стороны от её талии. Она нервно теребит пальцы. Я собираюсь сказать что-то, чтобы успокоить её, но в то же время её нервозность восхитительна, очаровательна. Я знаю, прямо сейчас она думает о поцелуе, но я не могу себе позволить отвлекаться.

— Белен, — зову я, и она поднимает на меня взгляд. — Я не обижу тебя, обещаю.

— Знаю, — её тихий ответ похож на шёпот.

Я становлюсь на колени над её бедрами и медленно опускаюсь своим весом на неё. Хватаю обе её руки и поднимаю над головой; сдавливаю её запястья и пристально всматриваюсь ей в лицо. Срань Господня, я так хочу поцеловать её!

— Попробуй сбросить меня, — говорю я. Белен трогательно сражается. Она не двигается ни на дюйм. Совсем не потому, что она прилагает мало усилий, просто это самая уязвимая позиция из всех, в которых можно оказаться. Я выучил этот приём на борьбе и знаю, что любой может сбросить нападавшего, чьи размеры в два раза больше твоих собственных, если использовать правильные рычаги.

Я пытаюсь не думать о том месте, где наши бёдра соприкасаются; отчаянно пытаюсь не замечать жар, исходящий из её киски. Ещё сильнее я стараюсь не думать о подрагивании своего члена. Она тоже старается,

делая вид, что вообще ничего не ощущает.

— Перемещай ноги выше, ближе к своей заднице, — направляю её движения. Лицо Белен вспыхивает, её глаза говорят, что сейчас она где-то далеко, а не здесь со мной. Но она по-прежнему отзывается на призыв моего голоса. Она поднимает ноги, и я притворяюсь, что не замечаю, как её бёдра крутятся под моими, как невинно и сладко она ощущается, пойманная в ловушку подо мной.

— Теперь ты получила сильный рычаг, и тебе нужно сделать толчок бёдрами вверх и в сторону; одновременно используй силу обоих рук, чтобы поднять своё тело. Понимаешь?

Она кивает, и наши взгляды пересекаются. Она не хочет выбираться из этого положения. Впрочем, как и я. Мой член встаёт только от одного зрительного контакта с ней.

— Скинь меня, — говорю я, и Белен прилагает все усилия для этого. Она следует моим указаниям и у неё понемногу выходит. Но по какой-то дурацкой причине я не могу позволить ей победить. Я остаюсь всё так же сверху, на ней.

Она дышит быстро и прерывисто и снова делает выпад бёдрами, в этот раз прокручивая их вправо. Я сильнее прижимаю её и вжимаю её руки в пол. Здесь и сейчас я связан с ней.

— Я не могу сделать этого, Лаки! — выкрикивает она, всё ещё прилагая усилия.

— Ещё раз! — приказываю я; она перемещает ступни ближе к своей заднице и делает толчок, приподнимая таз вверх. Я скатываюсь с неё, продолжая удерживать её за запястья. В ходе смены позиций, она оказывается на мне верхом. Но вместо того, чтобы слезть с меня, она освобождается из моих рук и даёт мне пощёчину.

— Какого хрена? — спрашиваю, схватившись за щеку. Я борюсь, чтобы перехватить её запястья; теперь я быстрее и, перекатившись, рывком подминаю её под себя. Я снова оказываюсь сверху, Белен дышит тяжело, её грудь вздымается. Могу видеть её соски через спортивный лифчик, и вот мой безмозглый член снова стоит по стойке «смирно».

— Почему ты ударила меня? — спрашиваю, запыхавшись.

— Заслужил! Ты же нападающий, — говорит она, и я слегка улыбаюсь.

— Я собираюсь научить тебя нормальному удару. Ты не можешь обходиться пощёчинами.

Я поднимаю её и поправляю свою промежность.

— Сожми кулак вот так, Бей, — говорю, удерживая кулак возле её лица.

Подражая, она повторяет моё движение, её кулак крошечный. Она поднимает оба кулака на уровне лица, будто готова побить меня. Она вообще не выглядит грубой, хулиганкой, и я начинаю смеяться.

— Замахивайся снизу, вот так, и прямиком мне в челюсть, — я беру в руку её запястье и направляю прямо к моему лицу. Белен смотрит на меня так доверчиво, что это буквально переворачивает мои внутренности. Её глаза широко распахнуты, щеки покрывает румянец, волосы в беспорядке. Она закусывает губу, пока прочерчивает линию кулаком в воздухе.

— Ну, давай же, ударь меня.

— Я не хочу, — расстроенно говорит она.

— Конечно, ты хочешь!

— Я не хочу, Лаки.

— Черт, ударь меня, Бей! Я хочу быть уверенным, что ты сможешь о себе позаботиться!

— Нет! — выкрикивает она, переубедить её в обратном невероятно сложно. Я хватаю её руки и прижимаю к стене. Не думаю, что мы всё ещё говорим об ударах; мы говорим о том поцелуе.

Я хочу схватить её за подбородок и заставить поцеловать меня. Хочу засадить ей, хочу показать, насколько двинутым она меня делает.

Но вместо этого я утыкаюсь лбом в её лоб, наши носы соприкасаются. Я закрываю глаза и слегка качаю головой.

— Игра окончена! — говорю и отталкиваюсь от стены. На лице Белен шок, так как я одновременно разрываю все точки соприкосновения наших тел. — Я закончил! — выкрикиваю и шагаю широкими шагами в спальню.

Я хлопаю дверью на случай, если они не поняли, что я, черт подери, закончил.

8 глава

Белен

Я использую расчёску с растопыренной щетиной и немного геля, чтобы собрать волосы в высокий хвост, затем зачёсываю «петухи» и завязываю волосы в тугой узел, пока всё не станет идеально ровным. До моего дня рождения всего две недели, и я не могу больше ждать.

Лусиан, возможно, забыл об этом и даже не явится, чтобы разрезать праздничный торт на вечеринке. Он избегает меня с того самого дня, когда он давал мне урок самообороны, и мы едва не поцеловались. Он находится неподалёку, если наши мамы заставляют его приглядывать за мной. Он

даже не хочет бороться со мной. Думаю, он сердит или считает наш поцелуй чем-то неприличным. Но я так не считаю — никогда не забуду, как мы целовались.

Хотя, признаться, я чувствовала вину, поэтому на следующий день, после нашего поцелуя, в воскресенье в церкви я просила у Бога прощения и возможность получить ещё один шанс. Я обещала ему оставаться чистой и невинной до свадьбы. Поцелуй не был чем-то, что я воспринимала всерьёз. Он заставил меня ощутить что-то типа сердечного приступа и затем покрыл меня налётом вины, настолько плотным, что потребовались четыре свечи, три Аве Мария и две молитвы с чётками, чтобы очиститься от него.

После того, как я заканчиваю свою домашку, я бесцельно переключаю каналы по телику, положив ноги на кофейный столик. Мамы не будет дома до обеда, а Яри у стоматолога. Еще вчера я бы пошла искать Лусиана, но сейчас мне страшно видеться с ним. Он скажет что-то о случившемся, и я точно умру от смущения. Но в квартире жарко, и моя кожа зудит от желания выйти. Может, я просто пойду посижу на крыльце и гляну на прохожих. Посмотрю, кто сейчас на улице.

Я ещё раз проверяю свои волосы и сбегаю по лестнице. Я могу чувствовать готовящиеся обеды соседей, запахи заполняют лестничные пролёты. Мама точно принесёт что-то с собой домой, так как она заботится об одном старике и работает допоздна — готовит ему. Она наготовит побольше и принесёт нам. Старик ест только еду из блендера, потому что у него нет зубов для пережёвывания.

На работе мама носит бирюзовые халаты и ухаживает за двумя разными людьми, которые не могут о себе позаботиться. Она говорит, что прошла практику с моим отцом и затем смеется, будто это самая смешная шутка. Моего отца вообще не было рядом, он бросил нас, когда мне был год. Отец Лусиана тоже ушёл, и теперь Люк единственный мужчина в наших семьях, если не считать сыновей Хеми, но никто их и не считает.

Оказывается, у меня глаза отца, и мама говорит, что все мои тощие кости тоже от него.

— Посмотри на мои бёдра! — говорит она, стоя бок о бок со мной напротив зеркала, и она права: мои бёдра совсем не такие, как у неё.

Лусиан весь в отца — вот откуда у него эти веснушки и улыбка. В детстве он был блондином, но теперь его волосы потемнели, как и мои. Лусиан сильный и мускулистый, он выглядит опасным и грубым. Парни не связываются с ним на улице, ибо ходит слух, что Лусиан не боится отделать любого. Но дома мы не можем разговаривать или вести себя так, как на

улице. Наши мамы сняли бы нам головы, насадили их на палки и скормили нам наши же ступни на обед, если бы узнали, насколько отличается наше поведение на улице от домашнего, особенно у Лусиана. Тити отправила бы его в военную школу. Дома он сын, но, с другой стороны, он и мужчина. И не просто мужчина, а тот мужчина, который получает всё, что хочет. Лусиан хочет быть как Джейли. Я не тупая, я знаю, что он делает.

Я шлепаюсь задницей на верхней ступеньке крыльца; мне нравится держаться подальше от последних ступенек. Так я могу быстро подскочить и забежать внутрь, если что-то плохое произойдёт. Не то чтобы люди палят из пушек на тротуаре каждый день, но и таких случаев достаточно для меня, чтобы держаться настороже.

Погода жаркая и влажная, даже когда я надеваю топ. Я подхожу к бакалее и покупаю себе апельсиновую содовую.

— Привет, Белен, как ты? — Парень за прилавком вручает мне соломинку и пакет, минуя очередь людей, ждущих, чтобы купить лотерейные билеты, пиво или поштучные сигареты.

Я кладу два четвертака на маленький прилавок перед окном из оргстекла. Улыбаюсь, благодарю, и он протягивает мне пачку жевательной резинки. В этом гастрономе я всегда получаю мелкие вещи бесплатно. Думаю, он втюрился в мою маму; это видно по тому, как он на неё смотрит. Я разрываю бумагу с соломинки и прокалываю ею баночку содовой, но продолжаю держать пакет обернутым вокруг напитка — так делает Лусиан.

Он стоит на углу с друзьями, когда я направляюсь обратно к крыльцу. Я смотрю в пол, так я могу притвориться, будто не вижу его и мне плевать, чем он занят. В основном, они разговаривают на испанском.

Здесь много иммигрантов, или, как мы их называем, деревенщин; они не знают, как ездить на метро, или даже в какой стороне центр города. Мы с Лусианом говорим на английском лучше, чем на испанском. Но Лусиан хорош в разговорах с другими людьми на любом языке.

Мы одновременно поднимаем глаза и встречаемся взглядами. Я быстро опускаю глаза и чувствую, что краснею. Наверное, мне не стоит смущаться — он единственный, кто целовал меня. Но я действительно этого хотела, и, когда он прижимал меня к холодильнику, я практически умоляла его о поцелуе. Во время урока по самообороне я не желала, чтобы он прекратил прикасаться ко мне. Однако я даже не предполагала, как ужасно всё может обернуться после, и что это заставит его ненавидеть меня. Ещё я чувствую вину, но знаю наверняка — многие девушки в школе целовали свои кузенов — а значит, это не может быть так отвратительно,

насколько он показывает своим поведением

Ощущаю, как он разговаривает со мной взглядом и хочу продолжать слушать его. Уверена, внутри Лусиана кроется столько всего, и я видела многое ещё с тех пор, как мы были детьми, но подозреваю — он намного глубже; как бы я хотела заглянуть ему внутрь, чтобы осветить все тёмные уголки его души. Знаю, он хотел бы, чтобы у нас было больше денег или чтобы наши отцы были рядом; знаю: он беспокоится о будущем и о своей маме, которая всё так же держится за свою работу. Я слышала их споры о том, чтобы Люк продолжал учёбу в школе, видела слёзы Тити, когда он сказал, что хочет найти работу и поддерживать её.

— Хей, Белен! — зовет меня один из парней, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как все они пялятся в мою сторону. Я ставлю свой напиток, встаю и медленно иду к ним. Надеюсь, они не разыгрывают меня, не подкалывают, и я совсем не изюминка их шутки. Не знаю, как Яри может шататься с ними — я просто не доверяю парням их возраста. У парней по соседству плохая слава, особенно у тех, кто практически живёт на углу.

— Отцепись от неё, — говорит Лусиан, бросая на меня резкий взгляд и дёргая головой в сторону нашего дома. Этот жест велит мне зайти внутрь и не быть жертвой их забав. Но я хочу показать Лусиану, что крута и могу справиться с этим; показать ему, что могу быть как другие девушки. Хочу, чтобы он увидел: другие парни тоже могут западать на меня.

— Белен, отправляйся наверх, — говорит он, тогда как я всё ближе подхожу к их группе.

— Да пусть остаётся с нами, Лаки, — возражает один из них. — Она выглядит прямо как Ева Мендес.

— Эй, Лаки, твоя кузина сосёт член? — спрашивает другой, и я осознаю, что мне стоит повернуть обратно. Но мои ноги продолжают идти и приближают меня к компании.

Однажды мама сказала мне, что люди могут чуять запах страха, как лошади, поэтому надо притворяться, скрывать его, когда находишься рядом с ними. Покажи им, что ты стойкий и не отступишь ни перед чем. Если только они сумеют уловить аромат твоего страха — они могут сойти с ума и напасть.

Лусиан хватает меня за руку и тянет прямо через центр группы. Я отчасти врезаюсь в его бок, и улыбка проскальзывает на моём лице, хоть я и не хочу этого.

— Даже если бы у меня было что-то с парнем, я бы вряд ли вам сказала, ребята, — вот что приходит мне в голову в отместку. Я хочу быть одной из тех девушек, которые не боятся; хочу быть крутой.

— Святое дерьмо, Белен! — протягивает один парень позади меня.

— О, черт! — говорит другой, и они все смеются.

Я улыбаюсь и краснею, так как не уверена, что их так развеселило. Лусиан хватает мою руку и тянет к нашему дому.

— Пусти! — выговариваю чётко. — Я хочу остаться здесь подольше.

— Нет. Ты. Не. Хочешь. Пошли. Сейчас же, — чеканит Лусиан, и я не могу отказать ему. Он слишком взбешён и, могу поклясться, он не примет мой отказ за ответ.

— И всё-таки о чём они говорят? — спрашиваю, в то время как он снова тащит меня домой.

— Подожди, пока мы не поднимемся, — бросает он, всё так же насильно уводя меня за собой.

— В чём твоя проблема… — восклицаю, внезапно останавливаясь на крыльце, опуская взгляд вниз на содовую и тёмное пятно на цементных ступеньках.

— Нет! — выдыхаю потрясённо и взбегаю прямиком в свою квартиру.

Это не может происходить со мной здесь и сейчас. Не перед теми парнями, не перед моим двоюродным братом. Я издаю звуки похожие на рыдание, наполненное сожалением. Но Лусиан догоняет меня на лестнице и пытается утешить.

— Моя мама на работе, — говорю, отворачивая своё лицо от него.

— Это впервые? — спрашивает он.

— Не хочу об этом разговаривать!

Мы находимся на его лестничной площадке, он ищет ключи. Я просто стою на месте, всхлипывая, желая стереть весь этот чёртов день.

— Входи, Белен, — говорит он, указывая головой на двери своей квартиры. Он вставляет ключ в замок и придерживает её открытой для меня. Я, ссутулившись, следую за ним. У меня такое чувство, что я не имею выбора, хотя даже не понимаю, почему. Мне следовало бы подняться к себе, снять грязную одежду и принять ванну. Он бросает ключи на стол и скрывается в ванной комнате; возвращается с зелёной упаковкой прокладок и протягивает её мне.

Я умираю от смущения; никогда не могла чувствовать себя более униженной. Молча забираю у него упаковку и направляюсь в ванну. Я спускаю штаны, чтобы рассмотреть, но это даже не особенно похоже на кровь; просто тёмное пятно, но, признаться, его вид меня пугает, и я усаживаюсь на унитаз. Лусиан с треском открывает дверь, и я кричу в знак протеста.

— Cálmate(с исп. Спокойно), Белен! — восклицает он и бросает мне

бельё Тити и чёрные леггинсы. Он возвращается через пару секунд и толкает полиэтиленовый пакет в угол.

— Положи грязную одежду сюда. Мы можем отправить её в прачечную.

— О’кей. Спасибо. — Я успокаиваюсь, чувствуя абсолютную подавленность.

Заталкиваю грязную одежду в пакет и приклеиваю прокладку к трусам. Затем натягиваю леггинсы Тити и аккуратно мою руки, рассматривая следы крови повсюду.

Когда я, наконец, успокаиваю свои нервы достаточно, чтобы выйти из ванной, я застаю Лусиана, сидящего на диване, переключая каналы, будто бы ничего необычного и вовсе не произошло.

— Спасибо, — говорю я, чувствуя себя ещё более нелепо, чем раньше. — Думаю, мне надо подняться наверх и подождать возвращения мамы.

Лусиан оборачивается ко мне и кивает головой; на столе стоит стакан с водой и пару таблеток лежат рядом.

— Ох, нет, спасибо, я в порядке, — говорю, — я даже почти ничего не ощущаю.

— Моя мать всегда их принимает. Без них у тебя будут спазмы. Если ты хоть немного похожа на мою маму, то ты отключишься.

Я принимаю таблетки, их трудно глотать. Я благодарна Лусиану, но также чувствую себя глупо и пристыженно из-за случившегося.

— Как ты думаешь, другие парни будут смеяться надо мной в школе? — спрашиваю, с ужасом ожидая его ответа.

— Если они только попытаются, Белен, обещаю повыбивать им все зубы.

— Я чувствую себя такой глупой.

— Почему? У всех девушек такое бывает. Лучше на крыльце, чем в школе или ещё где-нибудь далеко от дома и от тампонов, — говорит он и пожимает плечами, будто эксперт по месячным.

— Почему для тебя это всё не проблема? — я оттягиваю прощание.

— Я же живу с женщиной. Здесь вообще нет ничего необычного, Белен — это должно было произойти рано или поздно. Ты больше не ребёнок.

— О’кей, спасибо, Лусиан, — говорю я, но слова кажутся шепотом.

Он снова смотрит в телевизор и бесконечно переключает каналы. Хочу попросить его о поцелуе. Я вроде и сама хочу его поцеловать. Но, кажется, он потерял ко мне интерес, поэтому я ухожу, даже не зная, как отблагодарить его.

***

Три месяца спустя моё состояние уже вчерашний день. Теперь у меня есть прокладки, тампоны, адвил и записка, освобождающая от физкультуры. Лусиан верен своему слову, никто не дразнил меня. Не знаю, как именно он заставляет всех его слушать, но никто мне об этом и слова не сказал, а это главное. Думаю, может это и хорошо, что все случилось перед Лусианом, он все же моя семья. Возможно, теперь, когда я превратилась в женщину, он будет воспринимать меня всерьёз. Но мы не оставались наедине — рядом всегда мама или Тити. Я хочу поблагодарить его и, признаться, поцеловать его.

Однажды вечером после драмкружка, я, открывая дверь, чувствую запах табака. Я знаю, что так пахнет практически от каждого бывшего маминого ухажёра. Запах усиливается, когда я поднимаюсь по лестнице выше. Поднявшись на последний этаж, я вижу, что дверь на крышу открыта, и кто-то курит там. Засовываю ключ в замок и толкаю дверь.

— Белен! — я слышу чей-то шепот; резко подпрыгиваю и закрываю дверь снова.

— Лаки? — спрашиваю, всматриваясь в тёмную дверь.

— Я на крыше, сестрёнка. Поднимайся, посмотрим на луну.

— Ты один? — думаю, что он там с девушкой.

— Да, чертовски один, а теперь тащи свою задницу сюда.

Дверь на крышу — это люк, и надо ещё взбираться вверх по металлической лестнице. В нашем здании нет выхода на крышу, поэтому Лаки должно быть испортил охранную сигнализацию. Толкаю люк и просовываю голову в дыру. Он сидит на заднице рядом с люком и рассматривает звёзды.

Рядом с ним выкуренная сигарета и кучка табака. Здесь же лежит мешочек, полный травки, а я реально не хочу ввязываться в эти проблемы. Но желание быть рядом с Лаки сильнее, чем мой здравый смысл. На крыше нет никакого защитного барьера, так что ты можешь влезть туда, перевернуться и упасть в темноту, раскрошив свой череп о тротуар. Так можно запросто стать свежей горячей новостью завтрашних газет.

Отталкиваюсь руками, но, кажется, я не сумею преодолеть дистанцию между последней ступенькой и открытым люком. Немного кряхчу, пытаясь залезть, и Лаки встаёт, пошатываясь, и подхватывает меня под мышки. Совместными усилиями я забираюсь через люк наружу. Здесь практически полная тишина, так далеко от улицы. Ночное небо бескрайне и безоблачно — идеально для созерцания звёзд, если бы вы, конечно, вообще могли разглядеть их над Манхэттеном.

— Хочешь закурить? — спрашивает Лаки, поднимая наполовину сожженный косяк.

Я качаю головой, и он кладёт его обратно, пожимая плечами.

— Почему ты здесь один?

— Просто надо было немного свободного пространства, — говорит Лаки задумчиво.

Я полностью его понимаю, ведь его мама точь-в-точь как моя, и они могу потерять чувство меры, когда вмешиваются в наши дела. Лаки скрещивает лодыжки и откидывается назад на вытянутые руки, растопырив пальцы. Он смотрит на небо и вздыхает; я, как и он, поворачиваю голову вверх, к небу.

— Как хорошо. Кажется, мы уже целую вечность не проводили время вместе, — говорю я и теряю дар речи, ведь мои слова звучат слишком откровенно.

Лаки кивает, глядя на меня, тогда как я утыкаюсь взглядом в свою руки.

— Ты знаешь, я пытался держаться от тебя подальше после случившегося.

Киваю. Я знала, что он это скажет, но всё равно вздрагиваю от боли, причинённой этими словами. Он избегал меня почти год из-за того, что я поцеловала его. Должно быть, он считает меня отвратительной.

— Прости, — шепчу, слёзы против воли катятся из глаз, достигая уголка рта. Я вытираю их руками, гадая, стоит ли мне уйти сейчас.

— Не извиняйся, Белен. Это мне не следовало целовать тебя, — говорит он, убирая волосы с моего лица. Я не поднимаю глаз и киваю. Мне вообще не надо было сюда залазить.

— Ты красивая, умная и замечательная во всех отношениях. Ты идеальна, Белен, и я не имел права… я воспользовался своим преимуществом.

— Я не настолько невинна, — говорю, смотря ему прямо в глаза. — И я сама хотела тебя поцеловать.

— Я не хочу быть плохим парнем, — отвечает Люк, и я не понимаю, что на самом деле он имеет в виду. — Ты лучшая часть моей жизни, и я хочу, чтобы так и было в будущем.

— Ты никогда и не был плохим парнем, Лусиан. Никогда. И, между прочим, я всё ещё хочу тебя поцеловать.

Святое дерьмо! Я сказала это. Возможно, это заняло целую вечность, но все же фраза прорвалась на поверхность.

Лусиан смотрит на меня, и его взгляда достаточно, чтобы остановить

вращение планеты.

— Я бы сделал для тебя столько всего, если бы мог, — наклоняясь ко мне, шепчет он мне прямо в ушко. Его губы легко касаются мочки и посылают лёгкие волны дрожи по всему моему телу; они поднимаются по плечам и скользят по затылку. Это ощущается просто волшебно. Лусиан всегда своим присутствием доказывал существование магии для меня. Но прямо сейчас он заколдован, как и эта ночь. Дрожь превратилась в жар, я могу чувствовать оглушающий грохот пульса в ушах.

— Я хочу тебя, — говорю, удивляясь своей дерзости.

Я всегда твержу, что сохраню себя до брака, вместо того, чтобы перецеловать кучу парней, каждый из которых думает, что получил меня. Не хочу быть девушкой, о которой все болтают в школе, девушкой, которая, в конечном счёте, забеременеет и останется матерью одиночкой как мама или Тити. Но что я действительно желаю больше всего на свете так это, чтобы Лусиан взял меня и использовал так, как он делает с другими девушками. Даже если он бросит меня после этого, я всё так же неистово хочу пережить эти моменты, быть желанной им, быть тем, кого он хочет, сводить его с ума своим телом, чувствовать его язык у себя во рту; хочу, чтобы его стояк упирался мне в ногу, хочу ласкать, гладить его член руками; хочу тихих стонов, затруднённого дыхания и его бёдер, трахающих и вжимающихся в меня. Но есть Лаки с его бдительностью и сдержанностью. Я никогда не смогу отделаться от воспоминаний и безостановочно хочу быть с ним.

Я действую импульсивно, хватаю его за руку и тяну так, чтобы мы оказались лицом к лицу.

— Поцелуй меня снова, Лаки, я хочу этого. Пожалуйста? — прошёл почти год, но казалось, будто мы так и не покидали той кухни.

Он поднимает бровь и его лицо приобретает мученическое выражение. Опираясь на локоть, он проводит рукой по своим волосам, его голова наклонена так, что подбородок упирается ему в плечо. Он так долго раздумывает, колеблется, думаю, он и правда совсем не хочет этого. Я просто идиотка. Теперь, наверное, он будет насмехаться надо мной. Будет избегать меня до конца жизни.

— Забудь, — говорю, отталкиваясь ногами, чтобы встать. Лаки хватает меня за плечо и силой усаживает обратно.

— Черт возьми, не говори мне, что хочешь моего поцелуя, чтобы потом просто взять и сбежать, Белен!

— Просто забей, я ошибалась. Это была глупость. Я увлеклась, поддалась эмоциям. — Я снова плачу. Чувствую себя как оголённый нерв,

будто бы сняла с себя всю одежду, а он только что приказал надеть её вновь.

Лаки делает глубокий вздох и закрывает глаза. Он раздумывает над всем этим. Я больше не могу терпеть.

И тянусь за поцелуем.

Предполагается, что мальчики должны целовать девочек, а не наоборот. Но я настолько сильно хочу этого; не могу жить дальше, если не получу от него поцелуй. Мои губы непорочны, они знают только вкус губ Лаки, — может поэтому они не могут перестать хотеть его.

Наверное, я просто сошла с ума. Но почему-то уверена — это будет потрясающе. Я уже целовала его раньше и помню, каково это было, помню каждую секунду — каждый удар языком, каждое посасывание, каждое бархатистое прикосновение его губ, скользящих по моим губам.

Он втягивает воздух, когда мой рот прикасается к нему, но не открывает глаз. Я стою на коленях, а он по-прежнему полулежит на локте. Он раскрывает губы, принимая мой поцелуй, его руки оборачиваются вокруг моего тела. Вначале он сжимает меня с опаской, но затем всё крепче и крепче, мой рот тает на его губах.

Лаки внезапно приподнимается и тянет меня к себе на колени. Я не могу оторваться от его рта или открыть глаза — всё кажется таким хрупким, иллюзорным. Я хочу этого, хочу до боли — вот и всё, что я знаю. Вместо того, чтобы получить облегчение от поцелуя, я чувствую сжимающий грудь спазм, уже боясь того момента, когда всё закончится. Знаю — мы ведь родственники, знаю, что не должна хотеть этого. Уверена, мама убьёт меня, узнав, что я была инициатором, будто распутная девка.

Я порочная. А она всегда предостерегала меня от этого.

Рука Лаки скользит по моей щеке и нежно обхватывает затылок. Он целует меня глубоко и мощно, так, что моё сердце грохочет в груди. Внутри меня медленно просыпается зверь; он зевает и потягивается, заполняя всё тело. Зверь бросается вперёд в жажде урвать побольше из того, что Лаки может дать. Я не могу чётко определить, что это, но зверь в точности знает, чего он хочет. Мои руки на его груди, в его волосах, исследуя всё его тело в поисках ответа. Это конец света? Ибо что вообще могло бы произойти после такого?

Моё хныкание сменяется стоном, и я тяну руку к его ширинке. Украдкой опускаю взгляд вниз и затем вновь поднимаю голову для поцелуя. Не думаю, что хочу секса; я не хочу трогать его член, но мне необходимо знать, завожу ли я его. Отчаянно хочу убедиться, что не хуже других женщин, которых он имел, такая же умелая, как и они, в способности

возбуждать его. Он смотрит на меня с приглушённым чувством вины, не сводит с меня жаркого, похотливого взгляда. Его глаза полны порочного обещания. Его глаза говорят, насколько далеко он хочет зайти со мной.

Лаки направляет мою руку вдоль своей выпуклости в джинсах, я делаю резкий рывок ему на встречу и вновь захватываю его губы в глубоком поцелуе. Мой язык врывается в его рот и всасывает его язык. Ещё один глубокий стон вырывается из меня. Мой внутренний зверь пробудился и полностью завладел мною; я больше не та маленькая девочка, что ждёт его прикосновений на кухне. Даже если я и чувствую себя растерянной, мои инстинкты подсказывают что нужно делать. Я тяну вниз молнию и расстёгиваю пуговицу на его ширинке; просовываю руку внутрь его боксёров и веду ею вниз в поиске жара его члена. Тяжело дышу, почти задыхаюсь, когда беру его в руку, и он стонет в мой рот, целуя меня. Никогда не захочу никого другого. Только Лаки. Только его одного.

— Белен, — на выдохе стонет он, моё имя звучит так порочно в его устах.

Лусиан приподнимается на коленях и оказывается надо мной, медленно опуская моё податливое тело на чёрное покрытие крыши. Она мягкая и рыхлая, всё ещё тёплая после жаркого дневного солнца. Мои ноги невольно раздвигаются в приглашающем жесте. Как только наши тела соединяются, я прижимаюсь промежностью к его паху. Это ощущается так правильно, так замечательно. Как может нечто подобное считаться чем-то превратным?

— Белен, — произносит он снова напротив моих губ, не прекращая поцелуя. Знаю, он хочет сказать мне «нет». Напомнить, что мы кузены. Но я хочу слышать, как он говорит мне только «да»: своим ртом и своим телом. До смерти хочу чувствовать его вожделение, которое разжигаю именно я и никто другой. Я сделаю для этого всё, заставлю его ощущать всё так, как ощущаю я. Хватаю край своей белой футболки и рывком снимаю её через голову. В его глазах читается: «Какого хрена ты творишь?», но затем он замечает белый хлопок моего бюстгальтера, который так призывно приподнимает мою грудь. Я отчётливо вижу внутреннюю борьбу, отражающуюся на его лице.

— Для тебя, Лаки. Я хочу дать это тебе, — имею в виду мою девственность, тело, сердце, но не могу выговорить слова.

Я хочу, чтобы его вожделение взяло верх над остальными мыслями. Хочу видеть, как он берёт меня, как полностью теряет контроль. Хочу чувствовать его внутри себя. Я расстёгиваю шорты и извиваюсь, чтобы спустить их с бёдер.

— Пожалуйста, Лаки, — шепчу.

— Пожалуйста, что, Белен? Господи Боже!

— Пожалуйста, не отказывай мне, — отвечаю, потираясь своей затянутой в хлопковые трусики промежностью прямо по его внушительной выпуклости. Сначала он встряхивает головой как пьяница, чтобы протрезветь; затем он встряхивает ею уже со злостью и смотрит на меня прояснившимся взглядом.

Он отталкивается назад, пока не садится на задницу, и сгибает колени, опираясь на них локтями; скрывает лицо в ладонях, затем трёт брови нижней частью ладони.

— Черт, — выдыхает он, поднимая на меня взгляд.

Я сижу с прижатой у груди футболкой; мои слёзы впитываются в ткань, пока я пытаюсь вернуть контроль над собой. Меня только что отвергли, но я всё ещё переполнена тем, что хотела сказать и что хотела сделать.

— Я… я увлёкся, Белен. Позволил зайти этому слишком далеко.

— Я хотела, чтобы ты сделал это. Только ты, Лаки. Никто другой. — Я ждала год, желая сказать ему об этом. Более трёхсот дней, начиная с того самого поцелуя возле холодильника.

— Нет, Белен. Это не могу быть я. Просто продолжай хранить себя, дождись правильного, хорошего парня. Ты встретишь его быстрее, чем думаешь.

— Не хочу никого другого. Я хочу только тебя! — молю, сжимаю кулаки по бокам от себя. Как он вообще может думать, что я позволю кому-то другому дотрагиваться до себя подобным образом? Он оглядывается через плечо и качает головой в бессилии. Он не может сказать мне того же в ответ. Он не чувствует того, что и я. С чего бы ему? Он имеет Яри и ещё множество других женщин. Может, они сексуальней или делают всё лучше меня. А может он не хочет меня, потому что считает отвратительной.

Я хочу сказать что-то, но всё что у меня получается это издать тихий всхлип и выдохнуть. Отворачиваюсь от своего кузена и бегу к люку. Легко проскальзываю внутрь, как только моя нога касается первой ступеньки, и мчусь вниз по лестнице. Рывком натягиваю футболку через голову и тихо захожу в квартиру, мягко прикрыв дверь, чтобы не разбудить маму.

9 глава

Лусиан встречается со многими девушками, и под многими я подразумеваю тонны девушек. Он гуляет со старшеклассницами, с

младшеклассницами, как Яри, и даже с теми девушками, кто уже выпустился, но по каким-то причинам всё ещё проводят время в его компании. Я же не встречаюсь ни с кем. Зато у меня отличные оценки, так что я прошла почти весь курс углублённого изучения литературы.

Я провожу ночи за учёбой, Лусиан же — шатаясь со своими друзьями по соседству или встречаясь с девушками. Я вижу его временами, когда возвращаюсь поздно домой — на крыльце, в коридоре, на углу — в любых местах. Иногда с Яри и это заставляет меня чувствовать себя неловко. Всякий раз, как мы с ней выбираемся погулять, все, чем она хочет заниматься, так это болтать о Лусиане и жаловаться на него. Уверена, он трахается с ней, как и со всеми остальными. Я говорю ей об этом, но она всё ещё меня не слушает. Надеюсь, он никого не обрюхатит, ибо Тити будет в неимоверной ярости.

Я учусь как проклятая, чтобы поступить в колледж. И Лусиан всё так же остаётся единственным парнем, которого я когда-либо целовала. Печальней то, что он единственный, кого я вообще хотела бы целовать.

Тити говорит Лаки собирается идти на службу, возможно в армию или на флот. Она считает это хорошим способом посмотреть мир. Я же думаю, что это хорошая возможность быть убитым, но мама десять раз мне говорила оставить своё мнение при себе. Итак, я отмалчиваюсь, когда речь заходит о будущем Тити и Лаки. Он всё время работает, так что он уже похож на взрослого мужчину. Не то чтобы я извращенка, просто все говорят то же самое. Лаки и раньше покупал пиво, и никто не просил у него удостоверения личности — они решили, что он выглядит достаточно взрослым.

Итак, Лаки отправится служить, а я пойду в колледж. Возможно, он женится на одной из своих девушек до этого, создаст семью, чтобы ему было куда возвращаться с войны. Яри называет своих соперниц шлюхами и ревнует его к каждой. Я не хочу быть грубой и удерживаю себя от подтверждения очевидного. Мы с Лаки не очень-то много разговариваем. Между нами тяготеет неловкость, когда мы остаёмся наедине. Мы больше не встречаемся на семейных сборищах или по дороге в школу.

— Белен! — кричит мама, и я отрываюсь от домашки. Сегодня мы встречаемся с Хеми и её детьми на Тайм-сквер и идём ужинать и смотреть кино. Если приезжает Хеми, то мама автоматически платит за всех, поэтому она уже совсем не в духе. Я завожу свой будильник сейчас на случай, если мы вернёмся домой слишком поздно, и я забуду это сделать потом.

Мама вырядилась в облегающее чёрное платье, на ногах туфли на

каблуках. На мне же джинсы, свитер и носки с длинным ворсом, чтобы держать ноги в тепле.

— Отлично выглядишь! — говорю я, улыбаюсь её отражению.

— Помоги мне с этой молнией, детка, — просит мама.

Убираю её волосы в сторону перед тем, как застегнуть молнию. Она пахнет детским лосьоном и лаком для волос, и у меня появляется непреодолимое желание сжать её в крепких объятиях.

— Не могу поверить, что в это же время через год мы будем праздновать твой выпускной. Я так горжусь тобой, Белен. Мы все знали, что ты смышлёная, но ты превзошла любые наши ожидания.

— Я просто много учусь, вот и всё. Не смущай меня, мам. И только не говори ничего подобного перед тётей Хеми.

— О, так мне запрещается гордиться своей дочерью? — она снимает оставшиеся бигуди с головы и бросает их на столешницу.

— Нет, конечно, ты можешь, но просто не переусердствуй. Ты же знаешь, кузены последние, кто хотел бы слышать о моих успехах.

Мама берёт черный карандаш для глаз и затемняет им уголки. Мне нравится наблюдать, как она красится, потому что это напоминает мне детство и те особые случаи, когда мама наряжалась, чтобы пойти на вечеринку. Я просто обожала эти моменты.

— Лусиан всегда с удовольствием слушает, как у тебя дела, — замечает мама. У неё во рту шпильки для волос, и она закалывает ими мои волосы с одной стороны.

— Лусиан терпеть меня не может, ибо я не дотягиваю до его крутизны, — безо всякого выражения говорю я, отталкивая её руку. — Оставлю волосы распущенными. Пойдём, а не то опоздаем, и Хеми со своими детишками сожрёт пол ресторана.

— Вы двое всегда были так дружны, как брат с сестрой. Что случилось? — спрашивает мама, пока я помогаю ей скользнуть в её новенькое пальто.

— Думаю, мы просто выросли, — отвечаю, пожав плечами.

— Кажется, дело не только в этом, — протягивает мама, когда мы выходим из квартиры, и она закрывает входную дверь на ключ.

— О, ладно, может всё дело в том, что он начал спать с моей лучшей подругой, — мой голос просто сочится сарказмом.

Мама оглядывается через плечо и пристально смотрит на меня. Я поднимаю глаза и замечаю Тити с Лусианом, которые стоят внизу на лестничной площадке.

— Hola(с исп. Привет)! — здоровается мама, целуя их в щёки.

Взгляд Лаки говорит: «Что, серьёзно?»

— Не знала, что они пойдут, — бормочу, скрещивая руки на груди.

Мы едем на метро в центр, мама с Тити смеются и болтают так, будто бы не виделись годами и вовсе не живут в одном здании. Я целенаправленно не сажусь рядом с ним, а еду всю дорогу сидя по другую сторону рядом с мамой.

Когда мы приезжаем на Тайм-сквер, я быстро выбираюсь из поезда. Я даже не могу встречаться с ним глазами. Уверена, он считает меня больной или сумасшедшей, эдакой сексуально озабоченной личностью. Дойдя до дороги, мы ждём зелёного света на светофоре, чтобы перейти на другую сторону. Я упорно пялюсь на противоположную сторону улицы. Всем нутром чувствую его присутствие рядом, но отказываюсь смотреть на него.

— Ничего не забыла? — спрашивает он, и я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть. Он держит двумя пальцами за ремешок мою сумку.

Должно быть, я так нервничала, что оставила её в поезде. Я даже не заметила, как Лаки подобрал её. Качаю головой, широко разинув рот.

— Спасибо, — бормочу, забирая у него сумку. Кажется, я покраснела. Боже, он, наверное, думает, что я какая-то слабоумная. Сексуально двинутая идиотка, которая даже не может уследить за своими вещами, и которая, к тому же, втюрилась в своего двоюродного брата.

— Привет, — говорит он, улыбаясь. Я снова смотрю вперёд, но он всё так же стоит и дружелюбно улыбается мне. Он застаёт меня врасплох, и из меня вырывается смешок. Лаки тоже смеётся, и это, по крайней мере, разрушает малую долю напряжения между нами.

Мы приходим в шумную, броскую и набитую закусочную на Тайм-сквер. Хеми уже здесь, как и её дети. Самая маленькая, Бриана, ревёт из-за пролитого напитка. Хеми использует гигантскую кучу салфеток, чтобы всё вытереть. Она ругается с Раймондом и, повернув голову, замечает нас. Хеми… большая, она всегда была такой. Но сейчас она по-настоящему огромная, потому что беременна. Мама и Тити по сравнению с ней выглядят стройняшками. Пока она вытирает разлитый напиток, её руки трясутся как желе, а штаны слазят так низко, что выставляют на всеобщее обозрение расщелину её задницы. Бриана и Аннализ дерутся, одна кидает в другую кубиком льда, и он приземляется прямиком в чей-то чили.

— О, Господи, — вздыхает мама.

— Dios mío (прим. исп. Боже мой), — соглашается Тити.

— Давай, я повешу твоё пальто, — говорит Люк и его руки скользят по моим плечам.

Я с трудом выдыхаю, жар в крови резко возрастает.

— У нас всё в порядке? — шепчет Лаки мне на ухо, пока снимает с меня пальто.

— Всё хорошо, — отвечаю я, но каким-то образом это звучит скорее как вопрос.

Тётя Хеми сдавливает меня в объятиях, за ней идут близнецы и все её остальные отпрыски, пока я не дохожу до конца стола в красно-белую клетку. Они уже успели съесть весь хлеб в корзинке, оставив только одни корки. Я сажусь и достаю столовые приборы из салфетки, затем поднимаю взгляд и улыбаюсь своей родне, чувствуя решимость провести этот вечер в своё удовольствие и, пользуясь случаем, наесться до отвала мороженого с фруктами и орехами.

Смотрю на Лаки, флиртующего с девушкой в гардеробе. Он смеётся и меняет позу. Увлекательно наблюдать, как она сразу же тает, смягчается для него. Наверное, проходит всего секунд двадцать, как она тянется за своим телефоном. Смотрю, как они вбивают номера друг друга в свои телефоны, и чувствую себя больной. Его поцелуй был таким прекрасным и таким особенным для меня. Но также он целуется и с любой другой девушкой, которую хочет. И, кажется, все они хотят его. Моё сердце обливается кровью, когда он улыбается той девушке. Лаки никогда не полюбит меня. Он никогда не будет принадлежать мне, и попытки заставить его, в конце концов, только причинят мне ещё большую боль.

— Белен! — зовёт мама, и я фокусирую на ней свой взгляд. — Детка, передай хлебные палочки. Ты сегодня витаешь где-то в облаках.

— Прости, — выдавливаю извиняющуюся улыбку. «У нас всё в порядке?» — может, это значило: «Ты в порядке, Белен? Или ты собираешься вести себя весь вечер как дура с кислой миной».

Лаки возвращается и обсуждает спорт, телевидение, музыкальные клипы, едва проглотив хоть что-нибудь из еды. Он громкий и общительный в компании тёти Хеми и близнецов, изображая изо всех сил комедийное действо из карибского эстрадного выступления, которое он видел по телевизору. Я могу только смеяться над его имитацией самого неразборчивого доминиканского акцента, которую я когда-либо слышала, хотя он всё же не редкость в нашем районе. Но из манеры Лаки вести разговор я подозреваю, что он под кайфом.

Лаки уходит с близнецами и Аннализ играть в игровые автоматы. Я сижу с мамой, своими двумя тётями и Брианой, размазывая своё мороженое по тарелке, так и не съев его. Они спрашивают о моих успехах в школе, и я выдаю заготовленный ответ, который говорю всем: от школьного психолога до старушек у нашего дома.

Иногда мне кажется, что я являюсь воплощением фантазий каждого в моей семье и того, как бы они поступили, вместо того, чтобы думать о себе и о том, чего я хочу на самом деле. Я долбанный уравнитель, плата за грехи, второй шанс в новом поколении. Я не могу забеременеть, вылететь из школы и переехать в Колорадо с заключённым, как поступили мама, Тити и Хеми. Я не могу материться. Я не могу курить наркоту или даже пить пиво. Я не могу пропустить комендантский час, слишком сильно краситься или даже разговаривать, как девчонки по соседству. Я не могу застрять в Хайтс, но и не могу вернуться на острова. Я не могу жаловаться на отсутствие отца в моей жизни и носить слишком короткие юбки так, чтоб парни пялились ещё больше обычного. Я не могу быть собой. Я даже не знаю, чем бы хотела заниматься.

Парой предложений я рассказываю им о своём будущем; это обычный заученный монолог, а не реальный план, которому я могу следовать. У мамы наворачиваются слёзы на глаза, Тити прижимает руки к груди, а Хеми только фыркает от неодобрения и делает глоток из своего гигантского стакана с солёной и нетронутой «Маргаритой».

Парни и Аннализ возвращаются, и у нас уходит целая вечность на то, чтобы собраться, рассчитаться, надеть пальто и выйти. Лаки забирает наши вещи у той девушки с гардероба. Я вижу, как он улыбается ей и вскидывает бровь. Он проговаривает ей губами «позвони мне» и, кажется, меня сейчас вырвет. Феттучини «Альфредо» устраивает бунт в моём желудке. Я больше не хочу идти в кино, я просто хочу домой. Лаки предлагает мне пальто, удерживая его так, чтобы я могла проскользнуть руками в рукава.

— Мадам, — улыбается он.

Отвечаю лёгкой улыбкой, но ни за что не куплюсь. Трать своё обаяние на кого-то другого, Лаки. Ибо меня это ранит слишком сильно.

— Мы ведь богатые люди с хорошими манерами, — говорю я между тем. — Только посмотри на тётю Хеми.

Хеми как раз ныкает все игровые талоны, поднимая их даже с пола. Один Господь знает зачем — может, потому, что мы больше никогда сюда не вернёмся. Она запихивает все остатки в пакет, который извлекла из своей сумочки.

— Хеми особенная, взгляни на её рубашку, — отвечает Лаки и улыбается вновь. — Как думаешь, что это значит?

Не знаю даже, где она берёт подобные вещи, — на её рубашке надпись: «Bitch A$$».

— Думаю, ей приходится прокармливать много ртов, денег просто не хватает.

— Хеми будет заботиться только о собственном рте, и ты это знаешь, Белен.

Когда мы выходим из ресторана, идет легкий снег. Воздух немного прогрелся, так что снег, попав на землю, превращается в слякоть. Тротуар мокрый и покрыт калейдоскопом оттенков, отражающихся от ослепительных огней на Тайм-сквер. Лаки и я плетёмся в самом конце компании как в старые добрые времена.

Я и Лусиан. Всегда вместе. Практически неразделимы.

Он для меня самый близкий член семьи, кроме мамы. Порочные мысли пробуждают лихорадку во всём моём теле. Из-за своих желаний я чувствую себя ужасно. Думаю, Бог упустил что-то крайне важное, когда создавал меня. Помню, как нас учили в школе, что «отвращение» — это эмоция. Как любовь или страх, что-то, что не зависит от твоего выбора. Может, Бог лишил меня этого или просто забыл дать. Я хочу заставить Лаки любить меня, и совсем не как брат сестру.

В кино мы, конечно же, закатываем новую сцену. Бриана снова плачет, а тётя Хеми практически выпотрошила содержимое своей бездонной сумки, чтобы найти кошелёк. Щель её задницы опять выставлена на приятное обозрение остальным в очереди, стоящим позади нас. Затем Хеми никак не может найти свою платёжную карточку, так что приходится платить маме. Потом она застаёт Раймонда за курением и отвешивает ему подзатыльник. Каким же тупым ты должен быть, чтобы курить в очереди на четыре человека позади от своей матери, если не хочешь, чтобы она тебя застукала?

Лаки стонет и смеётся. Я смеюсь вместе с ним и нахожу силы для сочувствия. Хеми и её шайка всегда хороши для того, чтобы отвлечься. Затем мы начинаем спорить по поводу фильма: все ребята хотят смотреть боевик, но мама говорит, что Бриана ещё слишком мала для такого, и нам нужно пойти на просмотр фильмов Диснея. Ещё показывают мелодраму, и я бы с удовольствием пошла на неё, но я слишком стесняюсь предложить это другим в оглушающем хаосе криков.

В конце концов, парни идут смотреть боевик с Лаки в роли сопровождающего — как самого ответственного из этой компании. Мама, Хеми и Тити вместе с Брианой и Аннализ идут на Дисней. Я единственная, кому достается билет на мелодраму. Затем все начинают идти на уступки друг другу, и спор разгорается вновь. Я отделяюсь от их группы и отхожу, чтобы посмотреть трейлер на большом экране противоположной стены. Я собираюсь зайти в свой зал, когда Лаки замечает меня. Он несёт большое ведёрко попкорна и уже поедает его.

— Хей, Белен, куда собираешься?

— Хочу посмотреть этот, — отвечаю я. Где к чёрту его носило?

— Одна? — спрашивает он достаточно громко, чтобы несколько человек повернули головы в нашу сторону.

— Да, одна. — О’кей, я неудачница. Но я так редко хожу в кино, что хочу посмотреть интересный именно мне фильм.

— Что за фильм? — спрашивает Лаки, наморщив лицо в замешательстве.

— Мелодрама. Девчачье кино. Тебе не понравилось бы.

— Подожди, дай мне усадить этих лузеров, и я приду и найду тебя, — он говорит это так небрежно и обыденно, будто бы наши отношения вернулись в старое нормальное русло.

Я ощущаю прилив волнения, идущий от сердца. Он двигается так быстро, что я могу грохнуться в обморок или просто умереть от сердечного приступа. Так, веди себя нормально. И не обмочись. Он почувствовал себя неловко, так как ты была одна. Успокойся, это же вообще ничего не значит. Всего лишь фильм, а не свидание и тем более не признание в любви. Но, видите ли, в чём проблема: происходящее означается для меня всё, для него же — ничего. Я всего лишь его малышка кузина и, возможно, он вообще забыл, что целовал меня пару лет назад.

Он не возвращается целую вечность, и я начинаю думать, что он бросил меня. Я даже сажусь сзади, подальше от остальных, чтобы убедиться, что он не пройдёт мимо. Мне нужно надеть очки — тогда я смогу видеть экран. Анонсы мне нравятся. Хотела бы пересмотреть каждый из этих фильмов.

— Белен! — коротко и отрывисто зовёт он, затем свистит. Этот свист мне знаком ещё с фермы моего деда в Сантьяго. Наши мамы обычно свистели, если мы слишком долго засиживались на спортивной площадке или терялись в продуктовом магазине. Я просто поднимаю руку, и он направляется прямиком ко мне.

— Простите, извините, — говорит он, когда проходит мимо единственных других двух людей в этом ряду. Он слегка наклоняется и рассыпает немного попкорна. Я посмеиваюсь над ним, и моя улыбка неимоверно широкая, ведь меня переполняет счастье от одной только мысли, что я буду сидеть рядом с Лусианом, просто проводить с ним время.

— Очки? — спрашивает он, наконец, дойдя до меня.

— Субтитры. Фильм на французском. Я забыла сказать тебе, — шепчу я. Лаки падает в кресло, оно подпрыгивает, и ещё больше попкорна

высыпается из ведёрка.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной.

— Не-а, — говорю, едва сдерживая улыбку.

Фильм великолепен. Он потрясающе романтичен. Об истинной любви и двух полностью сумасшедших, влюблённых до безумия людях. Между ними есть препятствия, но вместе они всё преодолели. Оба влюблённых актёра настолько изумительны, что я чувствую себя под кайфом, и, опьянённая любовью, просто наблюдая за ними.

Каждый раз, как я засовываю руку в ведёрко попкорна, я натыкаюсь на руку Лаки и ощущаю жар. Каждый раз, как пара целуется на экране, я вспоминаю его поцелуй. Каково это: чувствовать его выдох так близко к своему лицу, тепло его дыхания, распространяющегося по моей верхней губе. Каково это ощущать его, такого твёрдого, зажатым между моих ног. Я бы отдала всё, что угодно, лишь бы снова оказаться на крыше и вновь стать объектом его влечения.

Украдкой смотрю на него. Он смотрит на меня. Возвращаю взгляд обратно на экран.

Я мокрая между ног, нуждаюсь и жажду его. Не могу сказать, от чего я так завелась: от фильма или потому, что мой двоюродный брат сидит рядом. Снова бросаю на него взгляд и вижу, что Лаки всё так же смотрит на меня вместо фильма. Я стойко удерживаю его взгляд, и что-то невысказанное проскальзывает между нами. Бессловесный диалог длится слишком долго, и я ощущаю, что краснею. Это то, чего избегал Лаки, и это то, из-за чего я не могу оставаться в стороне.

Лаки обхватывает голову руками, стонет достаточно громко и подрывается с места. Он оставляет попкорн на сидении и пробирается между рядами пока не может двигаться вперёд свободно и сбегает через выход.

Я раздавлена. И снова унижена. Я подумала на мгновение, что он хочет меня — ошибочное суждение. Реальность его чувств оседает тяжёлым камнем в животе. Он просто хочет быть моим кузеном, так почему же я не могу сделать этого? Так почему же должна быть изгоем с недопустимым вожделением? Почему я должна быть неумелой девушкой, которая втюрилась в своего двоюродного брата? Я поднимаю ведёрко попкорна, но не ем его. Просто хочу держать его, потому как недавно оно было в руках Лаки. Хочу вернуть себе часть его энергии.

Мои слёзы стекают в ведёрко, пока я плачу одна в темноте. Я уже даже не смотрю фильм, ибо наблюдать за влюблёнными для меня сейчас слишком больно. Тащусь через проход, мне нужно попасть в уборную и

привести себя в порядок. Умыться перед тем, как все фильмы закончатся, а я покроюсь пятнами, покраснею и окажусь с опухшими глазами — неопровержимое доказательство моей влюблённости.

Сбросив попкорн в мусорник, я умываю лицо прохладной водой из крана. Я уже в состоянии контролировать рыдания, но меня беспокоит то, как сильно он влияет на меня. Не глядя в зеркало, вытираю руки и лицо и направляюсь в главный зал. Женщина кричит, чудовище рычит, затем музыка, сопровождающая боевик, начинает оглушительно реветь, ещё больше дезориентируя меня. Ощущаю, что всё такая же мокрая и набухшая от возбуждения между мог. Я нахожусь в неуравновешенном состоянии и не могу доверять себе, что не расплачусь вновь.

Когда выхожу, замечаю Лаки, покидающего мужской туалет прямо напротив меня. Его голова опущена, только глаза смотрят на меня, что делает его взгляд ещё более глубоким, тёмным. Хочу провалиться сквозь землю.

— Прости, — говорю, заламывая руки. Я совсем не хотела всё испортить.

— К чёртям всё! — рявкает Лаки и я боюсь, что он и правда слишком зол на меня. Он настойчиво идёт в мою сторону, но он не агрессивен. Он толкает меня к стене, задрапированной ковром, так, что я почти падаю. Лаки крепко вжимает меня в стену своим телом, наклоняет голову и целует.

Целую его в ответ настолько яростно, что забываю дышать. Мой рот скользит по его губам и больше ничего в этом мире меня не волнует.

Вот всё, чего я хочу. Всегда. Только Лаки.

Его язык поглаживает мой в согревающей мягкой ласке, тогда как его тело сминает моё. Это не просто поцелуй, ибо его руки шарят вдоль моего тела: он сдавливает мой затылок, сжимает мой зад, касается моей груди через ткань футболки. Я тяну руку к его ширинке. Могу чувствовать его член, выпирающий из джинсов. Отчаянно хочу делать с ним ужасные вещи, хочу, чтобы и он воплотил со мной своими самые грязные желания.

— Не здесь, Белен, — пытается утихомирить меня он, и отводит мои руки от своего паха. Он с силой придавливает мои запястья к ковру на стене и лижет мои распухшие губы. Чувствую напряжение между ног. Пытаюсь поймать его рот, но он дразнит меня, улыбается и отклоняет голову. Я прижимаюсь промежностью к его члену, и нам становится не до смеха.

— Бл*дь, — стонет Лаки и погружает язык глубоко в мой рот. Я посасываю его язык, его губы, желая втянуть внутрь любую его часть.

— О, целующаяся парочка кузенов, — протягивает Раймонд, лениво топая мимо нас в мужской туалет.

— Боже… — говорю, отходя от Лаки и потирая свой рот.

— Дерьмо, — отзывается Лаки, опуская руки по бокам. Он делает шаг назад, матерится и ударяет по стене кулаком.

— Он расскажет всем, как только закончится кино, — говорю, пока мой мозг лихорадочно пытается найти выход из той ситуации. Меня почти застукали за единственной постыдной вещью, которую я собиралась совершить. Вот он способ разрушить тот иллюзорный образ, который я с таким трудом строила столько лет. Тогда всё, о чём я разглагольствовала в ресторане — не что иное, как дерьмо собачье; дура, я же всё испортила.

— Нет, Бей, не переживай. Раймонд тупой тормоз. Пойду дам ему косяк, чтоб заткнулся.

— Уверен? — спрашиваю его, мои руки подрагивают от нервов. Когда я целую Лаки, я так дико возбуждаюсь, что весь мой страх покидает корабль, исчезая за бортом.

— Я никогда не позволю ни чему плохому случиться с тобой. Обещаю.

Когда он говорит это, его слова выглядят слегка небрежно, вскользь, будто бы он не произносит самую монументальную вещь, которую мне когда-либо говорили. Для девушки без отца с часто отсутствующей, много работающей матерью-одиночкой, иметь человека, который бы говорил эти слова, значит грандиозно менять своё сознание. Иметь мужчину, который обещает заботиться обо мне всегда, подобно благословлению Папы римского; это как выиграть в лотерею или совершить прогулку по луне.

Но когда Лаки разворачивается и быстро шагает в сторону туалета за Раймондом, я чувствую, будто всё кончилось. Титры идут. Страстная история любви красивой французской пары после всего не заканчивается счастливо.

10 глава

Лаки

Белен. Она должна быть мне как младшая сестрёнка. Какое-то время так всё и было, и я почти могу вспомнить те моменты, когда испытывал к ней только братскую любовь. Просто желал быть с ней. Защищать её.

Мы всегда были близки. Вот мы с Белен смотрим мультики. А вот мы с Белен воруем tostones (прим. исп. ломтики поджаренного хлеба) с тарелки и поедаем их, сидя на ковре в моей комнате. Играем в переодевание, вместе купаемся в ванной. Я играл с ней в куклы, она со

мной в машинки. На Хэллоуин мы надевали похожие костюмы, вместе открывали подарки в рождественское утро. На всех старых, выцветших фотографиях она всегда рядом — виснет на мне.

Не знаю, почему всё изменилось и, когда точно это произошло. Может, я просто негодяй, и это случилось, когда в дело вступили округлости её тела — её грудь и задница, — и я начал отгонять от неё других парней. Или не из-за этого вовсе. Белен в восемь и в десять была такой худышкой, что я переживал, как бы по дороге её не сожрала соседская собака. Я делился с ней своими конфетами с Хэллоуина, чтобы она стала крепче. Я не знал тогда, что это плохо скажется на зубах. Чувствовал себя ужасно и даже плакал, когда у неё появилась полость в зубе, и мама сказала, что это моя вина.

В тринадцать Белен очень изменилась. Она стала женщиной в одно мгновение, и я никак не мог перестать пялиться на неё, мечтая о ней в эротических снах, желая прикоснуться к ней. Думаю, именно после её тринадцатилетия я впервые захотел прижать её к стене и поцеловать.

Я всегда был хорош во флирте с девушками. Мать говорит, что это у меня от отца. Я могу довести их до безумия, просто сняв футболку или обычным шепотом на ушко. Думаю, это из-за того, что я жил лишь с мамой, что помогло мне понять женщин. Казалось, Белен тоже нравилось это, но потом вдруг атмосфера между нами изменилась, хотя может я просто придумал это?

Раньше я чувствовал, что могу общаться с ней как ни с кем другим. Иногда нам хватало одного взгляда друг на друга, чтобы сказать, о чём каждый из нас думает.

После нашего первого поцелуя, я знал, что увлеку её за собой, если не буду осторожен. У Белен было что-то, что делало меня зависимым. Я хотел трахнуть её. Иисусе, я так хотел трахнуть её! Я хотел от неё тех вещей, которых никогда не хотел от других девушек. Таких как, например, вымыть её, когда у неё впервые начались месячные. Какой парень, черт возьми, вообще захочет такого? И что делает меня ещё большим психом, так это постоянные фантазии обрюхатить её, после того, как я узнал, что у неё менструация. Что, черт возьми, со мной? В этом нет никакого смысла.

Это дерьмо с Белен пугает меня до смерти, и я отчаянно борюсь с собой, чтобы оставаться хладнокровным рядом с ней.

Я должен был заставить её забыть меня; необходимо было заставить её ненавидеть меня.

Какой самый простой способ сделать это? Старый книжный трюк: начни трахать её лучшую подругу.

Думаю, это делает меня мудаком. Но я становлюсь им, чтобы защитить Белен. Ярица — горячая соседка; она носит обтягивающую одежду и легко её снимает — собственно, это всё, что мне нужно. Я часто задумывался, насколько близки в действительности были Белен и Ярица. Они не казались похожими — Ярица была среди парней и сосала член, пока Белен сидела за книжками и ходила в церковь.

Я мог сказать, что Яри влюблена в меня, и она дождалась удобного момента, когда я напился на вечеринке. Остальное вы уже знаете. Я всегда звонил ей, как запасному варианту, когда не мог найти никого другого на ночь. Когда Бей узнала — это буквально раздавило её — все эмоции в тот момент можно было прочитать на её лице. Но она не могла показать, как херово это было, что бы она сказала? Мы двоюродные брат и сестра. Мы одна семья.

Белен

Лаки собирается на войну, а я собираюсь поступить в колледж. Возможно, мы даже не будем жить рядом друг с другом, когда вырастем или вообще едва ли когда-нибудь увидимся. И это хорошо, ибо напряжение между нами густое, как туман. Я не могу находиться с ним в одной комнате без того, чтобы не вспотеть и не начать заикаться. Когда он смотрит на меня, моё сердце пускается вскачь, а глаза вспыхивают разными оттенками эмоций, которые я бы хотела скрыть от него. Это существенно усложняет мою жизнь, учитывая тот факт, что мы ещё и живём в одном здании. Я так нервничаю, когда он рядом, что нет ни единого шанса, что наши мамы не замечают этого. Однако пока никто ничего не говорит. Но что бы они могли сказать? Может, они просто думают, что мы сумасшедшие или противны друг другу. Раймонд, должно быть, рассказал Хеми. Не мог не рассказать. Однажды это выйдет наружу и, когда этот момент настанет, я хочу жить далеко отсюда, далеко от них всех.

Уже с нетерпением жду занятий на первом курсе, ведь мои оценки так высоки. Мой школьный психолог, мистер Санчес, помогает мне справиться со всем процессом, так как никому в моей семье никогда раньше не приходилось этим заниматься. Мы сидим бок о бок за его компьютером, и он помогает мне выбрать университет для поступления. Мы рассматриваем тонны разных школ, в том числе и из Лиги Плюща. Я переживаю, что недостаточно хороша, что мне нужно записаться на ещё одни дополнительные внеурочные факультативы или выиграть какие-то награды, быть президентом какого-то клуба.

Дверь в коридор открыта, и дети несутся на улицу, крича и визжа, ведь прозвенел последний звонок, а это означает свободу. Обычно после школы я иду в библиотеку и заканчиваю домашнее задание. Если я принесу всё домой, то сразу же отвлекусь на телевизор или холодильник, или на тот факт, что Лаки всего двумя этажами ниже меня.

Я как раз говорю мистеру Санчесу, как благодарна ему за помощь и прощаюсь с ним, когда Лаки просовывает голову в дверной проём и пристально смотрит с неодобрением.

— Пойдём, Бей, — говорит он, взглянув на часы.

— Прости?

— Пойдём, я сказал, — настаивает он, вызывающе кивая подбородком в сторону мистера Санчеса.

— Эм, О'кей. Мистер Санчес, это мой двоюродный брат Лусиан, — говорю и указываю ладонью в сторону Лаки, представляя его.

— Да, Белен. Мы с мистером Кабрера уже знакомы. С первого курса, не так ли мистер Кабрера?

— Да, — отвечает Лаки, кивая слишком поспешно, я начинаю подозревать, что он под наркотой. — Давай, Бей, нам надо идти.

Он хватает мой рюкзак и закидывает себе через плечо. Затем он хватает мою руку и тянет в коридор.

— Спасибо, мистер Санчес! Я дам вам знать, когда будет что-то известно, — кричу в сторону офиса, пока меня тащат на улицу.

— Что, чёрт возьми, с тобой такое, Лаки?

— Давай пойдём уже, ладно? — просит он, заботливо наморщив лоб.

— Всё в порядке? — спрашиваю. — Я не собиралась домой, я хотела пойти в библиотеку.

— Этот парень — говнюк, Ленни, и все знают об этом. Не ходи в офис к нему одна или мне придётся сделать что-то, о чём мы оба будем сожалеть. — Его взгляд беспокойно мечется по сторонам, будто бы он опасается слежки.

— Ты ревнуешь или что? — спрашиваю, широко распахивая глаза. — Он всегда был со мной джентльменом. Без него я бы совсем не знала, куда поступить.

— Я к чертям прибью его, если он хоть пальцем тебя тронет, — говорит Лаки, его глаза осматривают всю площадку. Наверное, он на амфетамине, раз ведёт себя как безумный. Чувствую ярость от того, что Лаки командует мной. Как он вообще смеет мне указывать, что делать, если всё, что он сам делает, так это избегает меня? Пару его приятелей проходят мимо, здороваясь с ним, но Лаки лишь кивает в ответ. Он

скрещивает руки на груди.

— Ты знаешь, что должен пройти тест на наркотики, как часть физической подготовки. Ты же никогда не сможешь поступить в Морскую академию с тем дерьмом, что у тебя в организме, — я тоже скрещиваю руки, копируя его позу.

— Я всего лишь пытаюсь защитить тебя, Ленни. Не хочу, чтобы тебе делали больно. Никогда.

Ненавижу, когда он называет меня «Ленни» — даже больше, чем когда он зовёт меня «Бей». Он зовёт меня так с тех пор, когда мы могли ещё нормально общаться, и я помню, как на мой пятый день рождения он назвал меня так перед всеми гостями. Он совсем не хотел поддразнить меня, но все начали смеяться и говорить, что у меня мужское имя. Тити заставила его извиниться, и он плакал, пока делал это. Он пролил фруктовый пунш на свою белую рубашку на пуговицах и ему пришлось остаться только в майке. На нём была золотая цепочка и золотой детский браслет в придачу. Это были подарки от его отца в один из тех немногих раз, когда он приезжал из Пуэрто-Рико.

Моё сердце смягчается от этих воспоминаний, а колени подгибаются, словно восковые. Я люблю Лаки с тех пор, как себя знаю, и иногда это чувство напоминает любовь свирепого дикого зверя.

— Почему бы тебе не пойти домой и не протрезветь? Сделай себе чая, поиграй в видеоигры, пока Тити не вернётся, — мягко уговариваю его. Он кажется взрывоопасным и ранимым одновременно. — Ты можешь избавиться от этой гадости в своём организме до сдачи теста, Лаки. Просто не делай этого снова, пожалуйста. Обещаю больше не видеться с мистером Санчесом. Буду общаться только почтой.

Лаки решительно кивает, вытирая нос тыльной стороной рукава. Его тело, кажется, дрожит, и я не могу ничего сделать, кроме как схватить его за руку.

— Мне нужно ещё позаниматься, чтобы сдать экзамен по химии, Лусиан. Ты можешь пойти прямо домой и попытаться успокоиться? Просто перетерпи и не сделай ничего глупого.

— Да. Да, я могу. Ленни, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — говорю в ответ, и пару одиноких слезинок скатываются по моему лицу. Прозрачные слёзы стекают по горячей коже. Он быстро целует меня в щеку. Мы с Лаки всегда вальсируем на самом краю пропасти.

Он отворачивается и идёт вниз по коридору. Его уверенность как ветром сдуло, или, может, её проглотили наркотики. Он сказал те же самые

слова, что и в мой день рождения, где выболтал всем моё прозвище. Это заставляет меня задуматься, возможен ли тот факт, что мы делим одни воспоминания на двоих.

Лаки

Я бы солгал, если бы сказал, что не пошёл в её комнату. Она практически не бывает дома, вечно чем-то занята в школе: драмкружок, олимпиады по математике, какие-то диспуты и прочее дерьмо. Я же большинство дней вкалываю на углу за гроши, пытаясь накопить денег на тот момент, когда мать не осилит плату за квартиру в одиночку.

У меня есть ключ от их квартиры так же, как и у неё от моей. Иногда я захожу к ним, чтобы перекусить или попользоваться их стиральной машинкой, которую любовник тёти Бетти нелегально установил прямо рядом с посудомоечной машиной. У Бетти была привычка закидывать вещи в посудомоечную машину, когда у неё не было времени сдать их в прачечную. Она работает в госпитале медсестрой на рентгене и у неё намного больше рабочих часов, чем у моей матери. По выходным она подрабатывает сиделкой — у неё практически никогда нет свободного времени. И вот дома она брала насквозь промокшую одежду и кидала её на обогреватель. Гектор, её бойфренд, говорил, что она сожжёт весь дом, если не будет осторожней. На Рождество он подарил ей эту машинку, что обрадовало Белен. Если эта машинка в состоянии сделать Белен счастливой, не важно, что случится в будущем, я позабочусь о том, чтобы у неё она всегда была.

Захожу в их квартиру и, признаться, чувствую себя каким-то вором. Не открываю дверь полностью, чтобы не издавать скрипа. Я проскальзываю внутрь, мягко прикрываю дверь, снимаю обувь — так никто не сможет услышать моих шагов. На кухне нахожу несколько PopTarts и разрываю упаковку. Мысли о Белен, поедающей их за кухонным столом, пока она склоняется над своими книжками, заставляет меня улыбаться. Закидываю свою грязную одежду в стиральную машинку и направляюсь в комнату Белен.

Я часто сюда прихожу. Наверное, я полный урод, но пребывание в её комнате делает меня счастливым. По каким-то причинам эта комната всегда приносит мне покой и умиротворение.

Здесь всё на своих местах. Кровать заправлена. Никакой одежды на полу, нет мусора или хотя бы пылинки. Провожу рукой по покрывалу и представляю её, свернувшуюся клубком на кровати с книжкой в руках.

Белен, как настоящий ботан, просто обожает книги; именно она заставила мою мать сделать мне читательский билет в начальной школе. Обычно её книги громоздятся вдоль длинного комода, но теперь они захватили всё пространство: все три подоконника заполнены ими и на полу их ещё груды. Большинство книг — классика для школы, но хватает и другого добра: здесь и книга по анатомии, про вулканы, и романы в мягком переплёте, и чёртова тонна комиксов; книги по садоводству и миллион философских книг аккуратно сложены в стопку в другом углу. Есть здесь и раскрытая на комоде книга о половой жизни, сексуальности. Я закрываю глаза и захлопываю её, ибо мысли о том, кого она представляет, читая эту книгу, уничтожат меня.

Я подхожу к её туалетному столику и рассматриваю прозрачные банки, наполненные морскими стекляшками[3] . Она была без ума от этой вещи ещё с третьего класса, когда мы поехали семьёй во Флориду. Она потратила все выходные, прочёсывая пляж в поисках все большего количества этих стекляшек. Я же потратил тот отдых рыдая, ибо мы так и не пошли в Диснейленд, и заблевал машину.

Она думала, что эти стекляшки — сокровище, и зажимала их в своей ладони. Помню её раскрытый кулак и её саму, протягивающую мне тёплый камень. У неё были прозрачные синие и зелёные кусочки, и тётя Бетти надёжно сложила их в банку. Белен прочесывала пляж в поисках красного до самого заката. Когда мы вернулись в гостиницу, ей пришлось принять аспирин от головной боли и от солнечных ожогов.

Следующим утром мы лакомились фруктовыми колечками[4] в ресторане отеля «Континенталь». Я спросил, зачем ей нужен красный кусочек, и она закатила глаза, улыбнувшись затем.

— Лусиан, красные — самые классные, так как их сложней всего найти. Когда ты получаешь такое, то становишься особенным из-за того, что оно у тебя есть.

— Но вдруг кто-то уже их все пособирал — иначе почему их нет нигде?

— Не-а. Их нет из-за того, что больше не делают красного стекла. Ты когда-нибудь видел содовую в красной бутылке?

Я тряхнул головой и ловил каждое её слово. Она всегда была слишком умна, даже в детстве. Было похоже, что за свой маленький размер она с лихвой была вознаграждена хорошими мозгами и светлой головой. Белен ни за что не могла полюбить меня. Я играю не в её лиге. Я тупица. Я веду себя как парень из трущоб, которым и являюсь. Всё, что я получил — всю

свою силу и достаточно здравого смысла — я прилагаю, чтобы выбраться из этого района и не дать ему изгадить мою жизнь.

Самая маленькая баночка на комоде — из-под детского питания. В ней поблескивают несколько кусочков гладкого морского стекла, и эта баночка восседает в центре, как святыня, среди всех остальных сине-зелёных вещиц.

Я проверяю свою стирку, остаётся ещё пятнадцать минут. Убираюсь ко всем чертям из её комнаты, пока кто-то не вернулся домой. Сижу на диване и бездумно переключаю каналы, закидывая в рот орешки в шоколаде.

Входит Белен и ошарашено смотрит на меня. Она вешает пальто и бросает ключи на стол. Её волосы распущенны, и она устала, но всё так же чертовски привлекательна. Красива до боли, так как она не принадлежит мне, я не имею права дотрагиваться до неё, даже смотреть на неё.

— Тебе лучше? — спрашивает она, пока я прислушиваюсь к тому, как она копается в холодильнике.

В этом вся она: невзначай перевести всю ситуацию во что-то милое, случайное и несущественное, будто бы это совсем не я принял два косяка мета (прим. метамфитамин) в мужском туалете. Хотя я не так уж и сильно в это втянут; просто иногда надо встряхнуться и принять дозу для воображения. Я могу завязать на время и не поддаваться соблазну, но сегодня я сорвался и вынужден был принять пару косяков, чтобы убедить их.

— Ты собираешься пойти на выпускную вечеринку Джереми на выходных? — небрежно спрашивает Белен, открывая верх банки содовой.

— Что ты готовишь на ужин?

— Chuleta (прим. с исп. свиная отбивная). Так что с вечеринкой?

— Да, наверное, заскочу, заценю имущество этого парнишки-жополиза. Не понимаю, что его люди вообще делают в этом районе, — говорю, пожимая плечами и сжав губы. Мне даже не приходит в голову спросить её, откуда она знает о вечеринке или почему она спрашивает: сейчас ранняя весна — повсюду будут проводиться выпускные вечеринки почти каждые выходные.

— Он пригласил меня, — выдаёт Белен, стоя спиной ко мне.

Я встаю. Реальность происходящего обрушивается на меня, и я подрываюсь, будто готов тотчас сорваться с места. Я не могу прятать её ото всех вечно. Придёт время, когда я уйду, и она будет предоставлена себе одной.

— Так вы, ребята, друзья или что-то большее…? — я задаю вопрос, но это звучит как обвинение, будто бы она примкнула к лагерю врага. Мне

хочется рычать и рвать на себе волосы, схватить Белен, затащить в комнату и показать, наконец, что она заставляет меня сходить с ума. Хочу сорвать её одежду, напугать её и вылизывать её грёбаную киску до тех пор, пока она не кончит мне в рот. Хочу трахнуть её так жёстко, чтобы она даже забыла думать о том, что может позволить другому парню коснуться её. Одержим мыслью исписать её тело словом «моя» несмываемым маркером. Сделать своей чёртовой личной собственностью. Дать понять другим парням, что они могут валить нахрен.

— Типа того, — отвечает Белен, то ли напевая, то ли улыбаясь, как бы делала нормальная девушка, будучи приглашённой на свою первую вечеринку. Я же долбанный урод с наркотой, всё ещё действующей в моём организме. Я должен к чертям убраться из этой квартиры, пока не сказал или не сделал того, о чём мы потом оба будем жалеть.

Я проношусь мимо неё так быстро, что она вскидывает голову.

— Что…?

Она заходит на кухню посмотреть, чем я занимаюсь, и застаёт меня, вынимающего мокрую одежду из машинки и засовывающего её в пластмассовую миску, разбрызгивая мыльную воду по всему линолеуму.

— Лаки, стирка же ещё не закончилась! Что, во имя Господа, ты творишь?

Я снова потею как собака, но не хочу заставлять её волноваться обо мне.

— Есть столько мест, Лен, где мне надо быть. Столько людей надо увидеть. Надо получить комплект детоксикации, чтобы я смог пройти тест на мочу. Ну знаешь, хочу пожить как солдат, — я уже за дверью, до того как заканчиваю предложение, сбегая по ступеням вниз и захлопывая дверь своей квартиры. До сих пор слышу её сладкий голос, зовущий меня по имени. Такой обеспокоенный расстроенный голос. Господь Бог, помоги мне.

11 глава

Белен

Мы с Яри давно не виделись. Но если речь идёт о школьных вечеринках, то Яри — лучший человек, который может составить компанию. И не только из-за того, что она всех знает, но и из-за неё самой: Яри — весёлая, шумная, бойкая и дерзкая — она идеально вписывается в

атмосферу вечеринки. Она обставляет парней в пиво-понг[5] и может скрутить косяк с закрытыми глазами. По общему мнению, она делает лучший минет во всей школе, поэтому все парни поднимают шумиху, требуя её внимания, вертясь и рисуясь вокруг неё, будто бы она красный плащ, возбуждающий их внутреннего яростного быка.

Мы обе выпрямляем волосы в салоне; затем поочерёдно закручивание друг другу волосы на плойку в ванной. Она заставила меня умирать со смеху, ибо никто кроме Яри не может производить такое впечатление на парней по соседству.

— Бей, а у тебя будет, что выпить? — спрашивает она лукаво.

Я смотрю на неё, подняв брови и гадая, что же она задумала. Моя мама дома, и она стопроцентно не допустит никакого алкоголя.

— У Гектора есть пиво в холодильнике, но мама убьёт меня!

— Вот увидишь, я достану его. Тебе нужно карандашом подвести глаза посильнее.

Я забираю у Яри плойку, так как мои волосы завиты только наполовину. Она проскальзывает в комнату, где мама смотрит телик и покуривает свою вечернюю сигарету.

— Мисисс Эредия, можно я сделаю себе и Беленни что-нибудь перекусить?

— О, конечно, mi hija, если вы голодны, еда ещё осталась. Если что, то могу сделать сэндвичи. На вашей вечеринке хоть будет еда?

— О’кей, спасибо! — выкрикивает Яри и забегает на кухню. Я не хочу быть пойманной; я в восторге от этой вечеринки и не хочу, чтобы что-то всё разрушило. Яри возвращается с двумя банками содовой и огромным пакетом чипсов. Она засовывает руку с пакет с чипсами и достаёт средних размеров банку пива; открывает её и протягивает мне; затем делает тоже самое со своей и чокается со мной в шуточном тосте.

— За горячих парней с огромными членами и выпускные вечеринки!

— Мерзость! — говорю я и делаю жадный глоток пива.

Мы одеваемся в моей комнате. Яри притащила целую сумку нарядов для вечеринок, чтобы было из чего выбрать. Я надеваю свои самые классные джинсы и футболку с длинным рукавом, но Яри, грозя мне пальцем, говорит:

— Эм, нет. Даже близко не то, Би.

На ней надет сарафан, который отлично подчёркивает её упругую задницу и обеспечивает хороший вид на ее грудь.

— У меня есть похожее платье, типа того, что на мне, только синего цвета, примеришь?

— Давай, — соглашаюсь, пожимая плечами, это за меня говорит выпитое пиво, ибо я сама даже под страхом смерти не надела бы такой наряд. Я натягиваю на себя платье, оно облегает все мои округлости. Если бы я одевалась так всегда, могу поспорить, у меня бы давно уже был парень.

Мы допиваем пиво, наносим блеск на губы и накидываем толстовки поверх наших нарядов. Хихикая, на цыпочках прокрадываемся мимо моей мамы, а она кричит нам вдогонку:

— В полночь чтобы была дома, никаких мальчиков и выпивки! Лусиан будет там? Если нет — позвони Гектору, чтобы он забрал тебя после своей смены в больнице. Держи телефон включённым. И вытри это дерьмо со своих губ, mi hija! Выглядит, будто ты наелась жирного жареного цыплёнка!

Я закатываю глаза, но люблю свою маму и её заботу обо мне. Забавно, что она думает, будто присутствие Лаки делает наше пребывание на вечеринке безопасней. Если бы она только знала, что происходит за закрытыми дверями, ужаснулась бы. Она наверняка заперла бы меня в комнате и выкинула ключ. И, к тому же, заставила бы Тити отправить Лаки в исправительную школу. Моя мама и так разгребала слишком много дерьма в своей молодости. Её родители не знали, как помочь ей преуспеть в этом мире, и поэтому она сделала всё сама. Затем она помогла Тити и убедилась, что та получила свой GED[6]. Она бы смогла помочь и Хеми, но та свалила с осуждённым парнем до того, как кто-то мог бы её остановить.

Вечеринка была в самом разгаре. Квартира Джереми в пентхаусе величественного старого здания на Риверсайд–драйв занимала целый этаж. Лаки оказался прав: в нашем районе не так уж много людей с большими деньгами.

Из дома раздаётся музыка, и многие уже пьяны. Большинство парней приветствуют Яри, а затем удивлённо выдают: «Белен?», словно вместо меня увидели призрак. Думаю, всё из-за того, что обычно я не распускаю волосы, не снимаю очки, да и не крашусь, раз уж на то пошло. Но я обычно наряжаюсь на ежегодные снимки и зимний бал, не знаю, почему они этого не замечали.

Теперь все меня замечают, и это заставляет меня чувствовать себя на высоте. Мне не нужна выпивка или наркота: я парю уже от парочки комплиментов. А может во всём виноват тот розовый напиток, что Наоми вручила нам, когда мы зашли на кухню. Освещение на кухне ярче, и это создаёт свою атмосферу.

Джереми здесь, веселит всех, рассказывая историю с экономики. Увидев нас, он подходит и благодарит нас за то, что пришли. Он целует

сперва Яри, затем и меня в щеку и говорит:

— Белен, выглядишь сногсшибательно.

Я краснею, но это слово на самом деле не описывает моего внутреннего состояния.

— Спасибо, засранец! А что на счёт меня? Как выгляжу я? — выкрикивает Яри, и я хихикаю, пока она бьёт кулаком его по руке.

— Великолепна, как всегда, Ярица! Засранка собственной персоной, — отвечает Джереми и поднимает за неё бокал.

Квартира больше, чем весь мой дом, и из неё открывается потрясающий вид на Гудзон. В каждой комнате есть огромные окна, выходящие на реку. Мебель, ковры и даже стекло выглядят дорогими. Надеюсь, никто не уничтожит этот порядок. Некоторые парни с нашей школы настолько срослись с жизнью на улице, что на месте хозяина я бы стала волноваться за столовое серебро или безделушки, которые могли бы оказаться в чужих карманах.

Джереми до странного формален, и думаю, это соответствует его окружению. Он следует за мной повсюду, и мне начинает казаться, что приглашение сюда на вечеринку равносильно предложению стать его девушкой. Джереми и вправду очень мил, он ходит на курсы углублённого изучения литературы, как и я, и он определённо собирается поступить в престижный колледж. У него волосы песочного цвета и большие голубые глаза. Я бы хотела спросить, нравлюсь ли ему, но знаю, что не стоит это делать. Для меня это всё в новинку, и для начала я хочу разобраться.

Лаки с друзьями появляется спустя час после нашего прихода. Они вваливаются сюда будто рок–звёзды, хоть они и были обычными плохими парнями с района. Лаки идёт к Яри и отрывает её от другого парня. Нет ни одного намёка, что он в ней заинтересован, но тем не менее его предупреждающий взгляд даёт ей знать — пора отступить. Вижу, как его губы произносят: «Где Белен?», на что Яри просто пожимает плачами.

Жду, пока он заметит меня в тени. Я неподвижно сижу на стуле рядом с Джереми, потягивая свой розовый напиток и болтая про учителей в школе. Лаки заходит на кухню.

Джереми предлагает мне осмотреть с ним дом. Он показывает комнату его родителей, в которой располагается огромная кровать с балдахином, а вся мебель и мелкие детали интерьера сделаны из красивого тёмного дерева. Следующая на очереди — библиотека, которая приводит меня в восторг. Подумать только, иметь у себя дома целую библиотеку! Я рассказываю ему о своей коллекции книг, упуская ту значимую часть, что у меня нет книжных полок для них.

— Что ты любишь читать, Белен? — спрашивает Джереми, и это звучит невероятно сексуально. Думаю, я опьянела от того розового напитка, обалденного дома и пристального внимания этого парня.

— Я рада всему, что попадает мне в руки, — говорю, задыхаясь, из-за чего кажется, будто бы я шепчу.

— Читала когда-нибудь Джойса[7]? — интересуется Джереми и жестом указывает на лестницу. — У моего отца здесь целая коллекция с тех времен, когда «Улисс»[8] впервые издавали по главам. Роман заламинирован, так как бумага слишком ветхая. Интересно взглянуть на это. Ты проходила «Уилисс» у Парсона на парах по литературе?

— Да, — отвечаю, но, кажется, я просто пялюсь на его губы.

Может, именно такой и должна быть жизнь. Круглощекие богатенькие мальчики в светло-голубых рубашках-поло, показывающие мне заламинированную серию ранних изданий Джеймса Джойса, дабы произвести впечатление. Парни, у которых роскошные тачки вместо татуировок, а трастовые фонды заменяют шрамы от пуль. Это привлекает моё внимание, интригует. Думаю, от Джереми веет дорогим парфюмом. Я воображаю, как прихожу сюда, в этот дом, на обед, и сижу за длинным отполированным столом с его родителями. Украшением стола была бы дорогая хрустальная ваза, заполненная сладкими фруктами, а не миска со счетами из налоговой и небольшой алтарь нью-йоркской лотереи.

Джереми поступит в университет и станет финансистом или адвокатом. Мы бы поженились в большой церкви, и моя семья вела бы себя подобающее, даже Хеми и мои кузены. Всё, что мне нужно делать, так это не думать о слове «кузен». Мои глаза, закрытые из-за фантазии и алкоголя, раскрываются. Мне казалось, Джереми собирался поцеловать меня, но он был уже на полпути вверх по лестнице.

— Или тебе может понравиться это, — говорит Джереми. — Моя мама увлекается модой. Так что здесь все старые издания «Вог»[9] вплоть до семидесятых. Думаю, они очень помогают ей в работе. Их довольно приятно полистать.

Может, Джереми гей. Может, никто не хочет целовать меня кроме Лаки, и то, только когда он напьётся. Джереми протягивает мне выпуск с Твигги[10] на обложке. Я улыбаюсь и бегло его просматриваю.

— Джереми, а не вернуться ли нам на вечеринку?

Музыка гудит и пульсирует, люди танцуют, и, может быть, разбивают его дом. Но Джереми пьян и возбуждён, поэтому присоединился к ним вместо того, чтобы пытаться предотвратить разрушения. На его месте я бы

дала всем пинок под зад. Я бесцельно брожу по дому и чувствую лёгкое головокружение. Не могу найти ни Яри, ни Лаки, но зато встречаю двенадцать других ребят со школы и пью два шота текилы, которые на вкус оказываются совсем отвратительными.

Джереми приглашает меня на танец, и, хоть я не уверена, как следует танцевать под быструю песню, мы танцуем в толпе. Это так весело, что мы оба не перестаём улыбаться и смеяться. Думаю, Джереми может быть моим новым лучшим другом. И мы можем пожениться, даже если он и гей. Мы просто украсим библиотеку, заведём детей и будем читать книги вместе. Можем даже устраивать вечеринки в гостиной, чтобы включать музыку, и никакой бачаты.

— Иди сюда, — зовет Джереми, хватая меня за руку и увлекая в большую комнату, которая оказывается в стороне от нас.

Это место — этот дом — как музей, ибо музыка почти полностью исчезает, когда ты переходишь к другому экспонату. На роскошных стенах висят картины, написанные маслом и украшенные настоящим шёлком, а полы устилают толстые восточные ковры. Парень открывает дверь и щёлкает по выключателю. Комната становится такой же яркой, как и кухня. Это ванная королевских размеров. Казалось, она либо сошла с обложки журнала, либо я очутилась во дворце. Всё здесь безупречно, девственно чисто, хромированные поверхности сияют и блестят, отражая свет ламп. У меня появляется ощущение, что я вношу беспорядок в эту чистоту просто находясь здесь.

Вслед за Джереми я запрыгиваю на столешницу рядом с раковиной и складываю руки на коленях.

— Зачем мы пришли сюда? — шепчу я. — Тебе надо сходить в туалет?

— Я подумал, нам необходимо некоторое уединение.

— Ты собираешься поцеловать меня? — вообще я в курсе, что не стоит произносить такое вслух, ибо это разрушает весь интим. Но я нервничаю, ведь единственным, с кем я целовалась когда-либо, был Лаки.

Джереми спрыгивает со столешницы и приглушает свет.

— Не знаю. А ты бы хотела, чтобы я сделал это?

— Да, — отвечаю, закрыв глаза и наклонив подбородок вниз. Джереми придвигается ближе ко мне, он дышит ртом так, будто страдает от аллергии.

Он мягко меня целует, поцелуй выходит влажным и скользким. Его язык проникает в мой рот, и я позволяю телу Джереми разместиться между моих ног. Мы продолжаем целоваться достаточно долго; его руки всё это время остаются на моей талии. Мы не издаём ни звука. Я сравниваю этот

поцелуй с поцелуем Лаки (ничего не могу с собой поделать), и признаю, что только последний вызвал во мне бурю эмоций.

Набравшись смелости (или это просто потому, что я пьяна?) я беру руку парня и кладу её на свою грудь поверх платья. Он незамедлительно сжимает её, и этот жест заставляет мою кровь чуть быстрее бежать по венам. Я углубляю поцелуй, желая показать ему, что мне всё нравится, и, к моему удивлению, он смещает руку к вырезу моего платья и засовывает её в бюстгальтер. От касаний его пальцев мой сосок твердеет и набухает. Я поспешно пододвигаюсь к нему по столешнице и оборачиваю ноги вокруг его талии.

— Белен, — выдыхает парень, выпрямившись, стягивая платье с моих плеч.

Он снимает и бретельки бюстгальтера вместе с платьем, высвобождая мою грудь. Джереми обхватывает её обеими руками, и мне остаётся только тереться об него своей промежностью. Он уже твёрд, хотя это ничто по сравнению с твёрдостью Лаки. Но мне всё ещё слишком нравится происходящее, и я хочу заставить Джереми чувствовать то же самое.

Он целует мою шею и затем склоняется вниз, захватывая сосок губами и втягивая его в рот. Я потрясенно ахаю от ощущений, которые мне может дать простое посасывание такой маленькой части моего тела. Кровь ревёт во мне, я бесстыдно трусь об его эрекцию. Я подталкиваю ему второй сосок и, кажется, не могу остановиться. Стону, когда он всасывает его внутрь, в этот раз задевая и прикусывая его зубами, вырывая из меня в ответ новый, более громкий и протяжный, стон. Я чувствую, как намокают мои трусики от возбуждения. Думаю, Лаки всё же не единственный, кто может довести меня до безумия.

Джереми опускает руки под юбку и поддевает моё бельё обеими руками.

— Подними свою попку, Белен, — велит он, и я слишком охотно и с большим нетерпением подчиняюсь.

Парень стягивает мои трусики вниз по бёдрам, а дальше они сами скользят к ногам. Он хватает мою попку и придвигает до тех пор, пока я не прижимаюсь киской к его стояку, что, без сомнения, заводит его. Он вжимается в мою промежность и несколько раз двигается вверх-вниз, потираясь; скольжение ткани по моим чувствительным губам — кажется, это больше, чем я могу принять.

— Хочешь трахнуться? — спрашивает он, и я не могу поверить своим ушам.

Думаю, он уже занимался подобным, и все-таки мы пришли сюда не

осматривать достопримечательности. Еще больше меня удивляет собственный голос, хриплый и задыхающийся, выдающий «да» без колебания. Он держит свой член прижатым к моей киске, пока я мягко вдавливаюсь в него, скользя по всей поверхности. Похоже, что моё тело живет своей жизнью, а разум больше не имеет права голоса. Не сдвигаясь с места, Джереми рывком выдвигает ящик и достаёт оттуда золотистый пакетик.

А, так вот почему мы в ванной — здесь хранятся презервативы!

Никогда не думала, что лишусь девственности вот так — в ванной на вечеринке, с тем, которого я едва знаю, и непонятно станет ли он моим парнем в будущем или нет.

Он расстёгивает ширинку и достаёт член. Вид его плоти заставляет мою кровь зажечься ещё больше. Я хочу его, хочу насадить себя на этот член. Даже не могу дождаться, когда он наденет презерватив.

Джереми раскатывает его по всей своей длине и, дойдя до конца, сжимает член у основания. Этот его стояк выглядит чертовски огромным, но я не боюсь, я всё ещё дико хочу этого.

— Ты так сексуальна, — шепчет он, и я запрокидываю голову назад, полностью готовая к его вторжению.

Но вместо этого мы оборачиваемся на дверь. Я слышу, как кто-то яростно выкрикивает моё имя. Затем дверь с треском открывается с такой силой, что может слететь с петель. Лаки врывается в ванную, уставившись на Джереми с таким видом, будто собирается проломить тому голову.

И вот они яростно сцепляются друг с другом. Лаки сильный, и ему не составляет труда свалить Джереми с ног одним резким ударом. Хуже всего то, что от мощи удара голова Джереми сталкивается с тяжёлой металлической вешалкой для полотенец. Клянусь, я слышу, как его голова раскалывается пополам. Затем Джереми оказывается на полу, со спущенными штанами, а идеальная белизна ванной запятнана кровью. Кровь повсюду: на полотенцах, стене и снежно-белом пушистом ковре. Лаки дышит как бык, его ноздри яростно раздуваются при каждом вздохе, грудь тяжело вздымается. Он хватает меня за руку. Одним свирепым рывком он наклоняется вниз и сминает мои трусики, затем сдёргивает меня со столешницы и вытаскивает из ванной, не обращая внимания на мою обнажённую грудь, забрызганную каплями крови Джереми.

— Стоп, Лусиан, остановись! — всё, что я могу сказать.

Но вместо того, чтобы отвести меня обратно на вечеринку он тащит меня вниз в тёмный коридор, который заканчивается кухней прислуги. Он открывает дверь, и я могу ощутить кожей холод ночи. Перед нами грузовой

лифт, Лаки вызывает его, нажав на кнопку. Я тяну бретельки бюстгальтера вверх и изо всех сил натягиваю платье на него.

— Джереми истечёт кровью! — кричу. — Куда мы идём?

Лаки ничего не отвечает, только качает головой и смотрит в пол. Кажется, в нём сейчас проходит внутренняя борьба, поэтому я пытаюсь сменить тактику.

— Вызови скорую помощь, — всхлипываю я. Двери лифта открываются.

— Он, чёрт его дери, не собирается подыхать, Белен. В самом худшем случае у него раскроен затылок. Пару стежков, немного неоспорина[11]. С этим гомосеком всё будет в порядке.

— Не говори так! Ты не должен говорить ничего подобного! Как кто-то вообще найдёт его в ванной?

— Не уверен, но думаю, что это сделают шестнадцать патрульных машин полиции, которые ворвались на вечеринку.

— Что?

Двери лифта закрываются за нами, и Лаки протягивает мне моё нижнее бельё. Его взгляд захватывает мой, удерживая его, и я боюсь того, что он будет на меня орать. В лифте, одна сторона которого оббита мягкой кожей, а две другие представляют из себя зеркала, горит яркий свет. Я забираю у кузена свои трусики и аккуратно надеваю их. Никогда ещё не чувствовала себя так унизительно. Чувствую пот, выступивший на лбу и над верхней губой. Меня даже подташнивает от такого позора.

Лаки не отворачивается и не даёт мне ни дюйма свободного пространства. Он яростно, с неприкрытым жаром наблюдает за мной. Я приподнимаю платье над своей голой задницей и надеваю трусики. Знаю, он видел мою киску, и от этой мысли кровь жарким потоком несётся по моему телу. Лаки облизывает губы. Он закусывает нижнюю губу, пока мы смотрим друг другу в лицо. Он видел самые интимные части моего тела, и уверена мог почувствовать, как мои трусики промокли насквозь.

— Почему столько копов вдруг ворвались на вечеринку кучки подростков? — спрашиваю в попытке отвлечь его внимание от моей наготы. Он быстро кивает головой, как если бы был зол или под наркотой.

— Твой маленький друг-педик продаёт кокс и сегодня это было его идеей весёлой подставы.

— Что? — я отрицательно качаю головой. — Он любит книги и хорошо учится в школе.

— Ага, как и чёртов Тед Банди[12]. Ленни, не заставляй меня говорить

об этом.

— Как ты выбрался? Ты под наркотой?

— Да какая к чёрту разница. Джейли позвонил мне и сказал, что сегодня намечается облава. Я перерыл весь этот хренов дом в поисках тебя, а когда они ворвались внутрь, спрятался в кладовке.

— Джейли из парка?

— В точку. Но где же была наша малышка Ленни? Оказывается, она тоже пряталась, позволяя этому сраному мудаку попробовать трахнуть свою киску!

— Это несправедливо! — кричу я, отворачиваясь от него. — А что на счёт всех тех вещей, которые ты выделываешь со своими девками прямо на моих глазах? С Яри? Ты трахаешь мою лучшую подругу, и я вынуждена потом выслушивать каждую мельчайшую отвратительную деталь вашего перепиха, а? Как на счёт того, что ты игнорируешь меня, разбивая мне сердце? Как на счёт всего этого дерьма, а, Лаки? Думаешь ты хоть в чём-то лучше меня? Да ты просто трус и трепло! Ненавижу тебя!

Двери лифта открываются в тёмной, заваленной мусором, комнате, к тому же воняющей крысами и кошачьей мочой. Я снимаю свои каблуки и пулей вылетаю из лифта, прочь от Лаки. Наверное, это небезопасно, ибо я пьяна, а на улице уже глубокая ночь. Но с Лаки я теперь тоже в опасности. Лаки, скорее всего, самая опасная ошибка, которую я когда-либо совершала.

12 глава

Лаки

Я сижу дома следующие два дня. Может показаться, что я просто валяюсь на кровати, но этого гораздо больше, чем обычное валяние. Некоторые могут сказать, что мои отношения с Белен по-настоящему безумные. Но так оно и есть на самом деле, и я ничего не могу поделать со своим дерьмом!

Наши матери из Доминиканской Республики — они выросли на ферме в Сантьяго, потом переехали с дядей в Нью-Йорк. Здесь они попытались построить свои жизни. Авильда — моя мать, Беатрис — мать Белен и Химена — тётя Хеми— все они сёстры; соответственно моя мать самая старшая, тётя Хеми — младшая, и они, одна за другой, начиная с моей матери, уезжали с острова. После рождения тётя Хеми, бабушка

сильно заболела. Она умерла от лихорадки, причиной которой могли быть москиты. Так у деда на руках оказались три девочки и целая ферма в придачу, не считая того, что Хеми ещё была совсем младенцем. Дед поил её тёплым, пенистым, не пастеризованным молоком коровы. Прямо из хлева после дойки молоко попадало в бутылочку Хеми. Моя мать всегда говорила, что именно поэтому Хеми только и делает, что жрёт, а толку от неё никакого.

Но всё самое худшее дерьмо, ставшее нашим маленьким семейным секретом, произошло не на ферме, а здесь. В Бронксе, Нью-Йорк.

Тёте Бетти было девятнадцать, когда она приехала в Нью-Йорк. Она выглядела взрослой, но на деле была ребёнком. Она потеряла мать, не знала английского и не имела никаких шансов прижиться здесь. Девушка была одинокой и напуганной до полусмерти. Она не могла приехать к моей матери, Авильде, так как та уже жила со своим мужем. Оставался только Льюис — её единственная зацепка в этом городе.

Она встречала дядю Люьиса, единственного брата своей матери, до этого лишь однажды. Льюис приехал в Нью-Йорк ещё молодым, попытать удачу. Когда приехала Бетти, он был тридцатисемилетним мужчиной, владельцем своего проката такси. К слову он также был одинок. Думаю, не составит труда догадаться, что же произошло. Одинокий мужчина, всё ещё тоскующий по родине, получает в квартиранты молодую, созревшую девушку, эдакую провинциалку-эмигрантку без гроша в кармане, которой некуда и не к кому обратиться.

Без вопросов, Белен выглядит как родня по материнской линии — она получила одностороннюю ДНК. Она не облажалась в этом плане, что бы, чёрт возьми, это не значило.

Белен стала совершенством.

Но тётя Бетти скармливает ей историю о том, что она наполовину пуэрториканка, а её выдуманный отец, который не был в состоянии остепениться и заботиться о ребёнке, бросил их и вернулся на родину. Это была моя история жизни, но они рассказали Белен такую же. Мы верили в это, пока были детьми, мы с ней могли обсуждать наших отцов, воображать, как те возвращаются к нам, или как мы сбегаем в Пуэрто-Рико, чтобы найти их. Она никогда не сомневалась в этой истории, ибо никогда не возникало никаких подозрений и необходимости в этом.

На самом деле, Белен не вылитая тётя Бетти, поэтому она решила сама для себя, что похожа на своего отца, и мы все помогали ей в это верить, окунаясь в придуманную нами же ложь. И Белен была такой идеальной — никто из нас не хотел причинить ей несчастье и заставить беспокоиться.

Итак, моя маленькая кузина думает, что она наполовину коренная пуэрториканка, как и я, когда в действительности, она стопроцентная доминиканка. Она дважды связана с этой проклятой семейкой.

Таким образом, грех её родителей затрудняет нашу с ней историю. Мы с ней не на половину связаны, мы связаны на все три четверти, что намного хуже. Даже не знаю кто мы, чёрт возьми, друг другу. Как это вообще можно назвать? Мы связаны больше, чем могут быть связаны обычные кузены. И Белен об этом даже не догадывается.

Белен

Моя мама всегда говорила, что в каждой семье есть своя паршивая овца. В поколении моей мамы это, должно быть, была Хеми, в новом же поколении — наверное, я. Хоть и детей Хеми арестовывают и выгоняют из школы, хоть Лаки и шляется по улицам, творя Бог знает что. Я порочная, бесстыжая девушка, которая сделала бы всё, лишь бы её собственный двоюродный брат влюбился в неё. Нет, даже ещё более мерзкая. Та, которая сделает всё, лишь бы её двоюродный брат трахнул её.

Я звоню Джереми, хотя весь предыдущий день я потратила, стараясь успокоиться и справиться с нервозностью. Я встречаюсь с ним в кафе и без конца извиняюсь за стежки на его голове и немного искривленный нос. Он спокойно всё воспринимает и отмахивается от полицейского рейда, как если бы они были обычными завсегдатаями вечеринки.

Он удерживает мою руку в своей, пока говорит, и подушечкой большого пальца очерчивает маленькие круги на моём ногте.

— Мне так жаль, что он ударил тебя, Джереми.

— Белен, я же уже говорил тебе, кончай извиняться за своего кузена. Я знаю, как ведут себя испанские мужчины!

На языке остаётся неприятный привкус горечи, но я киваю в ответ. Кажется, я так отчаянно нуждаюсь в парне, что даже эти наши игры с Джереми удовлетворяют глупые фантазии. Он покупает нам дорогущий кофе и шоколадные круассаны. Мы сидим у окна, и он кладёт мою руку себе на колени.

— Уже решила, куда будешь поступать? — спрашивает он, поглаживая пальцами мою руку. Это нормальный вопрос, это обычные отношения — я постоянно себе это твержу.

— Я собираюсь убраться как можно дальше отсюда, — отвечаю, потягивая белую пену с верхушки дымящегося кофе.

— До сих пор не могу поверить, как близко мы были, когда он вломился в ванную.

Судя по всему, наши мысли были абсолютно в разных плоскостях. Не могу перестать думать, что он, кажется, гей. Может, у меня есть сомнения из-за того, что он богатый белый парень? Или из-за того, что гетеросексуальный, здоровый парень восемнадцати лет любит журнал «Вог»? Вообще, я такая подозрительная только потому, что похоже, он мне нравится. Ни один парень до него, кроме Лаки, естественно, раньше не интересовался мной.

Мы держим в руках по круассану, когда он наклоняется и целует меня.

— Стоит ли нам начинать, Джереми? — спрашиваю я, совсем не уверенная в том, что хотела бы этого.

— Думаю, что если мы зашли так далеко той ночью, то да, нам стоит попробовать. Тебе так не кажется?

Киваю в ответ, вспоминая, как он посасывал мою грудь и как заставил меня взмокнуть от желания. Как он снимал с меня трусики, и я позволяла ему делать это без каких-либо угрызений совести. Наконец-то что-то сексуальное, без примеси ужасного стыда и позора, пустило во мне корни.

Но то, что пугает меня больше всего, возвращаясь к той ночи, так это совсем не сцена в ванной, которая заставляет моё лицо пылать и краснеть. Это совсем не Джереми с его влажными поцелуями, твёрдым членом в его руке, который вот-вот глубоко войдёт в меня.

Нет.

Это Лаки. Лаки, который схватил меня за руку, когда моё платье болталось спущенным на мне; Лаки, который волочил меня по коридору, засунув мои трусики себе в карман; Лаки, который с жаждой пялился на мою грудь, тяжело дыша, пока мы ждали лифт. Лаки, который вручил мне мои промокшие трусики назад и пристально наблюдал, как я, полностью выставленная на его обозрение, надеваю их, задирая платье вверх, унижая меня своим взглядом, пока я пыталась скрыть от него насколько возбуждена.

Я никогда не испытывала ничего более сексуального.

Совсем не Джереми заставляет моё тело гореть. Видеть лицо Лаки, когда он жадно рассматривал мою наготу — вот, что зажигает мою кровь; наблюдать, как он облизывает свои губы, усмехаясь, когда я прикрываю от него свое тело одеждой.

Только представив это, я чувствую, что уже мокрая. Что бы я только не отдала, лишь бы это Лаки сжимал меня в ванной, чтобы трахнуть. И пусть он использует моё тело для удовольствия, а потом выбросит.

Вот почему я паршивая овца. Потому что для меня лучше и желанней было бы то, что на меня кончит Лаки, а не Джереми, который, возможно,

действительно меня хочет.

Лаки

Меня тошнит. Тошнит от наркотиков. Тошнит от потери. Тошнит от моей любви. Не могу прекратить проигрывать в уме что было бы, если бы я не пошёл искать её тогда в доме. Хочу прибить тот кусок дерьма, который осмелился дотронуться до неё своими руками. Хочу порвать на части любого мужчину, кто считает себя достойным даже смотреть на неё. Моих друзей, парней с улицы, этого мудака Джереми, мистера Санчеса, даже чёртового Джейли Иноа. Не хочу, чтобы они даже воображали себе, как трахают её. Я физически болен. Не могу даже выйти из квартиры. Звоню Ярице, чтобы она приехала ко мне.

Я принимаю душ, одеваюсь, сажусь на диван и смотрю в одну точку. Интересно, она сейчас у себя наверху? Или может она сейчас в библиотеке занимается уроками? А может тоже сходит с ума, как и я.

Всё бы отдал, лишь бы она была моей, лишь бы только стать её мужчиной. Но я не буду портить и рушить её жизнь. Отвергаю саму мысль быть той причиной, по которой Белен не сможет получить всё, чего заслуживает. Я раньше просто не понимал, насколько меня убивает только то, что я вижу её с кем-то другим. Ведь я искренне считал — это то, чего я хочу и что мне нужно.

Включаю телевизор, чтобы заглушить дурацкую весёлую мелодию соседской меренги[13].

Но я не могу просто сидеть и наблюдать, как она встречается с другим, это уничтожит меня к чертям. Я бы просто убил его, как только увидел; поэтому мне надо валить отсюда в морскую пехоту. Так у Белен появится шанс на нормальную жизнь. Нормальную жизнь с нормальным парнем.

Приходит Яри, снимает и вешает свою куртку. Она стоит, засунув руки в карманы, и оценивающе разглядывает меня.

— Чёрт возьми, Лусиан! Я вижу, ты сегодня веселишься во всю, — протягивает она, подходя ко мне, дерзко покачивая бёдрами. — Спасибо за приглашение!

Поэтому мне и нравится Яри. Она сильная, жёсткая. Она может принять всё, что я даю ей и даже больше.

— Раздевайся и залазь в мою постель. Я присоединюсь через минуту.

Она пожимает плечами и рывком снимает с себя рубашку; затем наклоняет голову и высвобождает грудь из лифчика, приподнимая её. Она

тянет свой сосок к своему рту и высовывает язык, с чувством облизывая его.

— Погоди с представлением. Я скоро приду к тебе. — отвечаю ей.

Яри вновь пожимает плечами и направляется в мою комнату.

Я задумчиво стою, чувствуя себя больным, дефектным. Резко открываю гигантский словарь, и два маленьких пакетика кокса падают на пол. Разрываю один и высыпаю содержимое на страницу, наклоняюсь и втягиваю кокс носом. Мне следовало бы прекратить делать это, но прямо сейчас я не в состоянии быть трезвым. Это даже не простое желание трахнуть её. Думаю, я в неё влюблён.

Я втюрился в свою чёртову кузину.

— Лусиан! — зовёт Яри из спальни, и я волочу ноги в ту сторону, потирая член через штаны в попытке сделать его достаточно твёрдым перед тем, как засадить ей в рот.

Я должен выбраться отсюда и дать Белен шанс. Шанс быть счастливой со своей собственной семьёй, шанс быть обычной девушкой с розовыми щечками и прелестным ротиком, похожим на бутон розы. Шанс на идеальную, радужную жизнь. Она заслуживает настоящей жизни, а не шоу уродов, которое могу ей дать я — её собственная кровь и плоть. Раньше я даже не осознавал, что мысли держаться от неё подальше будут медленно уничтожать меня. Никогда бы не подумал, что желание сохранить счастье Белен будет стоить мне моего собственного рассудка.

Белен

Я оказалась совсем не готовой к приходу июня.

Но я всё же хорошо сдала экзамены.

Джереми стал моим парнем, и это лето — первое лето, когда я встречаюсь с кем-либо, даже если он и уедет в колледж осенью.

Лаки отдалился от меня и держится на расстоянии. Он видится с Яри каждый день после школы. За последние несколько месяцев он трахался с ней больше, чем за все пять лет или около того, как впервые начал с ней гулять.

Откуда я это взяла?

Яри потом приходит ко мне и перечисляет все подробности. Хотела бы я, чтобы она была более чуткой, чтобы я могла рассказать ей о том, что чувствую, о том, как отчаянно желаю, чтобы Лаки выбрал меня вместо неё, чтобы избавиться от неудовлетворения и прочих проблем.

Лаки прошёл ASVAB[14] — комплекс тестов — первый шаг на пути к

поступлению в морскую пехоту. Он тяжело и усердно тренировался каждый день: в школьном зале, на спортплощадке и даже в подвале, поднимая гири. Не было ни единой причины, почему его могли бы не взять. Кроме наркотиков. Я точно знаю, что если он останется чистым, то у него всё получится.

В июне у Лаки выпускной. Поэтому мы планируем устроить вечеринку. В моей семье мы веселимся по-крупному. Всё уже заказано: диджей, банкет, обслуживание, выпивка, доминиканский торт. Мама уже записалась к парикмахеру, Яри купила новою одежду. Тити была сама не своя от волнения. Она считает, что если Лаки не пройдёт, мы все потеряем хренову кучу денег. Но я уверена, Лаки сможет сдать экзамены. Он видит цель и идёт к ней. Я всего лишь хотела бы стоять рядом с ним, когда он одерживает победу; хотела бы, чтоб он целовал именно мой рот после того, как произнесёт тост на этой вечеринке.

Когда он пересекает сцену, я нахожусь внутри. Мы гудим, улюлюкаем, кричим и одобрительно хлопаем, хоть нас и предупреждали придержать наши поздравления до конца вечера. Ага, попробуйте сказать об этом Хеми и её семейке. Удачи вам в этом. Они здесь самые громкие, и ни один из них так и не окончил школу.

Лаки улыбается искренней, настоящей, гордой улыбкой. Тити никак не перестанет плакать, а потом начинает рыдать с новой силой, ибо понимает, что на всех фотках она и так получится опухшей от слёз.

Повсюду синие и жёлтые шары. Они привязаны к деревьям, дорожным знакам и даже к мусорнику. Пульсирующие ритмы музыки уже доносятся из подвала нашего дома. Сегодня ночью никто не будет спать. По крайней мере, дома по соседству.

— Семейное фото! — визжит Хеми. Раймонд и Рамон толкутся рядом с Лаки, по-реперски растопыривая пальцы; я держу на руках маленького Джовани. Его пелёнки попахивают грязным дельцем. Как бы там ни было, я широко улыбаюсь, поднимая его ручку вверх.

— Придвиньтесь ближе, Лаки, Бей! — кричит Хеми. Я подвигаюсь, пока не оказываюсь впритык к своему кузену и замираю для снимка. Мы улыбаемся до боли в щеках, а Джовани начинает плакать. Раймонд и Рамон тащатся внутрь, чтобы начать бухать, а я помогаю Тити выгрузить как можно больше выпивки из машины.

Некоторые появляются с ручной тележкой, чтобы помочь нам. Тити улыбается мне и тянет в свои объятия. Лаки с трудом прорывается через парадную дверь. Он переоделся в джинсы и рубашку. Его волосы недавно коротко подстригли под «ёжик», в ушах небольшие тоннели. Он буквально

переполнен, вибрирует энергией.

— Ленни, как на счёт того, чтобы сфотаться вдвоём? Как в старые добрые времена?

Я улыбаюсь и искоса смотрю на него. Он весь будто светится. Иногда жизнь поворачивается совершенно неожиданной стороной, но это не значит, что пришёл черёд чего-то плохого. Я рада за Лаки. Настолько счастлива за него, что даже рада за Яри. Сейчас они, вроде как, стали настоящей парой. Мне, наверное, следует выбросить это из головы и смириться.

Я сбегаю по ступенькам и протягиваю Лаки руку. Он обнимает меня за талию и крепко прижимает к своему телу. Слишком близко. Мы оба улыбаемся нашим мамам, пока те делают несколько снимков.

— Ты убиваешь меня, Ленни, этой улыбкой и этим белым платьем. Ароматом своих волос. Бл*дь, убиваешь наповал.

— Прости? — бросаю в ответ, наблюдая, как Джереми идёт по улице.

— Если бы не было никаких правил, я бы съел тебя живьём и перерезал бы ему горло, пока он смотрел, Бей. Если бы были только ты и я. Просто хотел, чтоб ты знала это. Повеселись на вечеринке, — он стискивает мою задницу через новое платье. Лаки целует меня в щеку и сжимает мою талию. — Ты станешь моей погибелью, клянусь. У меня стояк только из-за того, как твои волосы касаются моего лица.

Слишком много для обычного нормального вечера. В моих глазах стоят слёзы, когда Лаки, наконец, отпускает меня и взбегает по ступенькам обратно в дом.

— Привет, Белен!

— Привет, Джереми.

***

Весь вечер Джереми ошивается вокруг меня, и я еле это выношу. Я пью больше алкоголя, чем следовало бы, и становлюсь злее с каждым новым бокалом.

Лаки с Яри танцуют сальсу. Джереми тоже предлагает мне потанцевать, но я просто не могу позволить этому случиться. Нет ни единого шанса, что он знает, как двигаться под такую музыку. Не хочу, чтобы он даже пробовал — я же просто сгорю от стыда за него, за нас обоих. Убеждаю его, что предпочитаю поболтать, и мы продолжаем сидеть бок о бок. Начинает звучать медленная мелодия, и он тащит меня на танцпол. Я чувствую его влажные ладони на своей спине, он старается

притянуть меня к себе как можно ближе, несмотря на то, что я всё пытаюсь отстраниться подальше. Сегодня Джереми ведёт себя как урод. Единственная причина, почему я продолжаю танцевать, это то, что я втихаря перебрала с выпивкой и еле держусь на ногах. Раймонд и Рамон уже давно в хлам пьяны, и я даже не хочу знать, как там Лаки. Наши мамы тоже навеселе, так что всё супер.

Я кладу голову на плечо Джереми и пытаюсь сконцентрироваться только на музыке.

Вдруг я ощущаю сильный тычок и поднимаю голову. Рядом с нами, покачиваясь и улыбаясь, стоит Лаки.

— Не возражаешь, если я вмешаюсь в вашу пару, Джереми? — Лаки произносит его имя так растянуто, будто у него набит рот, и он никак не может сглотнуть, — Как на счёт потанцевать со своим постаревшим братиком, малышка Ленни?

Он пьяный в стельку. Он просто мудак. Видно, что Джереми побаивается его — наверное, опасается повторения сцены в ванной. Он отступает назад, всё ещё удерживая мою руку, смотря на Лаки широко распахнутыми глазами, и кивает в ответ.

Играет ещё одна медленная композиция, и Лаки хватает меня и прижимает к себе непозволительно близко. Он втискивает мои бёдра в своё тело и крепко обнимает руками.

— Если ты думаешь, что переспишь с этим ублюдком сегодня, то ошибаешься, — цедит он, стиснув челюсти.

— К сожалению, не твоё это дело, кузен, — безразлично отвечаю, находясь на грани безумия. Сколько раз один человек может разбивать твоё сердце?

— Приходи ко мне сегодня после вечеринки, — шепчет он, касаясь моего уха губами.

— Зачем? Чтобы посмотреть, как ты будешь трахать мою лучшую подругу? — выплёвываю ему эти слова в лицо и вырываюсь из его объятий.

Лаки хватает меня за плечи и с силой стискивает. Я всё ещё отстраняюсь от него, но не хочу быть причиной сцены или драки. Это же его долбанный выпускной. Предполагалось, что эта ночь должна быть запоминающейся.

— Мы ещё НЕ закончили, мать твою, — рычит Лаки, когда Джереми топчется рядом с нами, ожидая своей очереди.

Яри вскидывает руки и в ярости валит из подвала. Джереми отходит, садит свою задницу на стул и достаёт телефон. Он бы никогда не выступил против Лаки — уж слишком Джереми им восхищается.

Я толкаю Лаки со всей силы, пока мы не оказываемся на середине танцпола. Я сгребаю его рубашку руками, моё сердце болит так сильно, что может просто разорваться.

— Знаешь, что я приготовила тебе на выпускной?

— Что? — я застаю его врасплох, и он, наконец, осматривается, чтобы понять, кто за нами наблюдает.

— Свою «вишенку», Лаки. Тот же самый грёбаный подарок, который я всегда пытаюсь тебе преподнести. Но ты, черт возьми, не хочешь её. Ты возьмёшь любую другую. Вообще любую. Но моя недостаточно хороша для тебя! — мои руки сминают лацканы его рубашки, и я ору всё это ему прямо в лицо.

— Успокойся, Ленни. Ты слишком перебрала сегодня.

— Неет, я выпила недостаточно! Никогда не будет достаточно, чтобы притворяться, будто мне не больно. Я люблю тебя, Лусиан, чёрт тебя подери! Влюблена в тебя по уши. Безумно хочу быть с тобой, но это, блин, просто невозможно! — слёзы смывают мой макияж, и я отталкиваюсь от него.

Он так яростно сжимает мою руку, что, боюсь, сломает. В конце концов, нашу беседу замечают все присутствующие. Наши матери пялятся на нас. Раймонд смеётся, Джереми наспех уходит вслед за Яри из подвала.

Наконец, Лаки отпускает меня. Я, пошатываясь, ухожу с танцпола. Оглядываюсь на него, стоящего в центре своей вечеринки. Ноги его широко расставлены, руки спрятаны в карманах. Шарики с гелием сдулись и спустились ниже. Ленты давно валяются внизу, а напиток в красных пластиковых стаканчиках, случайно опрокинутых, разлит по липкому полу.

***

Кажется, будто я уже час рыдаю в подушку. Через некоторое время мама открывает дверь в мою комнату и впускает лучи света. Она тихо подходит к кровати и кладёт мою голову себе на колени. Мама убирает влажные волосы с моего лица и протягивает платок из кармана своего свитера.

— Как давно, mi hija (прим. с исп. — моя дочь)? Как долго ты испытываешь такие чувства к Лаки?

— Не знаю, мам. Наверное, всю свою жалкую жизнь, — произнеся это вслух, мои рыдания возобновляются с новой силой. Теперь даже моя мама знает, какой я урод. Все они думали, что у меня нет никаких недостатков и пороков. Сегодня, думаю, я показала им парочку.

— Он что-то сделал с тобой, Белен? Он касался тебя?

— Нет, мам! Всё не так! Как ты можешь говорить такое? Только я больна им. Это именно я его преследую, — не могу больше ничего говорить, ибо захлёбываюсь рыданиями и своим горем.

— Знаю, детка, знаю. Я всё понимаю.

Засыпаю в её руках, она гладит меня по спине, пока я всхлипываю. В конце концов, сны уносят меня туда, где нет места боли.

Лаки

Белен всё-таки призналась мне. Она прокричала мне это прямо в лицо. Достаточно громко, чтобы наши друзья услышали, не говоря уже о семье. Хвала Господу, я выпустился в этом году. Ей же остался ещё год, и этого выступления ей не забудут. Это было грандиозно. По крайней мере, несколько её одноклассников присутствовали здесь; большинство же моих друзей выпустились в этому году, если не несколько лет назад.

Не могу ничего с собой поделать, невольно улыбаюсь, вспоминая об этом, и слегка оттягиваю нижнюю губу в виноватом жесте. Не хочу, чтобы она страдала, но в то же время чувствую себя счастливым. Хранить воспоминания о том, как Белен выкрикивала признание мне в лицо перед всей той толпой. Чуть не смеюсь вслух. Чертовки смелое, отважное заявление от девушки, в которую я по уши влюблён. Рад, как последний дурак, что она призналась мне. Вставляет получше, чем наркотики, намного лучше. Вся моя душа поёт, а сердце танцует бачату. Щеки болят от широкой ухмылки, хоть где-то внутри я и понимаю всю ненормальность ситуации.

Мать ничего не говорит мне, когда, наконец, поднимается наверх. Я знаю, они с тётей Бетти убирались внизу и, вероятно, сплетничали, сокрушаясь, где же они просчитались. Наверное, в этом вся проблема. Вдруг мы с Белен не совершали никаких ошибок, вдруг все должно было случиться именно так?

Хватаю свои сигареты со стола и засовываю их в карман вместе с ключами.

— Куда ты собрался, Лусиан? Не думаешь, что хватит уже проблем для одного вечера?

— Попробуй остановить меня, ма. Я не хочу дерзить, но я выпустился, как и обещал, — теперь отвалите от меня все! — я перекидываю куртку через плечо и направляюсь к двери.

— Если ты пойдёшь туда, она просто не впустит тебя, — подаёт мать голос с дивана.

— Выбор только за Белен. Не за тобой или тётей, — выплёвываю я слова, оглядываясь.

— Ты достаточно уже сделал для бедняжки, Лусиан. Она так старается. Не разбей ей сердце, — она следует за мной до двери в своих домашних тапках. Она так просто не отстанет.

— А ты могла бы хоть на секунду задуматься, что я тоже от неё без ума? Что я также страдаю, как и она, ма?

Она засовывает руку в карман моей рубашки и крадёт сигарету. Это всегда было верным знаком, что она пьяна. Она постукивает фильтром по гипсокартону.

— Так ты тоже любишь её, Лусиан?

— Знаешь, нет ничего более отстойного и отвратительного, чем найти ту самую единственную, и быть с ней в родстве, ма. Осознавать, что вы созданы друг для друга, и всю правильность быть вместе, но в то же время разрывать себя изнутри мыслью, что не можешь, мать его, заняться с ней любовью, — а всё почему, ма? Потому что можешь случайно оступиться и создать урода? Знакомо звучит? Звучит как та, другая, знакомая тебе история?

Теперь она плачет, хоть я совсем не добивался этого. Я притягиваю её в свои объятия, и она рыдает, уткнувшись мне в грудь.

— Прости, ма. Извини, что сказал это. Мне просто необходимо было высказаться.

Она выпрямляется и порывисто вытирает слёзы с лица.

— Я знаю, что уже поздно. Но я собираюсь пойти туда и заключить в объятия ту единственную девушку, которая является для меня всем миром. Через две недели я уезжаю отсюда, и потом год буду на службе в учебке. Кто знает, что потом? Я могу оказаться в любой точке мира. Не знаю, чем буду заниматься и вернусь ли обратно. И будь я проклят, если не скажу Белен в лицо, что её чувства абсолютно и полностью взаимны. Сейчас она вся изранена изнутри, и это моя вина. Я не трону её. Я не возьму её девственность, ма. Обещаю, я не плохой парень. Особенно, если дело касается её. Но я не могу допустить этого — не могу оставить её страдать дальше.

Она скрещивает руки и запахивает халат на груди. Кивает головой в понимании и отступает на два шага назад, прикрыв всхлип рукой.

Я аккуратно открываю дверь.

Она любит меня. Белен любит меня.

13 глава

Белен

Посреди ночи я слышу тихий стук в дверь. Обычно мама открывает дверь, но она сегодня много выпила и, думаю, уже давно в отключке. Я натягиваю спортивный костюм на бельё и стягиваю волосы в хвост.

Открываю дверь, и тут всё, что я собиралась высказать Лаки, вылетает напрочь из моей головы. У меня нет никакого плана. В моём сердце нет места ничему, кроме чистой незамутнённой радости. Я всматриваюсь в его улыбающееся лицо, затем прыгаю в его объятия и оборачиваю ноги вокруг его талии. Он целует меня открыто, быстро и так жёстко, прижимая к стене в коридоре.

— Спальня, — шепчу ему в губы.

Он поднимает меня повыше, его руки скользят вниз, чтобы взяться за мои бёдра, удерживая мой вес. Не выключая свет, он закрывает своей спиной дверь.

Никогда не отпущу его. Откровенно выскажу ему, как сильно хочу его в каждое мгновение каждого дня. Лаки — свет моей жизни; самый ценный и прекрасный дар, который мне когда-либо преподносили.

Благодаря признанию чувствую себя полностью невесомой и освобожденной от последующего осуждения, по крайней мере, на эту ночь.

Он кладёт меня на кровать, и я тяну его на себя. Не останавливаясь, целуемся как одержимые, до боли в губах.

— Я так сильно хочу тебя, Лаки, невыносимо хочу. Я будто в огне. Всё, о чём я думаю — ты. Хочу тебя внутри себя, — моя рука тянется к его ширинке, и я рывком расстёгиваю её.

— Воу, притормози! Постой, Белен, малышка. Я не сказал, что у нас будет секс, — шепчет Лаки, немного отстраняясь впервые с того момента, как вошёл.

Он проводит рукой по волосам и озабоченно хмурится.

— Пожалуйста, нет. Я хочу, чтобы это был ты. Я не могу больше ждать! — моя рука находит пуговицу на его джинсах и расстёгивает её.

— Белен, и я люблю тебя. Иногда хочу тебя так сильно, что кажется схожу с ума. Но я не могу сделать этого. Мы можем любить друг друга без секса. Мы должны. Так будет правильно, — говорит он, продолжая целовать меня, используя свой голос, чтобы уговорить меня, принять его точку зрения.

Я отталкиваю его от себя со всей силы. Ударяю его по лицу, мои костяшки болят от удара о его скулу с непривычки. Он хватает меня за запястье и молниеносно опрокидывает, и я оказываюсь на спине, прижатая его телом.

— Я могу заставить тебя кончить, малышка. Но никогда не смогу трахнуть, — говорит он, вытягивая мои руки вниз.

Я чувствую паническую беспомощность.

— Ты трахаешь каждую девушку в округе. Каждую шлюху в школе. Ты даже имел училку — я знаю, потому что сама слышала! Но не можешь переспать со мной?! Я хочу потерять девственность именно с тобой, Лусиан! Все эти годы я ждала тебя!

Он отпускает меня и обнимает. Лаки захватывает мои губы и заглушает мои мольбы поцелуем. Он так восхитительно трахает мой рот своим языком, что я бессознательно трусь киской о его твёрдое бедро без тени стыда. Он умело прижимает свои бедра ближе, идеально подстраиваясь под покачивания моих. Я тяжело дышу и стону, наши рты сплетаются, сминают друг друга до нехватки кислорода.

Может, я смогу так его завести, что ему не останется выбора, кроме как вытащить член из джинсов. Тогда не будет ни малейшего шанса, что он откажется от моего тела. Я так отчаянно влюблена в него, что его удовольствие становится и моим удовольствием. Хочу видеть, как он кончает, так же сильно, как и испытать это чувство сама.

— Снимай трусики, Ленни, — произносит он.

В его голосе звучит твёрдая краткая команда, он как будто невозмутимый доминант, всегда на шаг вперёди, и всегда опытнее. Вот это и есть мой Лусиан. Наше доверие друг другу безгранично. Связь между нами настолько глубока, что я автоматически реагирую на его голос. Он научил меня всему в жизни. Я должна довериться ему и сейчас.

Он заводит мои руки вверх, заставляя взяться за перекладину у изголовья кровати.

— Держишься, Ленни?

Я киваю, широко распахнув глаза и выжидательно всматриваюсь в его лицо.

— Держись крепко и ни в коем случае не опускай руки вниз. Если ты не послушаешься, придётся привязать тебя к этой перекладине, а мы ведь не хотим этого, правда? Понимаешь?

Я вновь киваю и крепко хватаюсь руками за столбики кровати.

Он задирает мою майку выше груди и тянет вверх, пока не доходит до запястий. Я могу видеть, как моя грудь, налитая и тяжёлая, вздымается из-

за прохладного воздуха соски твердеют. Лаки скользит вдоль моего тела и тянет мои трусики вниз вместе со спортивными штанами, оставляя их висеть на щиколотках.

— Раздвинь ножки, Белен, — невозмутимо командует он.

Я делаю как велено и дрожу в предвкушении. Так хочу, чтобы он разделся.

— Иисусе, девочка моя. Ты убиваешь меня, расхаживая одетой. Но этот твой вид сейчас просто уничтожает меня. Ты идеальна.

Он втягивает мой тугой упругий сосок в рот и безжалостно сосёт. Я выгибаюсь дугой ему навстречу, открыв рот в безмолвном крике; ноги инстинктивно раздвигаются шире. Его рука скользит вниз вдоль моего тела, достигая бедра. Я сгибаю ноги в коленях, когда его рука, лаская, мягко скользит по моей киске. Под умелыми движениями я начинаю течь, затем через шелковистые губки он запускает свои пальцы в мой рот. Он вновь скользит вниз, размещаясь между моих ног, и лижет местечко точно между половинок моей попки. Я ахаю, задыхаясь от неожиданности, и прикусываю нижнюю губу. Затем он мягко посасывает мои губы, его язык выводит круги на каждом сантиметре моего тела, всасывая, пробуя на вкус, поглаживая, но упорно избегая прикосновения к клитору.

— Малышка, я не собираюсь засовывать в тебя пальцы, потому как не хочу тебя сломать, — глухо произносит он. — Вместо этого я засажу их в твою попку, и поначалу это будет чувствоваться необычно.

Я приподнимаю голову над подушкой и смотрю во все глаза в его лицо.

— Ты совсем сошёл с ума, Лаки?

— Просто верь мне, малыш. И держи руки вверху, чёрт возьми, или я привяжу тебя и сделаю с тобой всё, что, бл*дь, захочу, — он захватывает мою ступню, пока говорит всё это, щекочет меня, заставляя извиваться от приступа смеха.

Но смех быстро проходит, как только его язык оказывается там, где я жажду его больше всего, вновь посасывая меня. Он мягко, бережно ударяет языком по клитору, вылизывая его круговыми движениями, лаская, поглаживая, вырывая из моего нутра мучительные стоны. Он садится, размещая весь мой таз под углом на своём бедре. Лаки вновь накрывает ртом мою киску, но на этот раз входит внутрь языком. Моя голова запрокидывается в экстазе. Толчки, посасывания его языка на моих набухших стенках это слишком, почти невыносимо для меня. Мои крики нарастают, я на грани того, чтобы заорать от восторга. Он проводит пальцами по киске, смазанной его слюной и моими обильными соками, и

затем мягко нажимает ими на мой задний проход, медленно проталкивая их внутрь.

— Подайся попкой на мою руку, малышка. Обещаю, больно не будет.

Я доверяю Лаки своё тело. Я бы и жизнь отдала ему в руки. Откидываюсь назад и чувствую его влажные пальцы, скользящие во мне. Поначалу я ощущаю неприятное давление, но Лаки снова начинает трахать языком мою киску. После нескольких глубоких ударов языком внутрь, он вытаскивает его и водит вверх-вниз по клитору снова и снова, обводя его без устали, при этом слегка двигая пальцами в моей попке. Это чересчур много, наслаждение бьёт через край. Не могу сдержать это ощущение, мышцы сокращаются, тело дрожит, и я падаю в пропасть удовольствия. Лаки вскидывает руку к моему рту и прижимает два пальца к моим губам. Я открываю рот и прикусываю их. Даже не знаю, как он понял, что я буду громкой. Кричу в экстазе, запрокинув голову назад, почти теряя сознание от такого количества полученного удовольствия.

Можно ли иметь три разрывающих тело оргазма за раз? От разных частей тела? Надо будет посмотреть в учебнике.

Думаю, именно это и произошло, когда Лаки так вежливо взял мою девственность, трахнув своим ртом.

Лаки

Ленни идеальна. Она — всё то хорошее, что есть в моей жизни, которое можно вообще завернуть в крошечный пакетик. Всё, о чём я мог когда-либо мечтать, сейчас спит в моих объятиях. Это может никогда не повториться, поэтому я лежу, не шевелясь, и наслаждаюсь моментом.

Я снюсь ей. Моё имя срывается с её сладких губок, пока она вертит бёдрами, потираясь об меня в поисках телесного контакта. У меня начинается головная боль от того, какими синими стали мои яйца. Мой член вжимается в её маленькое горячее бедро, а её мягкие движения вырывают из меня громкий протяжный стон. Я так хочу просто послать всё к чертям и трахнуть её. Она всё ещё мокрая, и я знаю, что мог бы заставить её кончать ещё сильней и больше, чем в предыдущий раз. Но я держу себя в узде и тренирую своё чувство контроля. Ведь всё это совсем не начало отношений между нами — это наше сближение после вожделения длиною в жизнь.

Она открывает глаза и обхватывает руками мою шею. Её маленькое тело горячее на ощупь, и она сворачивается калачиком у меня под боком, тесно прижавшись ко мне, так, что я могу только широко улыбаться.

— Который час? — шепчет она.

— Рань несусветная, — выдыхаю, целуя её в макушку.

Она трётся своей попкой об меня и уж точно никак не может пропустить мой стояк. Она обнажена и взбирается вверх, оседлав мои бёдра, дразнит мой член через боксёры, скользя по нему верхом, и позволяя ощущать через ткань насколько же мокрой, чертовски мокрой, она была.

— Можно, Лаки? Пожалуйста, — просит она, и моё сердце просто разбивается.

Это не то освобождение, на которое я надеялся; мы вернулись к тому, откуда начали. Только теперь это будет намного хуже, ведь теперь мы попробовали, как все могло бы быть.

— Ленни, прошу тебя, пойми, пожалуйста. Не умоляй меня. Говорить тебе «нет» убивает меня.

— Ты не хочешь меня?

— Чёрт, малышка, даже не смей произносить такого! — взрываюсь, подминая её под себя. — Ты — вся моя чёртова жизнь, Ленни. Я хочу этого больше всего на свете.

Её рука медленно пробирается через резинку моих боксёров и сжимает член у основания. Крепкое сжатие её руки наверняка заставит меня почти мгновенно выстрелить спермой.

— Можно мне пососать его?

— Нет.

— Не могли бы мы просто тереться друг о друга без проникновения, пока не кончим?

Её глаза широко распахнуты, ротик изогнут. Она умоляет меня заняться с ней сексом. Я, бл*дь, ненавижу себя за то, что наказываю её своим отказом. Мы с Ленни не что иное, как страдание друг для друга.

— Нет, — я вытаскиваю её руки из своих трусов.

— Пожалуйста, научи меня как это делается, Лаки. Я хочу учиться!

— Нет! — я откатываюсь к краю кровати и сажусь.

Я обхватываю голову руками и пытаюсь придумать, как нам, чёрт его дери, быть дальше.

Белен срывает с себя простынь и выставляет для меня своё обнажённое тело. Она сгибает ноги в коленях и широко разводит их, открывая моему взору свою идеальную, розовую, влажную киску. Она выглядит затраханной, будто бы под действием наркоты. Это как раз тот эффект, который мы оказываем друг на друга. Друг для друга мы яд и противоядие в одном флаконе. Белен сходит с ума из-за этой ненормальной любви.

Я набрасываю простынь поверх её обнажённой красоты. Белен оборачивает её вокруг своего тела. Я надеваю штаны и накидываю на плечи рубашку, не утруждая себя застёгиванием. Убивая отказом ту единственную девушку, которую желаю сильнее всего на свете. Во всём этом есть что-то забавное — может когда-нибудь я даже посмеюсь над этим. Но прямо сейчас, я бы лучше убил нас обоих, дабы избавить от боли, разрывающей нас изнутри.

— Прости. Я люблю тебя, Ленни. Всегда любил и всегда буду любить. Но на этом мы остановимся, малышка. «Нас» никогда не может быть, и чем раньше мы это поймём, тем лучше.

— Я погибну без тебя, — шепчет она, её глаза проясняются, вырываясь из оцепенения. — Для меня никогда не будет существовать никого, кроме тебя, Лаки. Никогда. И я не хочу, чтобы был кто-то другой.

Слёзы скользят по её щекам и падают на простыни. Для меня Белен ещё никогда не была прекрасней, чем сейчас. Она — чистые эмоции, так неопытна, чувствительна, искренне влюблена в меня и готова пожертвовать, чем угодно ради этой любви.

А я же самый большой мудак в мире. Разворачиваю своё тело, двигаясь к двери и ухожу от своей девушки.

14 глава

Белен

Утром я чувствую себя униженной и подавленной. Не могу встретиться глазами с мамой. Думаю, даже никогда больше не выйду из дома. Мама тоже сегодня необычайно тихая. Мы обе ощущаем нелепое облегчение, когда звонит Джереми, и я по телефону извиняюсь перед ним за прошлую ночь. Я была так благодарная иметь хоть какого-то мнимого бойфренда, что была с ним сегодня исключительно мила.

— *Ese gringuito me cae bien(прим. с исп. — Этот белый юноша мне нравится)*, — говорит мама, когда я вешаю трубку.

Это совсем меня не удивляет. Сейчас ей понравится любой, лишь бы он не был Лаки.

— Я собираюсь сходить с ним в кафе.

— Повеселись, *mi vida(прим. с исп. – дорогая)*. Просто постарайся быть счастливой.

— Я стараюсь, мам. Я не хотела, чтобы так получилось.

— Знаю. Думаю, теперь вы двое сможете двигаться дальше. Лаки уедет на обучение, а ты с Джереми можешь продолжить встречаться. Время покажет, что из этого получится. Ты так молода, Белен. У тебя ещё всё впереди.

За чашкой кофе и выпечкой мы с Джереми помирились, я извинилась за своё поведение. Я списала всё на действие алкоголя, но не думаю, что полностью в этом его убедила. Как и себя, впрочем. На следующие выходные он приглашает меня в кино, и первым моим побуждением было отказаться. Кино заставляет меня вспоминать о Лаки и нашем сумасшедшем поцелуе у стены. Но я знаю: для того, чтобы привести свою жизнь в порядок, мне надо хорошенько поработать. Поэтому я меняю «нет» на «да» и ухожу, обняв напоследок Джереми.

Я медленно бреду домой и колеблюсь, проходя мимо квартиры Яри. Я знаю, что мне следует сделать. Только из-за моей больной ревности, которая сводит меня с ума, я не могу игнорировать её чувства.

Я звоню в её дверь, и она неохотно впускает меня. Я молюсь Богу, пока тащусь вверх по лестнице, по которой Яри сбежала перед тем, как я объявила всему миру о своей влюбленности в двоюродного брата.

Она открывает дверь, но оставляет её на дверной цепочке.

— Мне так жаль, я была просто пьяной идиоткой, — выдавливаю я из себя.

— Ты испортила всю вечеринку Лаки, — обвиняет она.

— Я в курсе и так сожалею.

— Только потому, что он приревновал, ещё не значит, что он хочет тебя, — объясняет Яри.

— Я всё понимаю. В любом случае, это было бы ужасно и постыдно. Мы связаны, он мне как брат, — произношу залпом, будто выдаю автоматную очередь, — ну так что, впустишь меня или нет?

— Думаю, да, — говорит она, наконец, снимая цепочку.

Я снимаю свою куртку и вешаю на спинку стула. Осматриваюсь вокруг — её родителей нет дома. Гадаю, приходил ли сюда когда-нибудь Лаки, чтобы встретиться с ней.

— Прости, но ты такая сучка, — улыбаясь говорит Яри.

— Прости, но ты такая шлюшка, — не остаюсь в долгу и я, ударяя её по руке.

Мы вместе приканчиваем больше двух литров пепси, пакет Читос и четыре серии «Остаться в живых».

— Собираешься работать этим летом? — спрашиваю я, облизывая свои оранжевые пальцы.

— Чёрта с два! Мы собираемся в Пуэрто-Рико на весь июль. Думаю, замутить с парочкой пуэрториканцев с крепкими задницами и проваляться всё время на пляже!

— Звучит круто. А мы собираемся поездить посмотреть школы. И мне надо узнать смогу ли я получить неполный рабочий день в «Y».

— Что тебе надо, так это немного пожить. Съезди куда-нибудь с Джереми. Расстанься со своей девственностью, за которую ты так держишься с шестого класса, а то она уже как твоя ненормальная спутница жизни. Знаешь, такие вещи со временем теряют свою силу.

— Джереми не заводит меня. Он мне нравится, как друг. Наверное, я храню девственность для замужества. Никогда не думала об этом?

— Ага, но тогда она зарастёт паутиной. Если поздно начнешь пользоваться киской, то как долго она продержится?

— Будешь скучать по Лаки, когда он уедет в тренировочный лагерь?

Виснет гнетущая тишина. Наверное, мне не следовало спрашивать об этом.

— Бей, Лаки чертовки хорош, и чего уж врать — в постели превосходен. Но правда в том, что он не подходит мне. Он дерьмово относится ко мне. А я хочу парня, который бы покупал мне разные вещицы и не заглядывался на других баб.

Я чувствую отчаяние, когда она говорит это. Отчаяние за нас троих. Наверное, хорошо, что он уезжает. Возможно, нам всем необходимо немного пространства.

Пытаюсь так жить четыре дня, не встречаясь со своим кузеном. Но по ночам не могу спать. Я сражаюсь с одеялами и по три раза встаю в туалет. Мама покупает мне мелатонин[15] и какой-то чай из трав, но я даже глаз не могу закрыть, ибо всё что я вижу — это он. Я также не могу есть и теряю силы. Не обращаю внимания на телефонные звонки от Джереми. Всё, что я хочу делать, это лежать в кровати и читать. И плакать. Я плачу так сильно, что сосуды лопаются в глазах. Теперь они выглядят как красные пауки. Лаки причиняет мне такую боль, что даже мои глаза кровоточат.

В пятницу вечером мама опять тащит меня в *botánica(прим. с исп. – аптека)*, чтобы я промыла организм. Мы заходим в заднюю комнату, отделённую от остального помещения тёмно-зелёной вельветовой занавеской. Мама шепчется с владелицей аптеки, и та растирает какие-то травы в ступке пестиком. Она говорит у меня любовная болезнь, что забавляет меня, ибо Лаки употребил точно такое же выражение. Больны любовью. *Aficiado.(прим. с исп. — по уши влюблены)* Гадаю, так же ему плохо, как и мне сейчас, или он двигается дальше и сейчас с другой

девушкой. Трахает её мозги. Его член уже стоит для кого-то ещё.

Едва могу держать голову прямо, когда думаю о его улыбке. По коже пробегает дрожь, когда вспоминаю, что он для меня сделал. У меня появляется гусиная кожа по всему телу только от мысли о его рте.

Я слушаю нашептывание владелицы аптеки и проглатываю сделанное ею варево. Они с мамой вечно болтают, пока она нацарапывает рецепт на листе почтовой бумаги. Мы покупаем пару свеч и ароматизированные палочки, чтобы провести очищение дома. *Кто я такая, чтобы становиться на путь очищения, который избавит меня от чудовищных желаний?* Думаю, это дискриминация и вообще старомодно, но я не произнесу этого вслух.

Даже несмотря на то, что эта болезнь — ужаснейшая вещь, которую я когда-либо испытывала, я не уверена до конца, что хочу прекратить это. Боль сохраняет мою связь с Лаки. На данный момент боль — единственное, что у меня есть.

Делаю мысленную пометку купить книгу заклинаний в следующий раз как буду в книжном магазине. Проблема в том, что те заклинания, которые я хочу опробовать, вероятно противоречат всему, что мама с владелицей аптеки только что для меня сделали. Помню одно такое, которое мама испытывала на Гекторе, тогда я внимательно следила за ней, пока она объясняла нужные действия. Гектор продержался с мамой дольше любого другого её бойфренда, так что вполне вероятно, что заклинание работает.

— Ты во всё это веришь? — спрашиваю маму, пока мы идём обратно домой.

— Я бы сделала всё что угодно, лишь бы забрать твою боль, *mi vida*, что угодно, лишь бы помочь. Лаки не плохой парень, Белен, но он был рождён с огнём в своём сердце. Если ты его любишь, то положишь жизнь, чтобы потушить этот огонь. И ты, *mi hija*, ты ведь тоже особенная. Для меня ты как ценное стекло: стекло может противостоять огню долгое время, моя девочка, но в конце концов, согнётся.

Я сжимаю её руку и выдавливаю улыбку. Ненавижу, когда она говорит, как гадалка, но в любом случае, понимаю смысл всего сказанного.

Девушке вроде меня не справиться с Лаки.

Лаки

У меня двенадцать недель, чтобы вытравить Белен из своего тела. Двенадцать недель, чтобы доказать, что я исключительный и заслуживаю

присоединиться к элитным подразделениям и бороться за свою страну. Восемьдесят четыре дня для того, чтобы выбросить её из головы и сосредоточиться на чем-то реальном. На чём-то, что я могу воплотить в жизнь, вместо того, чтобы предаваться мечтам.

Боюсь, я сойду с ума без возможности наблюдать за ней. Боюсь, что брошу службу к чертям, представляя её с другими парнями. В ужасе от того, что смогу оставить всё, просто чтобы быть с ней рядом; что прибегу обратно к ней, не имея возможности, мать его, предложить что-то, кроме своей жизни, полной позора. Все эти мысли разом переполняют меня. Одна вещь, в которой я уверен — я должен уехать пораньше. Нет ни единого шанса попрощаться с Ленни. Мне бы пришлось заглянуть в её глаза, и я бы сломался. Я бросил бы всё, над чем так упорно работал, лишь бы только держать её в своих руках.

Всю ночь напролёт я снова и снова говорил с ней в своей голове. *Белен, ты лучше этого. Не стоит проливать слезы обо мне. Белен, ты владеешь всем моим сердцем, прошу, не страдай из-за меня. Белен, ты идеальна. Я разрушаю тебя. Прости, мне чертовски жаль.*

Решаю написать ей записку, ибо не могу быть настолько холодным, чтобы просто взять и, мать его, свалить. Оставить её одну, думающую, что мне на неё плевать, и она не значит для меня целого мира. Только из-за того, что я грёбаный трус и не могу сказать ей «прощай». Наверное, это глупо, но я хочу, чтобы она знала, что я не кадрю девушек направо и налево. Я не притронулся к другой с той нашей ночи. Она должна знать, что её тело священно для меня.

Я тысячу раз разрывал записку, так как невозможно выразить все то, что я хочу ей сказать.

*Ленни, если бы ты не была моей кузиной, я бы трахал тебя тысячами способов. Бей, я бы затащил тебя к себе в пещеру и обрюхатил бы. Белен, даже несмотря на то, что тебе семнадцать, я бы женился на тебе. Прямо. Бл*дь. Сегодня. Если бы я побывал внутри твоей сладкой киски, это бы поработило меня навсегда. Я бы похоронил свой член в тебе. Бей, я схожу с ума от мысли, что не могу иметь тебя. Боюсь сделать тебе больно. Я хочу только лучшего для тебя.*

Но я так и не написал ничего из всего этого дерьма. Вместо этого я беру иглу и ввожу героин в бедренную вену в паху. Я чувствую бритвенно-острый жар облегчения и освобождения, несущийся по телу и пронзающий моё больное сердце.

Белен

Моя мама однажды сказала, что месяц твоего рождения влияет на характер, темперамент. Рождённые летом импульсивны и быстры, говорила она; зимние люди медленные и продумывают всё наперёд, как рыбы, плывущие в холодной воде: они двигаются медленней, но размышляют глубже.

Моё время года весна, мамино — осень. Она говорит, это значит, что я открываю магазин, а она всегда пытается его закрыть. Я переполнена новыми идеями, тогда как она пытается поставить точку и всё оставить в прошлом. Мама говорит, что однажды, когда мы будем меньше всего этого ожидать, я, наконец, расцвету, и вокруг будут происходить прекрасные вещи: солнце будет светить, а птицы — петь. Она говорила, что хоть все и знают — маленький бутон обязательно распускается, но наблюдать за этим процессом всегда чудо. Надеюсь, так оно и произойдёт, и я буду вместе с кем-то стоящим.

Я покупаю две банки сладкого мёда из клевера в местном супермаркете. Это жалкий, захудалый, поганый магазин, от которого несёт тараканами и хлоркой. Стараюсь избегать его как можно дольше. Я прячу мёд в свой рюкзак на случай, если столкнусь с кем-то из знакомых. После слишком долгого спора самой с собой на кухне я решаю написать «Лусиан» вместо «Лаки» на крошечном куске бумаги. Я несмело облизываю оба конца. Облизываю их ещё раз, если первого раза было недостаточно. Затем туго сворачиваю бумагу справа налево, тщательно следуя инструкциям. Засовываю свёрнутый клочок бумаги с именем Лаки на дно пустой стеклянной банки для консервации. После этого запихиваю сверху две пинты[16] сладкого мёда из клевера. Мёд густой, золотистый, медленно и лениво сочится, вытекает с края. Я наблюдаю, как он образует складки и как они сразу же сглаживаются снова и снова, пока маленькая бумажка не тонет в нём.

Я подставляю палец под струйку мёда и подношу к губам. Засовываю палец в рот и позволяю сладости таять на языке. Когда весь мёд перелит, я крепко закручиваю крышку. Наклоняю банку вперёд-назад, и имя Лаки еле двигается в ней. Бумага кажется немного увеличенной из-за мёда и слегка развёрнутой. Эта банка будет стоять в холодильнике за пивом Гектора, где её никто не найдёт.

Лусиан Кабреро будет чувствовать мою любовь и любить меня вечно.

Лаки

Спазм проходится по телу, и я сворачиваюсь в позу эмбриона, пока судорога не утихнет. Лихорадочный жар струится по венам, медленно нагревая и успокаивая, потом мышцы расслабляются, и я вытягиваюсь на полу. Я пялюсь на затопленный потолок, пока он не становится чистым голубым небом. Чувствую себя таким одиноким без Белен. Стервятники уже кружат, ожидая моей смерти. Может, я тоже этого жду — просто хочу, чтобы всё прекратилось.

Никогда ещё не чувствовал такой жажды. Мой рот полностью иссушён. Помню, как целовал Белен на прощание, но не помню, как когда-нибудь оставлял её одну.

Ещё одна судорога поражает моё тело, заставляя скрутиться. Прошу лихорадку и дальше расходиться по телу, так, чтобы изжарить мои вены и помочь умереть. Закрываю глаза от пылающего солнца. Могу видеть лишь свои вены, полные наркоты, под закрытыми веками.

Мои глаза вновь распахиваются, и я пропадаю. Но тут Белен склоняется надо мной и заслоняет солнце. Она целует мои губы сладким нежным поцелуем, который утоляет мою жажду и имеет вкус мёда.

Белен

Я возвращаюсь домой после боулинга с Джереми. Это был мой первый раз. Даже несмотря на то, что пришлось ходить в заимствованной клоунской обуви, мне на самом деле было весело. Джереми всё ещё кажется мне странным, но я должна преодолеть это. По крайней мере, он хочет гулять со мной, что уже кое-что значит для большинства людей. Если бы не моя семью, мистер Санчес и Яри, я была бы абсолютно нерешительной тихоней, которая ни с кем не может поболтать.

Мама на кухне делает себе коктейль на завтра, так как она работает на двух работах. Она считает, что мы не можем зависеть от школьной стипендии, ведь мы даже не знаем, сколько получим до следующего года, так что лучше откладывать сейчас. Она планирует самостоятельно помочь мне с колледжем, моя мама самая решительная женщина в мире. Она целует меня, как и обычно, но я чувствую, что что-то не так.

— Ну как, повеселилась с *ése (прим. с исп. – парнишка)* Джереми?

— Да, было классно, — отвечаю, открывая холодильник.

Не говорю ей, что всё время я думала только о том, как бы Лаки веселился — он был бы таким же естественным и раскованным, как и со

всеми своими приятелями. Он бы оборжался, когда мои шары раз за разом попадали в желоб, вместо того, чтобы говорить «хорошая попытка», сверкая ободряющей улыбкой, как Джереми.

— Слушай, Белен, я тут кое-что нашла, — говорит она, вытаскивая мою банку с мёдом и заклинанием.

Я выпучиваю глаза, но не могу ответить сразу.

— Я ничего не могу поделать с этим, мам. Я сломлена. С тех пор, как я сделала это, я могу спать по ночам. Уже неплохо, согласись же.

— Наверное, ты мне не поверишь, если я скажу, что понимаю каково тебе. Я влюбилась в девятнадцать лет, и это был совсем не правильный человек.

Качаю головой в ответ.

— Я стараюсь, мам. Это всё что я могу сделать, — видно, что она хочет обнять меня, но я скрещиваю руки на груди, удерживая её на расстоянии.

Она громко вздыхает, положив одну руку на стойку, а другую уперев в бедро.

— Это заклинание работает лучше, если рядом с его именем положить что-то, что олицетворяет тебя.

Я бросаю сумку и безо всяких вопросов несусь в комнату. Схватив со своего комода банку из-под детского питания, я выбегаю на кухню, гремя стекляшками, зажатыми в руке.

У меня семнадцать красных стекляшек — по одной на каждый год моей жизни. Просто как-то так получилось, я ничего не планировала. Ставлю банку на стойку и выжидающе смотрю на маму.

— Пляжные стекляшки, — усмехается она.

— Ага. Именно красные.

— Хороший выбор, — говорит она, откручивая крышку.

— Нормально, если они будут сверху банки, мам? Или надо, чтоб они были на дне, рядом с его именем?

— Должны быть рядом с именем. Что скажешь, если мы просто закинем их туда, и они поплавают там ещё пару дней? В конце концов, они опустятся на дно рядом с Лаки.

— А может и нет, они же слишком лёгкие. Не могу ждать, мам. У меня впереди целое лето без него.

— Или больше, — отзывается мама, открывая банку и вытряхивая одну рубиновую стекляшку на ладонь.

Моя мама всю свою жизнь много работала, и её обветренные руки этому подтверждение.

Она подходит к ящику со столовым серебром и достаёт щипцы, которые мы используем для цыплёнка-барбекю; включает газ на конфорке, откуда вырывается синее пламя. Она помещает мои пляжные стекляшки щипцами в огонь, затем смотрит на меня и подмигивает. Мама нагревает эти штуковины до тех пор, пока маленькое красное сердечко не становится чёрным от дыма.

Я откручиваю крышку на моей банке с мёдом, и мама опускает туда красную каплю из щипцов. Она сразу же стремится на самое дно, как падающая звезда, пробиваясь через вязкий тягучий мёд, и оказывается прямо рядом с именем Лаки.

— Я делаю это не для того, чтобы поддерживать вашу любовь. Я помогаю, ибо не могу видеть твои страдания. Ты ещё встретишь милого парня и забудешь о том, что вообще питала такого рода чувства к своему кузену.

— Знаю, мам. Спасибо тебе, — хотя сильно сомневаюсь в этом, но не собираюсь ей этого говорить.

— Сделай глубокий вздох, *hija mía(прим. с исп. – моя дочь)*, — говорит она.

Я сажусь на стул. Знаю, есть ещё что-то. Его запах витает в воздухе.

Она передаёт мне конверт. Всю переднюю часть пересекает моё имя. Почерк, который я бы узнала где угодно.

— Он его подбросил, или ты виделась с ним?

— Оно было под дверью, когда я пришла.

— Ты читала его?

Она кивает. Я бледнею.

— Мам, это же личное!

— Я люблю Лаки, Белен, как если бы он был мои сыном. Но, несмотря на это, моя работа — защищать тебя, даже если это значит защищать от него.

***

Я жду до заката, чтобы прочитать письмо. Зачем-то мне нужен покров темноты, который бы окружал меня, скрывал и защищал, заслонял от света, от всего, что могло бы осудить меня. Я знаю, что письмо — прощание, даже не читая его. Знаю, чувствую, что он уже ушёл.

Белен,

Не помню времени, когда бы я был без тебя. Это будет наша первая

разлука, не так ли? Ты пугаешь меня больше, чем что-либо в мире, но ты всё также самый милый и прелестный человек, которого я знаю. Идти прямо на войну без опыта пугает меня меньше, чем сделать шаг в твои объятия. Не знаю, стоит ли хоть чего-нибудь моя жизнь без тебя. Даже не знаю, хочу ли я выяснить это. Но я буду продолжать держать тебя на расстоянии, Белен, ещё миллион раз, если это потребуется. Это всего лишь значит, что я люблю тебя больше, чем самого себя.

Я должен уйти к чертям, пока это не разрушит нас обоих. Никогда не смей думать, что своим уходом я отвергаю тебя. Уход — единственный известный мне способ, чтобы защитить тебя. Держись от меня подальше, Ленни. И попытайся оставить немного своей любви.

Твой кузен,

Лусиан

Я отрываю небольшой кусочек письма и съедаю. Не уверена зачем. Во мне два равных желания: разорвать и поглотить, впитать его, так что я позволяю бумаге размокнуть во рту. Глотаю её в попытке присвоить. Не задумываюсь о другом способе. Думаю, мне придётся провести всю жизнь притворяясь. Притворяясь, что хочу того, что и другие. Уход от Лаки — вот, что станет моей похоронной процессией с лежащим живым трупом настоящей Белен в гробу. Никогда и никому не покажу, не открою эту реальную Белен. Она не идеальна, если влюбилась в собственного кузена. Она испорчена, с изъяном, как и он.

15 глава

Лаки

Избавиться от наркоты в организме легче, чем выбросить Белен из головы. Озноб, дрожь, понос, бесконечная лихорадка, которая заставляет меня бредить. Первую неделю пью метадон[17], а на второй добавляются тайленол[18], кодеин[19]и ксанекс [20] в придачу. После этого у меня двухдневная сушка с фруктами и овощами. Я возвращаюсь к тренировкам в учебном лагере новобранцев к концу третьей неделе моего пребывания там. Место реабилитации находится во Флориде, где водятся аллигаторы, ящерицы и прочее. Люди там милые и очень религиозные, поэтому имя Иисуса можно услышать на каждом шагу. Но вот цена — это что-то, но мама смогла

потянуть, и они пообещали помалкивать о моём участие в программе и заверили нас, что они гарантируют чистый тест мочи на наркотики к сроку.

У нас проходит групповая терапия, и я так чертовски отличаюсь от остальных пациентов. Во-первых, я самый молодой здесь. Я единственный из Нью-Йорка. Все остальные выглядят как бывалые байкеры и худшей проблемой все ещё остаётся мет[21]. На Манхэттене не так уж и много наркоманов, хотя я видел всё больше нариков, заполняющих Бронкс[22]. Но я неразборчивый, когда дело доходит до наркотиков. Я пробую немного здесь, немного там, чтобы не доходить до края. Одному Богу известно, что дурь помогала мне преодолеть определённые трудные отрезки моей жизни. Но я должен вывести всё это дерьмо из моего организма. Я здесь до тех пор, пока смогу гарантировать чистый тест на наркотики.

Настоящим наркотиком, на который я давно и крепко подсел, была моя кузина Белен. Реальная болезнь, от которой я избавляю организм, это она. Она пробралась в каждый маленький уголок и захватила меня целиком. Я не могу избавиться от неё во сне; она — практически всё, что мне снится по ночам. Не могу перестать искать её днём, мечтая, что она войдёт в дверь. Ни одна реабилитация не может излечить меня от этой проблемы. Я сгораю от любви. *Tengo maldeamores.(прим. с исп.— Я болен любовью)*

На групповой терапии есть один лысый белый парень, где-то пятидесяти лет. Он носит кожаный жилет и у него есть тату на лбу. Я просто наблюдаю за ним, задаваясь вопросом, что с этим чуваком не так. Когда он говорит, то не звучит словно сумасшедший, но так или иначе он должен таковым быть. Он привязался ко мне, как к своему *amigo (прим. с исп. – друг)*, и мы курим на улице вместе в перерывах на кофе. Он — единственный здесь, кому я рассказал про Белен. Он классный и спокойно это воспринимает. Говорит, что я здесь не для того, чтобы бороться с героином, который попробовал в четырнадцать; не за продажу травки. Я здесь, чтобы излечиться от серьёзной зависимости. Её имя Белен, и я должен упорно работать, чтобы вытравить её из своего организма.

Его зовут Бретт и он, бывает, плачет на встречах по терапии, но всё равно каким-то образом выглядит жёстким и грубым. У него короткие, похожие на обрубки пальцы, а также сложности с передвижением. Он обзавёлся ревматоидным артритом[23] и разрушенной сердечной выстилкой из-за многолетнего употребления наркоты. Я рассказал Бретту, что у меня тоже обнаружили ухудшение работы сердца, но мы должны стараться, и не

важно, чего нам это стоит. Я вытаскиваю его на улицу поотжиматься — чувак мог бы скинуть немного веса. Он наблюдает за моими тренировками в послеобеденное время и в те разы, когда я занимаюсь спринтом. Бретт отбивает мне «пять» ладонью, когда я прибегаю ровно по времени и держит бутылку с холодной водой под полотенцем. Это заставляет меня жалеть, что у меня не было отца все эти годы. Того, кто вдохновлял, поддерживал и подстёгивал бы меня. Так странно быть трезвым.

Когда я здесь, даже не звоню матери. Она с Белен слишком тесно общается. Я мог бы позвонить на телефон двумя этажами выше от квартиры матери, но не думаю, что выдержал бы.

Когда я заканчиваю программу, то прохожу церемонию. Я получаю сертификат на моё имя, написанное курсивом, а также мой самый первый чистый тест мочи. Бретт напялил галстук на церемонию, и мы фотографируемся вместе на фоне кофейни. Мой личный куратор Вирджиния целует меня в щеку, оставляя на ней помаду. Люди произносят речи и говорят приятные вещи обо мне. Бретт раскисает, когда признаётся, что гордится мной, и что он сам всегда мечтал стать морским пехотинцем.

— Я ещё не прошёл в тренировочный лагерь новобранцев, ребята. Так что не расслабляйтесь.

Они стонут в знак протеста и говорят, что я наиболее вероятный кандидат. Но не то чтобы меня волнует моя физическая выносливость; на самом деле я с нетерпением жду, чтобы загонять себя до смерти. Думаю, что смогу справиться и с умственными заданиями тоже — ты просто подчиняешься что бы тебе не сказали и выкладываешься по полной. И это не правда, что я не могу выжить, находясь вдали от неё, ибо я уверен, что смогу сделать и это тоже. Я чертовски боюсь возвращаться домой вновь. Видеться с неё, когда всё изменилось. Что произойдёт, если один из нас продолжит двигаться вперёд, а другой не сможет двигаться вовсе?

Белен

Я выбрала колледж Вассар[24] за кампус и собственно за название. Думаю, может, я такая поверхностная. Стипендии будет достаточно маме, чтобы, по крайней мере, хоть немного отдохнуть. Она так сильно плачет на родительской неделе, что ей приходится принять успокоительное. Я не осознавала, как трудно будет ей даваться прощание. Я ей сразу же пообещала, что мы будем общаться по скайпу, и я буду приезжать к ней как можно чаще. Поездка по Амтрак[25] не так уж и плоха, и мы хотя бы всё ещё

остаёмся жить в пределах одного штата.

Моя соседка по комнате — активная лесбиянка[26] из Чикаго по имени Люси. Думаю, нас поселили вместе, потому что мы обе латиноамериканки, но я точно не знаю, как работает эта штука с расселением в кампусе. Люси мне сразу же понравилась. Она серьёзно относится к обучению, но в то же время она весёлая и забавная. Люси за несколько минут рассмешила меня, описывая свой приезд, и предлагает мне занять верхнюю постель. Мы вместе обедаем в столовой и выясняется, что она ест как Халк. Она приканчивает две миски макарон с сыром и затем доедает то немногое, что осталось у меня в тарелке. Я уже люблю её.

Весь первый семестр я убеждаю её, что Джереми — мой парень. Мы болтаем по телефону, переписываемся по почте, и он даже приезжал ко мне на одни выходные. Волосы Джереми совсем белые, выглядит загоревшим и сбросившим пару килограмм. Он решил записаться на две-три программы в Уортонской школе бизнеса[27] в Филадельфии. Парень немного поддразнивает меня по поводу моего четырёхлетнего обучения для получения диплома в области гуманитарных наук. Очевидно, что ребята в его школе располагают большими деньгами. Некоторые из них живут вне кампуса и водят навороченные машины; они уже получили свои гарантированные работы после выпуска, так что сейчас они тратят своё время на вечеринки и кокс. Я не спрашиваю у него, торгует ли он или является клиентом. Не спрашиваю его о доме тоже. Джереми приглашает меня на ужин, мы выпиваем бутылочку вина на двоих, заедая пастой, не вспоминая прошлого.

— Ты выглядишь потрясающе, Белен. Даже лучше, чем в старших классах, — говорит Джереми, проводя своей ступнёй вверх по моей голени. Похоже, что он ведёт себя так, будто пересмотрел второсортного кино.

— Спасибо, Джереми. Ты, кажется, тоже возмужал. Хотела бы я, чтобы мои цели были такие же отчётливые и понятные, как и твои. Знаешь свой путь, мне завидно.

В машине по дороге домой он кладет руку поверх моей юбки. После той ночи в ванной, Джереми не пытался приставать ко мне. Мы целовались несколько раз после того случая и часто встречались. Вся романтика выдохлась и сошла на нет, но мы всегда оставались близкими друзьями. Моя апатия в отношении руки Джереми на мне заставляла задуматься, что со мной что-то не так.

— Может, притормозишь на обочине? Думаю, нам надо начать с

поцелуя.

Джереми сворачивает на парковку пустого торгового центра. Все магазины закрыты и фонари тускло светят. Я сбрасываю свою куртку, поворачиваюсь к нему и касаюсь его лица. В моём животе оседает тяжёлый ком, пока я наклоняюсь вперёд для поцелуя. Я впускаю его язык в свой рот и стараюсь придерживаться темпа, установленного Джереми. По моим венам не струится жар, кровь не пульсирует в нужных местах. Он берёт мою руку и тянет вниз к своему члену. Через штаны я чувствую его твёрдость и сжимаю его рукой. Он расстёгивает моё платье и проскальзывает пальцами в лифчик.

— Помнишь тот вечер, Белль, в ванной в доме моих родителей? Мы знали друг друга минут пять и уже не могли не касаться друг друга, помнишь?

Моя кровь разгоняется сильней, ибо он не может назвать меня по имени. Я говорила ему в самом начале, что моё имя не рифмуется с Элль, первая часть моего имени произносится как «Бе», а вторая «лен». Я хочу прокричать сейчас моё имя, ибо я говорила ему его тысячу раз и, очевидно, он не слушал. Он хотя бы мог попытаться произнести его правильно, или я много прошу? И самым сексуальным моментом того вечера была сцена в лифте, когда Лаки пристально и безжалостно наблюдал за мной, пока я, пристыженная, натягивала свои трусики перед ним.

Сейчас же нет ничего сексуального в его остром языке и горячем, твёрдом, маленьком члене. Он лапает мою грудь потной рукой и это напоминает мне танец с неуклюжими парнями в школе танцев, тех, которые просят потанцевать с ними, но не имеют никаких навыков и не знают шагов. Их руки всегда влажные и слегка дрожат от того, что они нервничают. Прыщи, скобы и вид того, как твои друзья — ну, по крайней мере, Яри — смеются над их неуклюжими па руками: от этого я чувствую достаточно жалости к парню, чтобы принять его приглашение на танец, ведь он храбрился позвать меня хоть на один. Не хочу, чтобы секс был таким. С Лаки никогда не было неловко или нелепо. Честно, я думаю, что тогда в первый раз я так далеко зашла с Джереми потому, что была возбуждена от вида Лаки.

— Позволь мне связать тебя, Белль. У меня есть наручники и верёвка в багажнике, — говорит Джереми, продолжая теребить мой сосок.

— ЧТО? — я так ошеломлена, что голова начинает немного побаливать, — С чего бы я хотела этого?

— Просто попробуем. Ну, давай же, будет весело, — отвечает он, сильно сдавливая одну грудь, пока лапает другую.

— Думаю, тебе следует отвезти меня домой.

Джереми вздыхает и откидывается на сидении своей Ауди. Он поправляет член в своих слаксах и отодвигается, заводя машину. Он рванул с парковки так быстро, что это слегка меня пугает. Джереми ничего не говорит, пока мы едем, фары ярко освещают дорогу впереди. Он с визгом подъезжает к моему общежитию, резко дёрнувшись и сбивая меня с толку ещё больше. По крайней мере, я рада, что он довёз меня домой и больше не предлагал странных прелюдий.

Когда я отклоняюсь назад, чтобы попрощаться, Джереми говорит:

— Ты могла хотя бы помочь мне кончить, ну ты понимаешь. Я столько проехал, — он смотрит прямо перед собой, положив руку на руль.

— О, так вот для чего ты приехал? Тебе следовало уточнить это по телефону. Я могла бы сэкономить тебе кучу времени. Уверена, быстрый перепихон проще найти дома.

— Яри была права, Белль. Ты всегда была холодной, как рыба.

— О боже! Ты тоже трахал Яри? Когда? Той ночью после вечеринки Лаки? — спрашиваю я, гадая, было ли это единственной причиной, по которой Лаки пришёл ко мне вместо Яри.

— Да брось, Белль. Мы все дурачились! — говорит он и отъезжает, мигая фарами и вращая колёсами, разметав опавшую листву на обочине и оставив меня в облаке пыли и выхлопных газов.

Я разворачиваюсь и иду в общежитие, чувствуя, будто моё тело весит тысячу фунтов. Хотела бы я иметь желание трахнуться, чтобы что-то меня завело. Всякий раз, когда я мастурбирую, я думаю о его теле и его поцелуе. Я хочу коснуться себя, когда думаю о Лаки; у меня даже нет нормальных фантазий.

Люси уткнулась в книжку, находящуюся в дюйме от её лица, когда я закрываю за собой дверь. Я так сильно стараюсь не заплакать, что моё лицо, наверное, выглядит искажённым.

— Как прошёл ужин с твоим бойфрендом?

На коротко стриженных чёрных волосах Люси красуется чёрная шерстяная шапка. Она носит хипстерские очки в толстой оправе и красит губы ярко-красной помадой. Думаю, что предпочла бы целоваться с ней, чем с Джереми, а я даже не лесбиянка.

— Хорошо, — выдаю я. От такой лжи моё горло сжимается.

— Бей, он правда твой парень? Этот чувак нервировал меня, а сейчас меня нервируешь ты.

Я качаю головой и слёзы начинают литься ручьём. Люси хватает наши куртки и тащит меня в местный бар, где мы знаем, что выпивку продают

несовершеннолетним. Мы заказываем пинту пива[28] и садимся в тёмной кабинке за бильярдным столом.

— Ладно, Бей–Бей, теперь колись, — говорит Люси, делая глоток пива.

Я рассказываю ей всю историю. От первых чувств к первому поцелую, к записке, которую он оставил, когда ушёл, и которая, стыдно признаться, всё ещё лежит в моём бумажнике. Рассказываю о Джереми, о ванной, о выпускной вечеринке, даже про поцелуй и наручники. О том, как меня никто не возбуждает и как в свои девятнадцать я всё ещё девственница.

Люси слушает как профессиональный психолог и снимает очки, чтобы протереть. Она смотрит на меня, выдыхая воздух на линзы, затем протирает их своей рубашкой.

— Когда в последний раз ты говорила с ним?

— Я не говорила. Я даже ничего не спрашивала у мамы и тёти о нём.

— Он в командировке или здесь?

— Думаю, он заграницей. Но не знаю точно.

— Ты кончаешь, когда мастурбируешь?

— Да, — я слегка краснею и отпиваю глоток пива.

— Ты когда-нибудь пробовала мастурбировать и думать о Джереми или о ком-нибудь ещё?

— Да, но мысли всё равно возвращались к Лаки.

— Тебя тянет к другим людям? Считаешь ли ты кого-нибудь горячим, даже если они тебя не возбуждают?

— Да, иногда

Люси кивает.

— Хочешь сыграть партию в бильярд?

— Я? О’кей. Я думала, может, ты оценишь ситуацию и сформируешь какой-то ответ.

— Ага, именно! Я не думаю, что тут найдётся ответ для тебя. Это странная ситуация, Бей. Как думаешь, сможешь от него когда-то излечиться?

— Я действительно надеялась, что у тебя появились какие-то идеи на этот счёт.

— Не-а, просто я умею хорошо слушать и быть замечательной соседкой по комнате.

— Ты считаешь это отвратительным? Думаешь, что я больная? Мы спали в одной колыбели. Учились кататься на одном велосипеде.

— Я считаю, что *никто* не в силах помочь влюблённым. Такое просто случается, и стоит просто придумать как с этим справиться. Я не верю, что

у нас есть право выбора, кого любить. Никогда.

Люси выглядит грустной, будто она имеет в виду собственный любовный опыт.

— Твоя история и правда очень печальна, Белен, но в ней есть особая пикантность. Думаю, жаль, что он никогда не трахнет тебя, потому что тогда ты могла бы узнать каково это, ну ты понимаешь. Кажется, вот в этом и ответ. Или, по крайней мере, это то, где ты зависла, а теперь ты можешь оставить это в прошлом.

— Он бы никогда не сделал этого, как бы сильно я не старалась. И поверь мне, я-таки старалась.

— Это дико, ибо ты горячая штучка. Ты же знаешь это, Бей?

Я просто пожимаю плечами.

***

Люси разносит меня в пух и прах в бильярд.

Мы ходим тусоваться каждые выходные.

Я составляю список лучших студентов и студентов Фи Бета Каппа[29] и получаю работу на полставки в библиотеке.

Я решаю выбрать продолжение обучения и остаться в кампусе на время летней школы.

Люси говорит, что я чокнулась. Она собирается в Испанию.

Все уезжают. Это место теперь как заброшенный город.

Она присылает мне две открытки с Ибицы, и я рассматриваю их, сидя в библиотеке. Люси рассказывает, что киски там горячие, и что она пробует осьминогов, кальмаров и манчего[30] каждый день, а также берёт уроки испанского и учится танцевать фламенко.

Я пишу ей ответное письмо, рассказывая, что я здесь единственная студентка, которая осталась на лето, не считая нескольких старшеклассников, сдающих зачёт. Так что весь преподавательский состав знает меня по имени. Я совершенствую своё мастерство в бильярде вечерами. И ещё я случайно собрала столько зачётов за последние шестнадцать месяцев, что теперь я студентка предпоследнего курса. Упс.

Я ни разу не езжу домой в Хайтс.

Нафиг надо это.

Но я изучаю каждую книгу заклинаний, которую нахожу в библиотеке. Каждую ночь мне снится Лаки. Кто знал, что столько любовных заклинаний в стольких разных культурах? Это заставляет меня думать, что

некоторые всё же работают и моя комната понемногу начинает заполняться ведьминскими штучками. У меня даже есть алтарь.

Я часто вижу его во снах, будто смотрю сквозь бесцветную линзу. Я нахожусь далеко от него и вижу, как его изображение увеличивается, но он остаётся всё таким же крошечным и далёким от меня. Я наблюдаю, чем он занимается, будто смотрю через движущуюся диораму[31]. Иногда я вижу, как он занимается сексом с другими женщинами. Но Лаки также работает, потеет и смеётся с друзьями. Он выглядит старше, стрижка ещё короче, но его лицо всё такое же молодое и небрежно красивое. Он всё тот же Лаки, которого я помню.

Затем однажды утром, перед началом осеннего семестра, я психанула, находясь в бешенстве от своих парапсихологических достижений, поэтому вытаскиваю все ведьминские штучки наружу и выбрасываю в мусор. Я обещаю себе начать всё с чистого листа, завести новых друзей и ходить на свидания. В выходные, когда приезжает Люси, я чувствую такое облегчение, что в итоге плачу в её объятиях.

— Думаю, я соскучилась по тебе, — говорю я смеясь.

— Ты выглядишь как привидение, общажная девочка, — отвечает она.

— А ты выглядишь реально круто, словно у тебя была тонна развлечений и удовольствия.

— Точно, так всё и было. И я думаю, что нам стоит отвести тебя к профессионалу за помощью.

***

По четвергам проходят индивидуальные занятия с доктором Дэвидсон. Я занимаюсь когнитивно-поведенческой терапией[32] и пытаюсь разобраться со своими проблемами логически, трезво и разумно. Я также прохожу экспозиционную терапию[33] — направленную не на Лаки, а на общество — хожу гулять, завожу новых друзей, занимаюсь онлайн и блиц–свиданиями, в общем, делаю вещи, которые предположительно являются нормальными для девушки моего возраста.

Мы также много говорим о сексе. Моя соседка по комнате считает классным, что мне прописали эротику на терапии и крадёт у меня книги, как только я их дочитываю.

— Люси, зачем ты хочешь прочитать про горячего лесника, если тебя даже не заводят мужчины?

— Сексуальный накал везде одинаковый, Бей. Даже если он между

демонов и принцем-жабой. У меня тоже есть человеческий опыт, я не инопланетянин.

— О’кей, ты права. Извини, я бесчувственна, — говорю я. Я много чего узнала о настоящих лесбиянках, это не те девочки, которые целуются на вечеринках.

Мой терапевт назначает мне кучу вещей, которые я читала на уроках английского — Д. Г. Лоренс, Анаис Нин и Флобера. Но некоторые произведения новы для меня, как *«Лолита»* Набокова и *«История О»* Полины Реаж. Я не знаю насколько это связано со мной. Иногда я чувствую, что мой терапевт старается расширить моё определение того, что есть аморально, чтобы я смогла научиться принимать саму себя.

Но одну вещь я знаю наверняка — я чувствую отвращение к О[34] и к её образу жизни, но меняя её любовника Рене на Лаки, и я оказываюсь на полу закованная в цепи рядом с ней, добровольно принимая каждый удар.

Доктор Дэвидсон считает, что мне нет необходимости заниматься сексом или лишаться девственности, но она на самом деле хочет, чтобы я продолжала общаться и контактировать с людьми вне моей семьи.

Так что Люси помогает мне создать мой аккаунт онлайн для свиданий — она загружает туда фотографии. Я уже была на трёх свиданиях, но Поукипзи[35] маленький город и, кажется, что все или работают в университете, или там учатся. Получается либо это, либо остаётся тот факт, что никто отсюда не уезжал по каким-то страшным, ужасающим причинам, как, например, бедность, психологическое расстройство или полное отсутствие амбиций.

Что мне действительно нравится из погружения в общественную жизнь, так это проводить вечера с Люси. Она берёт меня с собой в единственный лесбийский бар в городе, чтобы покушать суши, и на вечеринки. Люси переплюнула Яри в области дружбы. Она не судит меня или не заставляет пойти трахнуться. Ей просто нравится хорошо проводить время, наслаждаться жизнью и учиться новым вещам.

— Бей, ты, единственный девственный секс-эксперт, которого я знаю.

— Как раз неплохо полностью разбираться во всём этом, перед тем как соглашаться учавствовать. Изучение вариантов может помочь решить, что нравится.

Люси обнимает меня одной рукой за плечо и целует в лоб.

— Ты прямо кладезь историй, детка. Я куплю тебе пива, просто чтоб послушать твоё дерьмо в этот раз.

***

Обе, Люси и доктор Дэвидсон, считают, что я открыта для свиданий с девушками. Они думают, что у меня всё ещё остаются некоторые подавленные проблемы, и поэтому я остаюсь ослеплённой своим кузеном, ибо это безопасно и удерживает меня от выхода из своей зоны комфорта. Очевидно, что они не встречали Лаки, ибо ничего связанное с ним не может быть безопасным. Но я могу понять их точку зрения. Лаки безопасен, так как не может перестать быть моим двоюродным братом.

Поэтому здесь я старалась быть открытой разным идеям, которые никогда бы не попробовала дома. Не думаю, что свидания с девушками понравились бы моей маме. До сих пор я не считала, что меня тянет к девушкам, но что я могу знать? Я попыталась посмотреть лесбийское порно, которое дала мне доктор Дэвидсон. Мне не то чтобы не понравилось, но я относительно равнодушно отношусь и к обычному порно. Может, я все-таки холодная, как Яри и сказала Джереми. Но я чертовски уверена, что не чувствую себя такой, стоя перед Лаки. На самом деле, всё, что мне нужно сделать, чтобы заставить кровь бежать по венам, это представить Лаки, стоящего здесь со мной, его улыбку, его рот и всё, что он может им сотворить.

Я делюсь предположением с доктором Дэвидсон, что возможно недостающей частью является любовь — я не могу возбудиться с кем-то, кого не люблю.

— Но Белен, ты была влажной и готовой, когда целовалась с Джереми в ванной, если помнишь. Ты была так заведена, что готова была заняться с ним сексом, не так ли?

— Я думаю это из-за того, что я была пьяна. И в тот момент я была влюблена, только моя любовь была направлена на другого человека.

— Любовь и сексуальность — две разные вещи. Я знаю, будучи романтичными и чувственными по своей природе, мы хотели бы верить в обратное, но секс и любовь могут быть взаимоисключающими вещами. Вполне вероятно, что ты можешь быть возбуждена из-за Джереми, но он может совершенно тебе не нравиться.

— Я не согласна. Думаю, я потекла…

— Становишься влажной, — поправляет доктор Дэвидсон.

— Думаю, что стала влажной и хотела, чтобы он трахнул меня…

— Хотела полового акта с ним, — говорит она, поднимая бровь.

— Извините, хотела совершить половой акт просто, чтобы заставить Лаки ревновать и захотеть меня.

Доктор Дэвидсон отпускает меня домой с папкой, полной

распечатанного материала исследований о сексуальности и возбуждении. Разве она не знает, что я работаю в библиотеке? Не знает, что я потратила полтора года, чтобы справиться с чувствами к Лаки?

Я прихожу к ней на следующей неделе и говорю, что прочитала все материалы. Я вручаю ей папку обратно и плюхаюсь на стул напротив её стола не снимая куртку.

— И? — спрашивает она, поправляя очки на переносице.

— Я решила, что я другая. Я — своё собственное исследование. Я не подпадаю под какое-то определение. И я всё ещё верю в любовь.

Она вздыхает и кивает. Мы проводим час за разговором о том, что мне стоит поспешить и принять крупное решение. Она отправляет меня домой с ещё большим количеством порно дисков и с информацией о месте и времени групповой терапии по созависимости. Я получаю помощь, но по содержимому моего рюкзака можно подумать, что я становлюсь всё больше озабоченной. У меня даже нет секса, но чтобы он был, мне нужна эта терапия.

Я изучаю порно, словно университетское задание. Я узнаю о ласкании ануса языком, глубоком горле, двойном проникновении и позе 69. Ничего из этого не выглядит для меня сексуальным, но всё же вызывает интерес. Я бы повторила всё это, но только с Лаки. С ним и ни с кем другим.

В пятницу Люси тащит меня в лесби-бар, где я напиваюсь в хлам. Подруга Люси — Кэт из Чикаго — проездом в городе Нью-Йорк; она приезжает ночным рейсом, чтобы зажечь с нами, так что у нас есть повод отметить.

Кэт — красивая брюнетка с длинными пышными локонами, пухлыми розовыми губками и мягким округлым личиком. Её грудь хорошо выделяется, хоть она и не носит лифчик. Могу сказать, что после того, как она выпила пару коктейлей, то начала флиртовать со мной. Я действительно хочу экспериментировать, хочу попытаться быть нормальной девушкой с нормальными чувствами, а не застрять с любовью к одному парню.

Я прошу Люси сходить со мной в туалет. Это оказывается одноместная комната без кабинки, так что она справляет нужду передо мной. В конце концов, мы соседки по комнате, поэтому уже видели всё, что можно друг у друга.

— Тебе она нравится? — спрашивает Люси, отматывая туалетную бумагу.

— Она красивая и милая. Выглядит спокойной. Я правда считаю её сексуальной.

— Ага, но тянет ли тебя к ней? Иногда, Белен, ты такая странная.

— Меня тянет к ней насколько это вообще возможно.

— Тогда дерзай! То есть, спроси у неё заинтересована ли она. Хочешь я поговорю с ней о твоей ситуации?

— Не-а. Ибо так она подумает, что или я чокнутая, или она оскорбится. Не хочу, чтобы она считала себя каким-то экспериментом.

— Как знаешь, Бей. Большинство людей точно «за» случайный секс. Это классно, весело — иногда даже намного веселее ловушки с отношениями.

— О чём ты?

— Я о том, что даже если они бы знали, что ты занимаешься конкретными исследованиями, многие согласились бы на одноразовый трах — ну то есть, стали бы добровольцами в твоих экспериментах.

— Ну, я просто не хочу использовать кого-то в своих целях.

— Угадай что, Бей-Бей? Думаю, в твоём случае это неважно. Я имею в виду, что обычные люди не винят друг друга в одноразовом перепихоне. Скорее всего, она не собирается проснуться утром, требуя анализ крови или брачный контракт. Хотя, она может попросить адрес твоей почты, — говорит Люси, ополаскивая руки.

— О’кей. Спасибо за совет.

— Кэт — классная девчонка. Уверена, если ты скажешь ей как обстоят дела, она с этим справится. Только не делай этого для набора бонусных очков у своего психолога. Сделай это для себя — не как выполнение задания.

Мы вместе выходим из уборной, я нервничаю и взбудоражена.

— Бей?

— Да?

— Старайся не так много болтать.

— Замётано.

— И, Бей? Наверное, даже не стоит вообще упоминать историю с Лаки. Это портит момент.

***

Целовать девушку и правда потрясающе. У них губы мягче и их волосы щекочут твоё лицо, к тому же они отлично пахнут. У них мягкая, податливая грудь, вместо щетины. У Кэт прерывистое, тяжёлое дыхание, что отличается от бормотания, ворчания, ругани и позёрства парней. Я так напугана возможностью дотронуться до её груди, хоть она и ласкает мою через рубашку.

Кэт также задаёт мне много вопросов, что непохоже на парней. Она спрашивает разрешения, прежде чем что-либо сделать, может в колледже такое свидание — осознанное изнасилование, но и это кажется на расстоянии световых лет от поведения парней из Хайтс.

Мы недолго целуемся, а потом я просто не могу держать рот закрытым. Я говорю ей, что она похожа на Белоснежку, а её волосы — мягче всего, что я когда-либо гладила.

Её пальцы порхают вниз по моему животу и проскальзывают в трусики. Я удивлённо ахаю, её пальцы опускаются ниже к моей сердцевине. Я дрожу всем телом и чувствую жар, приливающий к низу живота. Она проталкивает средний палец внутрь на всю длину. Я слегка хнычу и даже качаю бёдрами. Но не могу сказать напугана я или возбуждена, либо испытываю странную смесь и того и другого.

В конце концов, она вытаскивает палец и подносит к своему лицу. Затем она нежно обводит им свои губы, смазав соками моей киски. Она проводит им по всей длине, словно наносит свой любимый блеск для губ. Я слегка вздрагиваю от этого зрелища. Кэт кое-что знает о соблазнении. Мы снова целуемся, и я пробую свой вкус на её губах. Вместо того, чтобы усилить моё возбуждение, это наоборот мешает. Всё кажется знакомым — не знаю, как объяснить. Мы прекращаем целоваться и болтаем больше о школе и музыке.

Затем, неизбежно, мои мысли переходят к Лаки. Я всё ей рассказываю: от моего кузена к Джереми, моей порно коллекции и новой группе по созависимости.

— Получается тебе почти двадцать и до этой ночи ты целовалась всего с двумя парнями? Вау, вот это прикол! — говорит Кэт, зевая, — и у тебя никогда не было секса?

— Нет ещё, — отвечаю, рассматривая лицо Кэт, пытаясь понять её реакцию, — но я много об этом знаю.

— Хочешь попробовать?

Я киваю головой в согласии, но не уверена на сто процентов в своей готовности.

— А ты? — спрашиваю я.

— Да, чёрт возьми. Я бы трахнула тебя. Но тебе сначала надо подумать. Для некоторых девственность очень важна. Если ты входишь в их число, тогда нам, наверное, стоит повременить.

— Я всегда представляла, что это будет Лаки, но не судьба.

— Боюсь, завтра ты будешь сожалеть. Давай просто потусим, а там видно будет.

— Тебе была важна твоя девственность?

Кэт перекидывает свои длинные волосы на одно плечо. Её губы естественного красного цвета — непреодолимый соблазн для поцелуев.

— Я потеряла девственность с парнем. Она была неудобством для меня. Тот парень мне даже не нравился, я просто хотела покончить с этим.

— Жалела ли ты потом?

Кэт кивает и на мгновение кажется, что она заплачет. Её ногти идеальной овальной формы покрыты ярко-красным, вишнёвым лаком. Всё в ней выглядит красивым и привлекательным, хотелось бы мне больше увлечься ею.

— Ну, он был первым и последним парнем, с которым я спала.

Мне так нравится Кэт, если бы я только могла влюбиться в неё. Думаю, у неё доброе сердце, и она могла бы искренне любить в ответ. Я наклоняюсь и целую её в щеку.

— Давай ляжем спать. Я не хочу ни о чём жалеть.

Кэт спит со мной в моей односпальной кровати и прижимается к моему телу. Она обвивает меня руками и закидывает на меня одну ногу. Обнимать её очень приятно, но и заставляет меня немного поплакать. Она была заинтересована в сексе со мной, а я замерла в страхе от последующего сожаления. Возможно, она оказалась бы энергичной любовницей. И я так хочу поскорей покончить с этим.

Я мечтаю о жарком дыхании Лаки, шепчущего мне в ухо. Затем я ощущаю влажный след его языка, скользящего по линии моего подбородка и проникающего в мой рот. Я полностью открываюсь для него, переворачиваюсь на спину и раздвигаю ноги. Я выдыхаю в его ухо о том, как сильно ждала его, что в этой жизни для меня не хватит всего времени, чтобы насытиться им.

Я просыпаюсь от своего возбуждения, но Лаки нет здесь. Я вжимаюсь и трусь о ногу Кэт и сразу же чувствую себя неловко из-за этого. Кажется, она не проснулась. Я так и лежу, уткнувшись взглядом в потолок от неудовлетворения, пока мой пульс не замедляется и дыхание не приходит в норму.

Думаю, я обречена любить одного единственного человека, недоступного для меня. Поцелуй Лаки погубил меня для остальных. Моё стеклянное сердце надёжно сидит в ловушке на дне банки с мёдом с именем Лаки навсегда начертанным на нем.

16 глава

— Просто встаньте, назовите своё имя и расскажите нам немного о своей созависимости[36], если вы готовы.

Я не готова. Но парень в прикиде цвета сафари готов. Он рассказывает нам о Джен, как они встретились и поженились, как она спустя время стала алкоголичкой и зависимой от лекарств, отпускаемых по рецепту. Она пристрастилась к оксикодону[37] и к валиуму[38] в придачу. Парень рассказал о том, как раньше он часто сидел в своём пикапе за баром, ожидая её, пока она развлекалась с другими парнями и напивалась — лишь потому, что не хотел, чтобы с ней что-то случилось, когда она пьяная поедет домой. Когда же она вываливалась из бара с каким-то чуваком, он пытался усадить её в машину — она же могла ударить его или иногда это делал её дружок. Она материлась, говорила ему гадости. Я не могу поверить, что такая Джен существует. Просто в голове не укладывается, как ей вообще могло повезти встретить этого парня-сафари, и как много она для него значит. После этой истории мы прервались на кофе с печеньем. Парень-сафари явно занял слишком много отведённого нам времени. Но я понимаю почему — ему было о чём рассказать.

Я самая молодая здесь. Постоянно думаю, к правильной ли группе поддержки обратилась. Может, мне нужна внештатная группа по сексуальному фетишу, а может по неразделённой любви или группа для тинейджеров с их проблемами.

Я выступаю последней, и чувствую, что скоро моя очередь. Все эти взгляды наполнены жалостью, а все мысли о сплетнях. Все созависимые, наверное, будут знать мою историю к утру. Историю долбанутой, влюбившейся в своего двоюродного брата и мечтавшей переспать с ним.

— Меня зовут Белен, и я созависима от своего двоюродного брата, в которого влюблена, — добавила я немного тише, переминаясь с ноги на ногу и смотря в пол.

Я обвожу взглядом комнату. Парень-сафари не будет критиковать. Он уже знаком с моей историей. Вместо этого он улыбается и кивает, будто мне повезло облажаться меньше, чем ему.

Я осознаю две вещи в групповой терапии по созависимости. Во-первых, динамика отношений между мной и Лаки может зависеть от его употребления наркотиков — то, над чем я никогда раньше не задумывалась. Во-вторых, Джен пусть и законченная пьянь, но она испекла печенья на всех, а значит и в ней есть что-то хорошее. Печенье можно есть в неограниченном количестве, так что я съела четыре и взяла с собой ещё

два, чтобы принести домой для Люси.

Самое безумное произошло позже и не в этой комнате. Когда мы все друг за другом спускались по лестнице бывшего китайского ресторана, внизу стоял грузовик с включёнными фарами, ожидающий парня-сафари. Когда он садится в грузовик, загорается свет в машине и освещает женщину-водителя, которая наклоняется и легко целует его в щеку. Я удивленно замираю на месте в ярком свете фар.

Парень-сафари высовывается наружу и кричит мне:

— Подкинуть? Мы с радостью! — я решаю, что он выглядит как Джон Денвер[39], а у Джен приятная улыбка. — Джен, это Белен, новый член нашей группы.

— Я в порядке, — говорю, робко поднимая руку и направляясь в сторону грузовика, — Те печенья были классными. Я стащила парочку для своей соседки по комнате, — признаюсь Джен, смущённая тем, что она не под наркотой и трезвая. Она выглядит потрепанной, но кроме этого, кажется, милой.

— Спасибо! Это моё фирменное блюдо, — отвечает она, сдавая назад. И они оба машут, отъезжая от церкви.

***

К наступлению Рождества, я решаю поехать домой. Это будет моё первое возвращение туда за полтора года. Моя мама так рада, что ставит ёлку уже в ноябре. Я говорю ей, что она усохнет, и все иголки опадут до того, как успею приехать. Но мама продолжает строить планы. Она жаждет посетить всех и каждого, у кого мы когда-либо были.

Осознание моего отъезда домой обрушивается на меня ещё за месяц до него. Я начинаю очень усердно работать над обеими моими терапиями, стараясь стать нормальной и не вернуться в прежнее состояние. Я боюсь, нет, я в ужасе, что Лаки тоже может оказаться там. Я напугана встречей с Тити и даже не хочу видеть Яри.

Мама встречает меня на Центральном вокзале Нью-Йорка вся укутанная — ведь идёт снег. Похоже, это Рождество будет снежным. Железнодорожная станция переполнена. Я не привыкла к людской толкотне. У каждого с собой тонна каких-то сумок с покупками; они все двигаются так быстро, что кажется, будто они бегут.

Мама душит меня объятиями и поцелуями и тащит через подземный переход в верхнюю часть города. Я рассказываю ей о своих занятиях, итоговых экзаменах и о предметах в следующем семестре. Но ни слова о терапии. Не хочу, чтобы она думала, что я несчастна. Это не так, я просто вроде как застряла.

Мы готовим *modongo*[40] на ужин. Приходит Тити. Лаки приедет только завтра.

Я открываю холодильник и заглядываю, чтобы проверить, стоит ли там ещё моя банка с мёдом. Я нахожу её за пивом Гектора, как раз там, где и оставила. Моя комната тоже осталась без изменений, за исключением сквозняка и холода. Я ложусь на кровать и смотрю в потолок. В такой позе я засыпаю, просыпаюсь, лишь когда мама с Тити склоняются надо мной, говоря, что ужин готов. Я плачу, когда вижу Тити — даже не представляла, как сильно по ней соскучилась. Она крепко обнимает меня и говорит: «*hay que engordarte niña*»(прим. с исп. - тебя надо откормить, как следует, детка), так как она считает, что я чертовски тощая. Мы едим на кухне, и мама с Тити так громко и весело болтают, что постоянно меня смешат. Думаю, что могу лопнуть от счастья с животом, полным тёплого супа. Тити сбегает к себе вниз, чтобы принести *coquito*[41] и откормить меня. Я всеми способами стараюсь избежать темы о Лаки, но, в конце концов, они заговаривают о нём.

— Он скучает по тебе, *cariño*, и чувствует себя паршиво от того, как всё сложилось. Он очень повзрослел.

— Как и я, — отвечаю, улыбаясь тёте.

— Вы были просто детьми, попавшими в переплёт. У вас было увлечение, у кого не бывает, и вскоре вы будете вспоминать об этом, смеясь.

Мамины брови взлетают вверх. Она не хотела, чтобы я противоречила складной истории тёти о том, что случилось между нами с Лаки. Не хотела, чтобы я признавалась, что Лаки был любовью всей моей жизни. И я не продвинулась вперёд ни на дюйм, ни на капельку. Что мне до сих пор снятся его прикосновения, и, просыпаясь от слез, заставляю себя вновь засыпать.

— Он с нетерпением ждёт встречи с тобой. Как и Яри — они поддерживают общение, — говорит Тити, прокручивая толстые золотые браслеты на запястьях. Думаю, она сказала это с умыслом, чтобы ранить, задеть, как предупреждение, как быстрый, резкий удар в живот.

— Мне стоит позвонить ей, — отвечаю я, вытягивая ноги на кухонный стул, — чем она занимается?

Никто, похоже, не имеете ни малейшего представления.

После того, как Тити вернулась к себе, мама принимает горячий душ и готовится ко сну, заявляя, что ей утром на работу, я же возвращаюсь в свою комнату. Здесь по-прежнему холодно и спокойно. Я листаю книги и

просматриваю свои старые дневники. Перебираю одежду в комоде. Забавно, как мы можем представлять себя в будущем, но получается так, что не сбывается ничего из представленного.

Я вытаскиваю коробку из-под кровати. На ней большой слой пыли, и я сдуваю его, подняв столб пыли в воздух. В коробке лежат старые фотографии и ежегодники. Я знаю, что она вся набита моими фотографиями с братом. Я бережно их рассматриваю.

Но проходит немного времени, и вот они оказываются разбросанными вокруг меня. Десятки фотографий нас, улыбающихся в камеру. Беззубые, в смешной одежде, с детьми Хеми и даже с Яри. Вся моя жизнь рядом с Лаки.

Я набираю старый номер Ярицы. Никто не берёт трубку. Сейчас только десять часов. Она ещё не должна спать.

Я надеваю кроссовки, хотя на улице и снег. Просовываю руки в куртку и заматываю голову большим толстым шарфом.

На улице тихо, всё кажется мягким из-за снега. Я оставляю следы в этой белой пудре, которая доходит до моих лодыжек. Я останавливаюсь перед знакомым домом Яри. Может, она даже съехала и теперь живёт в собственном доме. Я полностью прекратила общение с ней, когда уехала в колледж. Не знаю, из-за чего это: из-за нашей так называемой дружбы или из-за Лаки. Парень в куртке North Face[42] и с банданой под бейсболкой открывает входную кодовую дверь. Я хватаю её, пока она не закрылась полностью.

— Ты знаешь Ярицу с четвёртого этажа? — спрашиваю его.

— Чёрт, Яри? Кто не знает Яри?

— Она всё ещё живёт здесь?

— Ага, думаю, она дома. А что ты типа её подруга?

— Была. В детстве. Спасибо, — я моргаю от яркого света и поднимаюсь к квартире Яри.

Я могу слышать из коридора, как гремит телевизор и, кажется, радио соревнуется с ним в громкости. Я сильно стучу в дверь костяшками, но никто не слышит. Я стучу снова, затем прекращаю и свищу, выкрикивая:

— Яри!

Она открывает дверь, держа ребёнка на бедре. На ней короткие шорты и топик, на ногах носки; её волосы собраны сверху заколкой. Может, она готовилась к Рождественской вечеринке.

— Привет, Белен, ты вернулась на Рождество? Спасибо, что продолжаешь общаться со мной, сучка. Спорим, ты не знала, что у меня ребёнок, а?

— О боже мой! Это твой ребёнок? Как её зовут? Поздравляю! Кто её папочка? — я поражена и смущена. Я рада видеть Яри, но очевидно, что она зла на меня.

— Ты, черт возьми, хочешь знать? А что ты мне привезла на Рождество? Ты здесь, чтобы увидеть Лаки?

Моё сердце ухает вниз, прямо на пол, из того маленького углубления, где оно было раньше в окружении других органов. Здесь, на полу, на него можно спокойно наступить и раздавить любой ступнёй.

— Лаки здесь? Почему? Я думала он приедет завтра, нет?

— Без понятия. Приехал пораньше. Попросился переночевать. Он, в отличие от некоторых снобов, продолжает со мной общаться.

— Прости, Яри. Я была эгоисткой, полностью погружённой в своё дерьмо. Я не считалась с другими. Я, наверное, пойду. Может, встретимся как-нибудь на неделе?

Звонит домашний телефон. Достаточно громко, несмотря на общий шум в квартире.

— Вот, подержи-ка ребёнка, — говорит Яри, передавая мне дочь.

Я хватаю пухлощёкий свёрток и прижимаю к груди. Я склоняю голову к её редким волосикам, вдыхая их запах, и шепчу ей:

— Привет, малышка Яри.

Я слегка укачиваю её, так как она становится беспокойной. Хочу, чтобы Яри поскорее вернулась, ибо умираю от желания убраться нахрен отсюда; не в обиду ребёнку, но я не готова. Я воркую с ней, пытаясь удержать её от плача. Поднимая взгляд, я вижу перед собой Лаки, одетого только в джинсы.

Баюкая ребёнка, я замираю и просто смотрю на него в упор.

Он выглядит так же, только его тело стало таким рельефным. Каждая мышца выделяется, каждая линия его тела чётко очерчена, будто высечена. Должно быть, он упорно трудится в морской пехоте, больше, чем на спортплощадке Вашингтон-Хайтс. Он также выглядит здоровым, так, будто хорошо питается и достаточно спит, скорее всего, он больше не набивает себя наркотой под завязку. Его руки забиты татуировками. Он пахнет мужчиной. И он в доме Яри. Я держу ребёнка, может это даже его ребёнок, и всё что, я могу, так это просто смотреть на этого мужчину.

— С Рождеством, Белен. Не думал встретиться с тобой до завтрашнего дня.

— Ты вернулся из командировки?

— Не-а. Я определён на базу Северной Каролины. Я взял машину напрокат и приехал сюда.

— Это твой ребёнок? Ты живёшь с Яри? — спрашиваю, удерживая ребёнка спиной к нему, будто собираясь отдать её ему на руки.

Он смеётся так, что даже горбится, прижимая руку к груди.

— Нет, Бей, это не мой ребёнок! Это дочь Яри, Амари. Я пришёл просто потому, что Яри ещё не спала, и сам я не хотел ещё спать. Не знал, что ты приехала домой. Но я уйду с тобой. *«Мой ребёнок»*, ты такая забавная. Я даже не живу здесь.

— Ну, ты не обязан… я имею в виду, не обязан заводить детей, — все оттенки красного разлились на моём лице. Я могу даже грохнуться в обморок, если кто-то не заберёт у меня этого ребёнка.

— Пойдём, я возьму рубашку.

Я захожу в квартиру следом за Лаки и сажу малышку Амари в ходунки. Она по прямой ползёт в сторону кухни, где Яри висит на телефоне, стряхивая пепел в синюю стеклянную пепельницу.

— Позвоните мне завтра, засранцы. Я поведу Амари в Мейси увидеть Санту, если вы захотите прийти, — Лаки натягивает свою куртку и целует Амари в головку.

— Мы позвоним тебе, Яри, — говорит он.

— Вдруг Белен слишком хороша для этого! — кричит она, пока мы выходим в коридор.

Мы спускаемся вниз по лестнице в тишине. Я не ожидала этой пытки до завтрашнего дня.

— Я оставлю свою машину здесь. Так как нет шанса найти свободное место, — говорит он, глядя через плечо.

Я замечаю в Лаки то, чего не было раньше. Настороженность, нервозность? Наверное, всем трудно снова возвращаться домой.

Мы поднимаемся по склону в тишине, наполненной звуками снега; мои конверсы немного скользят, и Лаки хватает меня за руку. Чувства, поднявшиеся во мне, настолько насыщенны и болезненны, что я чувствую тошноту. Но я цепляюсь за его руку, как за самое дорогое в мире.

— Я не знала, что у Яри ребёнок, — тихо произношу я.

— Да, в прошлом году появился. Ты и вправду ни с кем не поддерживала общение, Бей. В том числе и с нами.

— Знаю. Думаю, это был своего рода побег, — снег оседает на его коротких волосах и тает, превращаясь в чистые капельки, отражающие уличные огни. Хочу пробежаться пальцами по его волосам. Хочу обнять его. Жажду признаться, как сильно по нему скучала, и как же сложно жить без него.

— А ты, Лаки? Ты продолжаешь общаться со всеми? Часто бываешь

дома?

— Дважды. Это Рождество — третий раз. Был здесь прошлым Рождеством и раз летом. Мать болела несколько раз, когда я был в отпуске. Общаюсь с друзьями только по фейсбуку. Не то чтобы я кому-то звоню или пишу письма. Яри любит посплетничать — она держит меня в курсе.

— Я ни с кем не общаюсь, — отвечаю, распутывая свой шарф, чтобы подышать свежим воздухом.

— Как тебе северная часть штата? Видишься там с кем-то, Ленни? Встречаешься? — спрашивает Лаки, выглядя самоуверенным. Может, этот вопрос подразумевал, что он сам с кем-то встречается, что у него есть девушка в Северной Каролине, согревающая его постель.

Мы доходим до нашего дома и останавливаемся перед ним в свете уличных фонарей. Я качаю головой, открывая и закрывая рот, намереваясь что-то сказать, но я совсем не хочу посвящать Лаки во всю ту гребаную сердечную боль. Это даже не его вина, и замечательно, что он двигается дальше. Не хочу, чтобы моя боль и горечь стали его. Никому этого не пожелаю.

— Я хожу к психиатру, — признаюсь, стараясь держать голову прямо и уверенно, — и вижусь с Джереми, когда он приезжает увидеться со мной. У меня самая классная соседка по комнате Люси. Вот с кем я общаюсь.

— Ты встречаешься с психиатром или ходишь к нему за помощью? — спрашивает Лаки, положив руку на моё плечо.

— Я ни с кем не встречаюсь, — отвечаю, рискнув посмотреть ему в глаза. Он выглядит таким обеспокоенным и небрежно красивым. Ещё более притягательным, чем несколько минут назад. У меня такое ощущение головокружения, будто я нахожусь во сне. Рука Лаки, дотрагивающаяся до меня — вот всё в чём я нуждаюсь.

— Ты выглядишь настоящим мужчиной, — тихо говорю я.

— Я и есть мужчина, Белен, — отвечает он.

Не могу выдержать его взгляд и опускаю глаза вниз.

— Всё в порядке, Бей? У тебя всё хорошо? — спрашивает он, обеспокоенно нахмурившись.

— Да, всё хорошо, Лаки. Я стараюсь день за днём.

— Это из-за меня? — его лицо выражает тревогу и страх. — Я всё испортил, поэтому клянусь, я…

— Ты — что? Это всё я, не ты, Лаки. Со мной что-то не так.

— Белен, с тобой всё в порядке.

— Я собираюсь зайти внутрь, Лаки. Увидимся завтра.

Я ухожу, оставляя его стоять под снегом. Он не следует за мной, я не

спрашиваю, куда он собирается идти. Может, он вернётся к Яри или пойдёт на вечеринку.

Всё, что я знаю, так это то, что совершенно очевидно — Лаки справляется без меня, а я не могу без него.

Лаки

Белен выглядит всё такой же. Может, немного более уставшей и похудевшей. Не могу поверить, что она встретила меня у Яри. Это было последнее место, куда я думал, она пойдёт. Я не планировал наткнуться на неё до завтра. Но Белен всегда удивляла меня своей независимостью. Она всегда была личностью и поступала по-своему.

Я всё ещё хочу сорвать с неё всю одежду и вылизать всё её тело, похоронив лицо между её ногами. Хочу, чтобы она кончала, выкрикивая моё имя. Думаю, она одинокая, грустная. Хочу сделать её счастливой. Я думал, что могу вытравить её из своего организма, но стоит лишь раз увидеть её, и я снова теряю контроль.

Чувствую себя как под кайфом. Собираюсь снять девчонку. Хочу напиться до беспамятства и свалиться без чувств. Не хочу видеть боль на её лице, особенно, если я тому причина. Я думал, что убраться подальше поможет нам обоим, но, кажется, я испортил ей жизнь навсегда.

17 глава

Белен

Мы пьяны. В стельку. Мы начали пить ещё в Мейси[43]. Яри забросила Амари в дом к её папочке, и мы еще перед Рождественским ужином начали с ореховой настойки из магазина алкогольных напитков на углу дома Яри. Потом мы зашли в квартиру Тити и выпили несколько шотов и *coquito*[44]с Coco Lopez[45] по рецепту нового грузного бойфренда Тити.

Лаки получил свои подарки, и мы поднялись по лестнице с Яри, которая плелась позади нас и орала в трубку своему нынешнему любовнику, спрашивая, где он, бл*дь, был прошлой ночью. Лаки смотрит на меня и смеётся, произнося губами: «Всё как всегда». Я расслабляюсь и смеюсь в ответ, и могу поклясться, что вижу, как загораются глаза Лаки. Я замечаю, как он смотрит на мои губы.

— Нет, пошёл *ты* со своими дурацкими извинениями! — кричит Яри в трубку, держа её прямо у рта.

Мы с Лаки ещё посмеиваемся, и Яри показывает нам средний палец.

— Вы тоже можете сваливать, — отвечает она, срываясь на крик.

— Пятьдесят баксов на Раймонда, Белен. За 50 минут, — предлагает Лаки и улыбается мне ещё шире.

— Чтобы Яри побила его? Я ставлю пятьдесят на Рамона. В любом случае, надо её ещё напоить.

Мы еле поместились в коридоре из-за своих курток и ботинок. Я ныряю рукой в карманы в поисках ключа. Моя куртка сползает, и Лаки кладёт на меня руку. Это просто рука на моём бедре. Обычный жест. Но красные огоньки вспыхивают по всему моему телу, а в голове гудит.

— Я поставлю пятьдесят на любого, с кем ты замутишь, Белен, — говорит Лаки, прислоняясь спиной к двери и преграждая мне дорогу.

— О, неужели, и кто это? Не такой уж и большой выбор, — отвечаю, отыскав, наконец, ключ. Я засовываю его в скважину замка, которая находится между рукой и талией Лаки.

— Не знаю. Кого бы ты хотела?

Думаю, я вспыхнула ярко-пунцовым цветом от жары или выпивки, или, может, из-за Лаки, в которого я до сих пор влюблена и который стоит здесь передо мной.

— Ми идём в квартиру Белен, а потом переберёмся ко мне! — кричит Яри в трубку.

— Это отец Амари?

— Нет, придурок, это новый. У него классная машина.

Мама всех нас целует и заставляет съесть побольше еды. Мы открываем подарки под елкой, и я даже вспомнила, что нужно купить в Мейси парочку для Яри и малышки Амари, пока они не заметили. Я подарила своей маме футболку Вассара и она плачет, когда разворачивает её.

— Это же просто футболка, мам, — говорю я.

— Знаю, но я так горжусь тобой! — отвечает она, роняя крупные слёзы и крепко меня обнимая.

— Мы все гордимся тобой, Ленни, — добавляет Лаки, открывая подарок от своей мамы. — У меня есть кое-что для тебя — лови, — говорит он, бросая мне маленькую коробку.

Все пристально смотрят, пока я медленно открываю её. Что он мог мне подарить? Мне страшно открывать его подарок. Я отрываю бумагу, и коробочка внутри выглядит как драгоценная шкатулка. Я поднимаю

крышечку и вижу хлопковую подушку и четыре кусочка морского алого стекла с пляжа на ней.

— О, боже, Лаки! Где ты нашёл их?

— Я же живу недалеко от океана. Иногда прогуливаюсь по пляжу. Их выбрасывает на берег приливом.

Я поднимаю на него взгляд. Я обожаю то, как он смотрит на меня с бесконечной нежностью во взгляде.

— И много там таких красного цвета?

— Не-а, не очень. Их и правда надо хорошенько поискать.

— Это потому, что эти красные стекляшки больше не делают. Всё к этому вело, ведь для получения такого клюквенного цвета использовалось настоящее золото, — отвечаю я, находясь в полном восторге от этих кусочков. Яри закатывает глаза, но остальные улыбаются.

— Юху, Лаки подарил Белен мусор на Рождество! Посмотрим-ка, что он приготовил мне, — она разрывает пакет, в котором маленькие серебристые туфельки для Амари.

Она слишком долго обнимает Лаки и целует в щеку. Мы пьём за подарки, здоровье, учёбу и службу, и за малышку Яри. После убираем обёртки и ленточки. Мы с Яри помогаем маме придвинуть стол, чтобы было больше места для еды. Хеми со своей бандой собираются прийти, а они любят поесть. Я достаю бутылку *Anis del Mono* как раз перед Рождественским ужином.

Близнецы появляются первыми, и они уже пьяны. За ними идёт Хеми с Брианной, которая тащит Джованни — самого младшего. Аннализ застряла, неся все подарки.

Мы поём Рождественские песни, едим всё больше и пьём коктейли, пока не заканчиваются бутылки. Яри сидит на коленях Раймонда. Лаки перехватывает меня на пути из ванной и шепчет на ухо, что я должна ему пятьдесят баксов.

— Думаю, чтобы считалось, они должны поцеловаться, — возражаю я, заправляя волосы за ухо.

— Вот какие правила, а, Ленни? Они должны поцеловаться?

— Спасибо тебе за красное морское стекло. Это самый лучший подарок, который когда-либо я получала.

— Все для тебя, Бей. Реально, всё что угодно для тебя, — шепчет Лаки, но это всё, что он успевает сказать, ибо тётя Хеми вваливается в ванную и сжимает нас обоих в пьяных объятиях, рассказывая, как сильно она соскучилась. Она просит нас об услуге, а именно забрать близнецов, так как она не может выпроводить их из дома, а они же разрушают все её

надежды на личную жизнь.

— Хеми, думаю, тебе нужна именно Яри. Смотри, как она флиртует с Раймондом, — говорит Лаки, усмехаясь мне.

— Я думала, она просто пьяна. Думаешь, он ей и правда нравится?

— Лаки на это даже поставил деньги, — признаюсь я Хеми.

— Не-а. Забудь об этом. Я не вынесу ещё одного чёртового ребёнка, — отзывается Хеми, вваливаясь в ванную.

Лаки прислоняется к стене, выглядя как всегда сексуально. Он делает глоток пива и улыбается, указывая на мои Рождественские носки.

— Я получила их сегодня, — говорю я, забирая его пиво. Я шевелю пальцами ног и делаю глоток. Клянусь, мой рот горит от желания прикоснуться к бутылке там, где ее касались его губы и язык.

— Да уж, я так и подумал, Бей. Чёрт, я так сильно скучал по тебе, — признаётся он, проводя рукой по своей голове. Когда его глаза встречаются с моими, я чувствую, будто кто-то вытащил меня из глубокой чёрной дыры. Я бы стояла так с ним и наслаждалась его теплом вечно.

— Я тоже скучала по тебе, Лусиан. Каждый день.

— Но у тебя же всё нормально? Ты же хорошо учишься, заводишь друзей и всё в таком духе, так?

— Да, я правда преуспеваю в колледже и у меня потрясная соседка по комнате, — отвечаю я.

Даже и не думала, что такой разговор может зайти — мы и правда говорим об этом? Не знаю, как устоять и не прильнуть к Лаки. Я только-только начала учиться, как жить без него.

— Ты собираешься уйти с Яри и её парнем?

— Если ты пойдёшь, то и я тоже. Я приехал домой, чтобы увидеть тебя, Бей. Ма сказала, что от тебя никто ничего не слышал, даже тётя Бетти волновалась. Рад, что ты в порядке.

Лаки обнимает меня. Чувствую себя такой хрупкой, кажется, даже могу рассыпаться в его руках. Я стараюсь вернуть ему объятие, как обычно.

***

В доме бойфренда Яри — Майка — мы пьём ещё больше. Я едва могу видеть из-за алкоголя, но вся его квартира украшена разноцветными мини-огоньками к Рождеству. Каждый из этих огоньков создаёт ауру цвета, они прикреплены к стене сверху, над окнами. Майк и Лаки забивают косяк, и я пристально на них смотрю.

— Бей, я завязал навсегда. Не смотри на меня так.

— Что если тебе придётся пройти тест на наркотики сразу по

возвращению?

— У меня месяц отпуска. Я просто праздную Рождество, так что после сегодняшнего я не буду продолжать.

Я иду в ванну с Яри. Она одновременно писает и наносит блеск на губы.

— С кем-то встречаешься в колледже?

— Не совсем, — отвечаю, прислоняясь спиной к двери, — мой психолог хочет, чтобы я была открыта для свиданий с девушками, так что я целовалась с очень симпатичной девушкой Кэт. Но это всё.

— Погоди, ты целовалась с девчонкой?

— Да, — признаюсь, пожимая плечами. Это не кажется мне чем-то особенным. Я привыкла к Люси, а всё, чем она занимается, это целуется с девушками.

— Оу, это горячо, Бей. Ты говорила Лаки?

— Нет, у меня даже не было особой возможности поговорить с ним, — я снимаю рубашку. Под неё я надела майку, но я вдруг чувствую жар.

Мы возвращаемся в гостиную и садимся на пол. Лаки выглядит обдолбанным, а Майк — будто он без сознания. Яри сидит сзади и тянет меня ближе к себе, обнимая за живот. Лаки вскидывает голову, оживляясь. Яри начинает гладить мою грудь через майку, обводя мой сосок круговыми движениями, пока тот не съёживается от возбуждения, проступая через одежду. Я зеваю, а потом немного хихикаю.

— Яри, что, бл*дь, ты делаешь? — требовательно спрашивает Лаки.

— Успокойся, Лаки, Белен теперь по части девочек. Она рассказала мне об этом в ванной, — Яри наклоняется ко мне сбоку и притягивает мой рот к своему. Она даёт мне попробовать её язык до самого основания, и кажется, будто мы снимаем порно.

— Это правда, Ленни? — спрашивает Лаки. Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него, возвышающегося над нами. Я могу видеть его эрекцию через брюки и увлечённость при взгляде на нас.

— Не всеми девушками, — отвечаю я, икнув, — только красивыми, как Кэт.

— И Яри?

— Не знаю. Никогда не думала об этом. Она просто начала целовать меня.

— Пойдём в спальню, — предлагает Яри, — хочешь с нами, Лаки?

— А Майк? — спрашивает Лаки.

— Он отрубился, так что ему без разницы. Ну же, Белен. Давай сбросим эти шмотки.

В комнате Майка Яри раздевает меня. Она начинает сосать мои сиськи и облизывать соски. У меня такое чувство, что она делает такое не впервые. Я оглядываюсь на Лаки, его глаза полыхают. Я улыбаюсь ему и хихикаю, пока Яри целуется с моей грудью. Я стараюсь как можно изящней избавиться от своих кружевных стринг, не теряя зрительного контакта с Лаки.

— Ты идёшь или как? — спрашивает Яри, бросая свои трусики в Лаки.

Она обнажена и достаточно горяча. Я бы никогда не сказала, что она недавно родила.

Лаки подходит к нам, и Яри хватает его лицо. Она целует его, глубоко просовывая язык ему в рот. Она не может всегда так целоваться. Думаю, она всё ещё играет. Я с трепетом наблюдаю, как Лаки немного отступает назад и поднимает рубашку над головой. Он теперь такой рельефный и мускулистый, будто с обложки фитнес-журнала. Понимаю, что это всё тренировки морских пехотинцев. Он продолжает целовать Яри, но смотрит прямо на меня. Он протягивает ко мне руку и тянет ближе к себе. Мои ноги подкашиваются, я спотыкаюсь и ощущаю контакт наших с ним тел.

Потом Лаки целует меня. Я оживаю под его прикосновением, словно вдруг протрезвев. Кожу покалывает, и любовь несётся по моим венам как наркотик. Я поднимаюсь на цыпочки, поощрённая всплеском адреналина, и прижимаюсь к нему всем телом. Он обхватывает меня руками и несёт к стене. Его поцелуй раскрывает меня, и я ощущаю будто парю.

Лаки врывается в мой рот, наш поцелуй как поединок. Мы соревнуемся, чтобы увидеть, кто вложит в него больше чувств, а наши языки — главное оружие. Я забываю, где мы находимся. Забываю, что мы кузены. Я теряю себя в его поцелуе, ибо это та битва, которую я не хочу выигрывать. Я хочу быть потерянной в нем, взятой, завоёванной, покорённой им.

Лаки толкает меня на кровать и сразу же оказывается надо мной, заводя руки над головой. Он целует мою шею и вбивается в меня бёдрами.

— Господь Бог, Бей, я скучал по тебе, — выдаёт он, прерывающимся голосом. Моя грудь тяжело вздымается, и я прижимаюсь к нему всем телом. Хочу умереть здесь, именно таким образом: в руках Лаки, окружённая его любовью. Он трахает мой рот своим языком; любовь Лаки ко мне примитивна, это не влюблённость. Я раздвигаю ноги и прижимаюсь тазом в жажде быть наполненной. Он сильно прикусывает мочку моего уха, я вздрагиваю и стону в ответ.

— Прошу прощение, говнюки! — говорит Яри, прочищая горло. Она упирается рукой в бедро и качает головой, наклоняется и подхватывает

одну из брошенных футболок Майка, надевая её через голову. — Вы, бл*дь, отвратительны. Такое вообще называют инцестом.

Я хныкаю в ответ и отклоняюсь от груди Лаки. В ответ он сильнее сжимает и тянет мои руки. Он вжимается в меня ещё глубже, отказываясь рассоединять наши тела.

— Ты, бл*дь, сама начала это, Яри! Я вёл себя нормально, пока ты не спровоцировала меня!

— Лусиан, я просто хотела попытаться немного повеселиться, ибо сейчас Рождество, и мы обдолбанные. Я не планировала для вас извращённого любовного-черт подери-воссоединения семьи. Она тебе как сестра. Ты бл*дь тронутый! Теперь проваливайте с кровати моего бойфренда, он бы точно не хотел видеть здесь ваши грязные задницы.

Я хватаю свой лифчик и униженно подтягиваю его. Натягиваю трусики, встаю и бегом направляюсь в гостиную, чтобы надеть рубашку. Я отчаянно хочу убраться отсюда, свалить обратно в Поукипзи. Именно близость Лаки выявляет во мне эту болезнь.

— Ленни, успокойся. Всё в порядке, — говорит Лаки. Он стоит в одних джинсах, не удосужившись надеть рубашку обратно, — не случилось ничего такого, чего бы не было раньше. Мы можем преодолеть это. Мы просто напились, были под кайфом — вот и всё.

— Это не может повториться. Вот почему я не могу возвращаться домой. Я не могу видеть тебя, Лаки, без того, чтобы не чувствовать любви к тебе!

Пока я говорю это, глаза Лаки расширяются, его губы приоткрываются в удивлении. Он ничего не говорит в ответ, но пристально смотрит на меня, будто бы я шокировала его.

Майк выглядит только что проснувшимся и ничего не понимающим. Яри самодовольно посматривает на нас, качая головой. Лаки со скрещенными на груди руками выглядит так, словно испытывает боль. Я хватаю свою куртку с крючка и выбегаю за дверь. Я должна убраться отсюда.

***

Я едва могу уснуть, хотя напилась так, как никогда раньше. Закрывая глаза всё, что я вижу — Лаки, повсюду. Вижу его твёрдое тело и мягкое, пылкое сердце. Чувствую его плоть напротив своей, и вся дрожу от одной только мысли о его прикосновении. Я встаю посреди ночи и иду ворошить аптечку. Принимаю аспирин от головы и адвил от своего нервного возбуждения, наношу вапораб[46] под носом и поперёк лба. Понятия не имею

зачем, но мама постоянно втирала мне эту штуку каждый раз, когда я болела, так что теперь это каким-то образом успокаивает просто своим мятным медицинским запахом.

Я больна во многих отношениях. Я не должна была приезжать домой. Как же я могла так сглупить? Мама была готова поехать в северные штаты. Мне надо держаться подальше от Лаки. Не могу больше терпеть эту пытку.

Истощенная и отчаявшаяся я достаю банку с мёдом с задней части холодильника. Я откручиваю крышку и опускаю палец в янтарную липкую и сладкую массу, поднося затем ко рту. Я слизываю мёд с пальца и закрываю крышку. Мне следует опустошить её полностью и освободить своё стеклянное сердце. Стоит засунуть сюда чьё-то другое имя и дать себе шанс на любовь в этой жизни. Надо бы разбить эту банку, сбросив её с крыши. Ибо моё сердце задыхается на дне этой вязкой сладости, под слоями сладостной любви Лаки длиною в жизнь.

Я слишком слаба, чтобы сопротивляться ему. Не знаю, как сказать «нет». Когда моя жизнь станет легче? Стресс разрушает меня. Я даже представления не имею, как желать кого-то другого.

Освобожусь ли я когда-либо от этой болезни? Когда любовь прекратит быть проклятием?

***

Я уезжаю рано утром, и мама плачет, когда я говорю ей об этом.

— Передумай, *mi vida*, прошу тебя, там же собирается сильный снегопад, — уговаривает она, помогая собирать мой чемодан.

— Я не могу быть рядом с Лусианом, мам, это разбивает мне сердце.

Мама шмыгает носом и кивает, складывая мои штаны. Может, она и правда понимает после всего, что было. Она не обвиняет меня в том, что я грязная, запятнанная, непристойная или что-то типа такого. Она просто говорит, что любит меня и пытается заставить взять пачку наличных. Мама вытаскивает их из жестянки с мукой на верхней полке кухонного шкафа и засовывает мне в руку, кивая: «*Sí, Belén, toma*» (прим. с исп. Да, Белен, возьми).

— Они мне не нужны, мам. У меня есть работа в библиотеке. Ты уже и так делаешь для меня достаточно. Отложи их, так что ты сможешь приехать ко мне на мой выпуск.

Я тащу свой чемодан через снег и ловлю частника на Бродвее.

— Порт Авторити[47], — говорю водителю.

Я люблю поезда, но автобус дешевле, и я уже в ожидании нескольких

часов размышлений, сидя у окна. Мне необходимо очистить свою голову и сердце от всего, что связано с Лусианом. Я чувствую себя немного неловко от того, что не попрощалась с Тити, Яри и остальными членами своей семьи. Но я не могу сказать «прощай» Лаки. Не могу видеть его. Вообще. Я откапываю кусочки красного пляжного стекла из своего кармана и выбрасываю их в сугроб. Они так красиво выглядят на снежном фоне, будто светятся. Кто-то другой найдёт их. Кому-то другому повезёт. Уезжая, я чувствую, словно оставила кусочки своего разбитого сердца, разбросанными по тротуару.

Лаки

Быть пехотинцем не так уж плохо. Это что-то вроде классной работы, где ты всегда тусуешься с друзьями. Ну, кроме отсутствия свободного времени и недосыпа. Каждый день мы изучаем что-то новое и не всегда то, что готовит нас к бою. Мы прорабатываем каждый возможный сценарий перед заданием. Мы уже прошли вязание верёвки и скалолазание, выживание в дикой природе и даже потратили день на обучение спасению тонущих гражданских. Оказывается, я сильный пловец. Кто бы мог подумать? Я вырос в Южном Бронксе. Это совсем не то место, чтобы плавать в Ист-Ривер или вверх-вниз по Гудзону.

Я люблю погоду в Северной Каролине, да и большинство парней здесь что надо. В моём батальоне есть ещё один чувак из Бронкса, и мы с первого же дня отлично поладили. У нас было похожее происхождение, так что мы получили более-менее одинаковое воспитание.

В выходные, когда у нас перерыв, мы ездим в Джексонвилл[48], чтобы выпить, сыграть в дартс или пул. Я никогда не возвращаюсь домой, даже когда у нас выпадают выходные; я околачиваюсь здесь на базе. Вообще, причина, по которой мы ездим в город — подцепить баб. Я приобрёл вальяжный, самодовольный вид, и я в лучшей своей форме. Трахаться — легко. Цыпочек, которые тащатся по мне, хоть отбавляй. Я не встретил никого особенного — даже не знаю, что делал бы, если бы это случилось. Но я в самом деле люблю трахаться из интереса. В этом я всегда победитель, прирождённый чемпион.

Находясь здесь, я ощущаю себя кем–то другим, я не возражаю быть здесь просто номером — это снимает всё напряжение и давление. Я один из тех парней, которые с нетерпением ждут боевого задания. Некоторые парни из морской пехоты, которые малое время были с нами, говорят это типично для салаг — хотеть выбраться с базы до зуда. Говорят, там может

быть скучно — ты можешь застрять на недели на миссии, где всё, что ты делаешь, это сидишь и ждёшь. Или же это дерьмо может быть изнурительным, когда ты тащишься мили в униформе с оружием и весовым элементом только, чтобы плестись обратно откуда пришёл снова, в темноте, даже не выстрелив ни разу из своего чертового оружия.

Но я не знаю, мне всё так же хочется поехать. Я хочу что-то, блин, делать, это желание словно прорывается из меня. Есть во мне какая-то беспокойная часть, не знаю, как выразить это словами. Здесь всегда пылает огонь. Постоянно. Я чувствую, будто мне всегда чего-то не хватает. Даже когда мы бежим и укрываемся в окопах, палим из оружия или обучаемся рукопашному бою, я всё ещё получаю недостаточно заряда — то чувство, когда адреналин несётся по твоему телу и всё, что ты можешь слышать, это стук твоего собственного сердца, бьющегося в груди; барабанный бой, оглушающий тебя самого, напоминающий, что ты сделан из крови и кишок, хоть ты и ощущаешь себя несокрушимым. Я жажду это чувство — этот высший, предельный уровень. Я привык получать это дерьмо проще и быстрее там, в Хайтс, с иглой в руке.

У меня также есть другой источник, который никогда не иссякнет. Я могу испытывать это чувство просто находясь рядом с Ленни. Один вдох её запаха —— и моё сердце в огне, кровь несётся с невероятной скоростью. Она превращает меня в грёбаное животное всякий раз, когда я с ней. Всё, о чём я могу думать, — как затрахать её до беспамятства и утащить её прочь, чтобы никто и ничто не могло коснуться её. Белен — болезнь, которая возвращается лишь при мысли о ней. Она чёртова заноза в моём боку, но она и та искра, что воспламеняет меня.

Белен

В весеннем семестре я выиграла награду в антропологии за свою статью о единокровных браках в Северной Африке и о том, как это сохраняет культурную целостность. Мне нравится изучать то, что я знаю, и мне никогда не хватит расследований в этой конкретной теме.

Лаки послали на первое задание — я слышу об этом, и от мамы, и от Тити. Его отправили на короткий промежуток времени в Ирак. Тити говорит мне не волноваться, говорит, что Лаки взволнован от этой поездки и жаждет получить настоящего опыта. Я просматриваю новости как ястреб и корплю над статьями; маниакально изучаю историю конфликтов и проверяю оповещения в CNN и Google, так что обновлений я не пропущу.

Я никогда не пропускаю групповой терапии — так что мы с Сафари-

парнем стали друзьями. Его зовут Брайан, и мы вроде как стали попечителями друг друга. В групповой терапии по созависимости вы должны скрупулёзно наблюдать друг за другом и снять видео на сорок пять минут о том, как не стать созависимым от своего попечителя.

Так что мы с Брайаном ходим на кофе с пирожными после наших собраний. Он рассказывает о Джен, а я в действительности не говорю о Лаки. Она всё ещё пьёт и последнее, что она сделала — раздолбала их грузовик. Теперь Брайан ездит на собрания на автобусе и ему приходится ходить на работу пешком до тех пор, пока страховка не вступит в силу. Джен не работает. Она спит целыми днями, а по ночам шляется по барам. У неё цирроз печени, и предполагается, что она не должна пить, пока принимает лекарства.

— Брайан, ты так много работаешь. Ты когда-нибудь заговаривал с Джен о поездке в реабилитационный центр?

— И оставить её одну со счетами и домом? Ни за что. Я не могу.

— Э–э–э, я имела в виду Джен. Она могла бы получить место в Бетти Форд[49] или где-нибудь ещё. Я считаю, и это всего лишь моё мнение, Брайан, что ты для себя получаешь достаточно помощи. Пора и Джен взять на себя какую-то ответственность. Посмотреть, как она будет жить без тебя.

— Я не могу быть отдельно от неё, Белен, я был бы несчастным без неё. К тому же, она бы никогда не выжила. Кто бы проверял, не передоз ли у неё? Я отсчитываю её антидепрессанты, все её лекарства, каждую ночь!

— Думаю, в этом есть смысл: позволить уйти, чтобы потом получить здоровую, — говорю, откусывая кусочек своего шоколадного пирожного с начинкой из арахисового масла.

Никогда бы не хотела оказаться на месте Брайана. Я бы предпочла никогда не видеть Лаки снова, чем зависеть от каждого его вздоха и постоянно думать о его благополучии, вроде того, что я и делаю. Чувствую, как мой телефон вибрирует в кармане. Переключаю его на беззвучный и оплачиваю наш с Брайаном заказ.

***

Дверь в нашу комнату открыта, и я застаю Люси, выходящую с нашим телевизором. Шнуры волочатся по полу, а она сильно потеет.

— Что ты делаешь, Люси? Помощь нужна?

— Избавляюсь от твоей ленты новостей. Не могу больше это выносить.

— Я превратилась в Брайана, — говорю я, снимая рюкзак.

— Я не смогу продолжить делить с тобой комнату, Бей–Бей, если ты не покончишь со своей одержимостью. Он выбрал то, чем хотел бы заниматься, и ты не можешь контролировать это.

— Ты права. Прости.

— Ты даже не знаешь, что он там делает! По большому счёту, он может всё ещё быть на базе и чистить туалеты!

Я провожу всю ночь, удаляя закладки с моего компьютера и обновления с телефона. Я отправляю е-маил маме о том, что теперь вне новостей и если что-то по-настоящему крупное случится — я полагаюсь на неё, пусть напишет мне по почте.

Мы с Люси планируем снимать квартиру вместе вне кампуса на время выпускного года. Я должна убедить её, что нахожусь в здравом уме, если я хочу, чтобы это когда-нибудь свершилось.

Следующим утром я говорю Люси, что пересмотрела своё поведение; что я закончила со своей больной любовью и двигаюсь дальше.

— Давно пора, чокнутая. Пошли, отпразднуем это блинами.

После завтрака я делаю то, что даже не могла подумать сделать когда-то. Я звоню Джереми и приглашаю его провести выходные вместе.

— Я думала, он не нравится тебе, нет? — спрашивает Люси, когда я ей рассказываю, — Этот пацан чертовски вымораживает меня, и я много раз говорила тебе это.

— Не думаю, что решусь, но хочу это выяснить. Доктор Дэвидсон всегда напоминает о том, что я становлюсь влажной и считает, что надежда есть.

— Белен, не упоминай о мокрых кисках, пока я ем завтрак.

18 глава

Белен

Я выпускаюсь раньше Люси почти на семестр. Но я подумываю остаться и понять, чего хочу, перед тем, как окунуться в магистратуру. Я бы хотела путешествовать и повидать мир, может, присоединиться к Корпусу Мира[50]. Не хочу бросить Люси одну с арендной платой, но она клянётся, что будет в порядке в любом случае. Но я не верю ей.

У нас небольшие каникулы, и Джереми пригласил меня загород.

Оказывается, у его семьи есть таймшер[51], ключ от которого находится у Джереми. Он отвезёт меня обратно в город, а оттуда мы полетим в Северную Каролину на выходные.

Джереми приезжал несколько раз с того времени, как я пыталась вновь разжечь искру между нами. Мы достаточно активно целовались и обжимались, и я решилась сделать ему минет. Не знаю, хорошо ли у меня получилось, но он кончил мне в рот. Я не чувствую необходимого притяжения, но, на самом деле, я отчаянно пытаюсь почувствовать хоть что-то и лишиться девственности до выпуска из колледжа. Ощущаю себя странно с дипломом бакалавра и с сексуальным опытом, который не впечатлил бы даже двенадцатилетнего.

Мы с Джереми едем в больницу, чтобы забрать маму на обеденный перерыв. Она крепко обнимает меня и удивляет такими же тёплыми объятиями Джереми. Мы привозим её в новый причудливый ресторанчик, рассчитанный на богатых докторов. Я настоятельно советую ей заказать закуски, и мы заказываем кучу всего из меню. Джереми так мил с ней, и это вроде как растапливает мое сердце. Он настаивает, чтобы она заказывала десерт, пусть даже и с собой — съест дома. Мы говорим о моём предстоящем раннем выпуске и о том, что Джереми с его родителями планируют прийти туда.

Мама целует меня и крепко обнимает, когда мы расходимся, и шепчет:

— Белен, даже не верится, как сильно ты выросла.

Мы едем в прекрасный домик Джереми, где встречаемся с его родителями. Я и раньше виделась с ними мельком, но это впервые, когда я сижу и болтаю с ними. У мамы Джереми, Белинды, потрясающие голубые глаза. Она впечатлена моим столь ранним выпуском и удивлена, что я специализируюсь по биологии.

— Не знаю, Белен, я всегда видела тебя творческой личностью.

Она рассказывает мне про Внешние Отмели[52], о том, что в её молодости, её семья имела привычку отдыхать там. Но после рождения Джереми она стали останавливаться рядом с Изумрудным островом[53]. Тому, отцу Джереми, звонят на мобильный, и он встаёт, чтобы ответить. Он добродушно смеётся в ответ тому, с кем разговаривает, и отвечает:

— Нет, Джереми здесь со своей девушкой.

Я в шоке и немного напугана от этих слов и ищу глазами Джереми. Он тащит свой набитый чемодан к двери, улыбается и подмигивает мне. Волна тепла прокатывается по телу, и думаю, это будут те самые выходные, когда я расстанусь с девственностью — так или иначе.

Перелёт оказывается лёгким, Джереми потягивает шампанское, а я пью игристый сидр, сидя в первом классе. Он произносит тост за наши первые выходные вместе, ударяя со звоном своим бокалом о мой, говоря:

— За нас!

Звучит нелепо, будто по инструкции проведения продуктивного личного времени в качестве пары.

— За нас, — повторяю я, прижимая свой бокал к его.

Я делаю глоток и пытаюсь проглотить все свои комплексы и ограничения. Я твержу себе, что Джереми замечательный. Нельзя и желать лучшего.

Таймшер великолепен, возможно, это даже самое замечательное место, где я когда-либо останавливалась. Всё такое белое, чистое и обставлено как на старых южных плантациях. В комнате, где мы оставляем свои чемоданы, одна кровать королевских размеров, и я смотрю на неё с опаской.

Не то чтобы я не хотела этого. Я просто разочарована тем, как блекло всё ощущается. Разве не должно быть чувство волшебства и восторга? Разве я не должна падать в обморок и мечтать о наших планах на прекрасное будущее после? Я просто хочу, чтобы он вставил мне, так, будто вы протыкаете жаркое в духовке. Вытаскиваете, проверяете температуру, а затем принимаете очень горячий душ.

Мы оделись. Я надела летящую белую блузку и бирюзовую мини-юбку. На мне каблуки, макияж, румяна, всё по полной программе. Рубашка Джереми подходит под цвет его глаз.

Друг его отца владеет рестораном, и он не только организовал для меня бесплатную выпивку, но и оплачивает весь счёт. Мы едим устриц, потягиваем тёмный ром, и весь вечер рука Джереми поглаживает моё бедро.

— Белен, я хочу тебя с тех пор, как впервые положил на тебя глаз ещё в школе, — признаётся он, скользя рукой чуть выше. Он проскальзывает пальцем в мои трусики, и я почти давлюсь своим мохито.

— Думаю, мне надо чуть больше напиться, — шепчу я. Он пробегает пальцем вдоль моего клитора. Мои соски отзываются на ласку. Я медленно выдыхаю. — Пойдём в бар?

Мы едем пятнадцать минут к месту, которое выглядит как спортивный бар посреди ничего. Мы выходим из машины, и Джереми хлопает дверцей немного сильней, будто раздражён мной. Хотелось бы мне включить режим Яри и упиваться своей сексуальностью.

— Я приезжал сюда пару раз на выходных. Здесь своего рода

сумасшествие, так как люди любят напиваться. И легко пройти фейс-конроль, я бывал здесь и до своего двадцатиоднолетия.

Внутри громко, тусклое освещение, несколько людей танцует. Здесь и столы для пула и мишени для дартс, но в основном повсюду полно пьяных в хлам и что-то кричащих парней.

Мы садимся, и Джереми заказывает нам два шота. Я сразу же выпиваю залпом свой. Он скользит вниз по горлу, обжигая, и вдруг мне становится так хорошо. Я могу это сделать. Могу быть с ним.

— Спасибо, что привёз меня сюда, Джереми. Мне реально надо было расслабиться. Как раз то, что доктор прописал.

— Позволь мне заказать тебе ещё один! — выкрикивает Джереми, целуя меня в губы и быстро проскальзывая своим языком в мой рот.

Мой телефон звонит в моей сумочке, и я достаю его, уставившись на экран. Экран загорается. Лаки звонит мне. Он никогда раньше не звонил мне.

— Лаки? — отвечаю я на звонок, сразу же ожидая худшего.

— Бей, скажи мне, пожалуйста, что ты сейчас не в дешёвом баре морпехов в Северной Каролине с этим богатым мудилой с вечеринки, — говорит он, его голос звучит как у хорошо выпившего человека.

— Не знала, что это бар морпехов, погоди, спрошу у Джереми, — я опускаю телефон к груди и смотрю на Джереми с улыбкой, — прикинь, мой кузен, Лаки, здесь.

Такая мысль приходила мне в голову, когда мы решили приехать сюда. Я даже фантазировала о том, как позвоню ему или случайно натолкнусь на него. Но я сдерживалась и заставляла себя сфокусироваться на Джереми. Это что, блин, судьба? Она просто так жестока или пытается сказать мне что-то?

— Я думал он вышел в море, нет?

— Думаю, он вернулся и выпивает с друзьями.

— Не удивлён, они все приходят сюда, чтобы нажраться. Где он? Пошли, найдём его, может у него есть заборное дерьмо! — говорит Джереми, опрокидывая в себя ещё один шот. Кажется, Джереми выглядит более восторженным от встречи с Лаки, чем от мысли забраться мне в трусики.

— Где ты, Лаки? — спрашиваю я по телефону.

— За бильярдным столом, Белен. Пялюсь на твои ноги, — я медленно расправляю ноги и засовываю телефон в сумочку.

Вглядываюсь в угол и ощущаю медленно ползущее чувство узнавания, когда мои глаза встречаются с парой жёлтых, опаляющих в тусклом свете.

Это Джейли с Лаки, и они встают из-за своего стола. Они выглядят так замечательно вместе, они дико выделяются — двое парней из Хайтс, окружённые морскими пехотинцами с непроницаемыми лицами и выходцами Северной Каролины.

— Это Джейли с ним. Все соседи здесь. Давай, пошли, Джереми, они вон там, за бильярдным столом.

Лаки и Джейли жмут руку Джереми и оба целуют меня в щеку. Джереми хватает стул и тянет меня к себе на колени. Я замечаю, как челюсть Лаки сжимается едва заметно, пока он пристально рассматривает руку Джереми, с намёком обнимающую мою талию.

Джейли заказывает серию шотов и платит наличкой из толстых глубин своего кошелька.

— Что ты забыл здесь с моей маленькой сестренкой, Джереми? — спрашивает Лаки, положив кулак на стол.

— Мы здесь на все выходные, проводим время в крутом таймшере родителей Джереми. Вам, ребята, стоит пойти туда с нами — правда, Джереми? Там есть великолепный бассейн и теннисный корт.

— Чертовски верно, им стоит прийти, но только если они принесут с собой всё необходимое! — соглашается Джереми, выпивая ещё один шот.

Мы выпиваем всё больше, и руки Джереми становятся развязней и поднимаются играючи к моей груди. Глаза Лаки следят за ними, и его лицо приобретает свирепое выражение.

Я так пьяна, что разворачиваю колени в сторону Лаки и закидываю руки ему на шею. Джереми, кажется, плевать; он больше заинтересован в Джейли. Их головы склонены друг к другу и они о чём-то переговариваются шепотом. Затем они встают и выходят вместе на улицу покурить. Лаки поднимается и притягивает меня в свои крепкие объятия, я же становлюсь топлёным маслом, плавясь в его руках, и это ощущается так правильно и привычно.

— Я сожалею о нашем последнем расставании, Ленни. Я не хотел потерять контроль.

— Всё в порядке, Лаки. Просто эти чувства, здесь нет твоей вины. Я решила покончить со своей девственностью на этих выходных. Джереми типа мой бойфренд.

— О, правда, что ли?

— Да, я всё ещё не рассталась с этим, поэтому я здесь. Думаю, мне следовало тебе сказать об этом до того, как Джереми ляпнул бы что-то.

— Это херово, Бей. Всё не должно быть так. Это не какая-то неприятная работа, которую надо вытерпеть. Не позволяй ему трахнуть

себя только, чтобы избавиться от девственности! Всё должно быть естественным, — рука Лаки задерживается на моём затылке. Он одет в белую футболку и чёрный военные брюки.

— Так как это было у нас? Я думала эта часть не была естественной, нет?

— Я не знаю, Бей. Мне надо ещё выпить. Не могу перестать смотреть на тебя в юбке. Почему ты никогда не надевала такого для меня?

— Почему ты не вышел на улицу с ними?

— Так как я чист. Пару шотов по выходным, но и только.

— Что, если я кину Джереми, и вместо него ты лишишь меня девственности? — спрашиваю я, кладя голову ему на плечо. Я говорю это как шутку. Но это не так. Вообще.

Это всё чего я хочу, то, как я себе это всегда представляла.

Он хватает мои волосы и вдыхает запах с макушки моей головы, затем его рука сбегает ниже и замирает на моём бедре.

— Не знаю. Не думаю, что Джереми понравится. Он так упорно старался добраться до твоей киски, Бей. Годами.

— А если я разрешу ему трахнуть себя, пока ты будешь сидеть там и наблюдать?

Алкоголь развязал мне язык, и я говорю всё, что хочется. Я говорю правду.

— Это самая сумасбродная вещь, которую я когда-либо слышал из твоего ротика. Иди сюда, — видимо ему нравится это, ибо он хватает меня за подбородок и приподнимает его вверх. Лаки берёт мой рот и свирепо, дико целует до тех пор, пока моя голова не начинает кружиться, и я не могу сделать вдох. Язык Лаки — яд, и всё чего я хочу, чтобы он отравил меня.

Когда я поднимаю глаза, Джереми и Джейли пялятся на нас, Джейли смеётся. Его огромная долбанная ухмылка говорит, что они стояли там и наблюдали за нами.

— Иисус, вас двоих никогда не отпустит! — выдаёт Джейли, толкая Джереми в руку, — Пошли к тебе, чувак. Всё обещает быть весёлым.

Уверена, ни один из них не должен вести машину. Джереми и я вызываем такси, но Лаки настаивает на том, что он трезв. Они едут за нами на отдельных машинах, так как Джейли не собирается оставаться и планирует вернуться в город ночью. Джереми не разговаривает со мной в такси, пока мы не доезжаем до места.

— Наш трах ещё в силе, Белен, или ты *опять* пойдёшь на попятную из-за того, что мы столкнулись с Лаки?

— Я всё ещё хочу. Может даже больше, чем раньше. Думаю, им стоит принять в этом участие. Мы можем развлечься все вместе и, возможно, будет ещё лучше.

Мы выходим из машины и захлопываем дверцы. Джереми идет позади меня по гравию.

— Ты, которая отказала мне в желании связать тебя, думаешь, готова для подобных экспериментов? Ты, вечная недотрога, которая не одолеет и первой базы?

— Назови меня идиоткой, если хочешь, Джереми, но я чувствую себя в безопасности рядом с ним.

— Отлично, но ты не моя девушка, если путаешься с кем-то ещё.

— А ты когда-нибудь хотел этого?

Он просто пожимает плечами в ответ. Я знаю, что Джереми будет делать то, что одобрят Джейли и Лаки. Он всегда был подражателем и равнялся на этих двоих.

Джереми открывает дверь, и мы все вчетвером вступаем в лоно роскоши. Джереми громко вздыхает и пробегает руками по своим светлым волосам. Он скидывает свои мокасины и хватает бутылку с громко позвякивающими стаканами на всех со стойки. Он ведёт себя так, словно я его раздражаю, но видно, что это притворство, он просто хочет впечатлить их.

Джейли растягивается на диване, опуская ногу на кофейный столик и подмигивает мне с намёком. Он настолько горяч, что я почти чувствую, как могу проделать всё с ним, не нуждаясь в своём кузене. Лаки вышагивает к креслу и опускается в него, широко разводя ноги.

— Белен, так ты согласна на групповушку? Или как? — спрашивает Джейли, разливая виски в четыре стакана.

— Завались, Джей! — отзывается Лаки, выпивая залпом порцию и агрессивно ударяя в подбородок своего соседа.

— Она моя девушка, — вставляет Джереми немного плаксивым голосом.

— Чувак, это её тело, — говорит Лаки, уставившись на Джереми так, будто у него нет никаких притязаний на меня. — В любом случае, откуда взялась эта идея?

— Это моя идея, — выдаю я, удивляя саму себя. Итак, три пары глаз пристально наблюдают за мной.

— Мне трудно возбудиться. На самом деле, *очень трудно*. Не знаю почему. Не знаю, что не так со мной. Я всё перепробовала: от изучения сексуальности человека до специальной терапии по просмотру порно,

использования игрушек и поцелуев с девушками и *ничего* не помогает мне! — я выдаю последнюю фразу на тон выше. Все трое из них пронзают меня взглядами. Я завладела всем их вниманием.

— Вау, — выдыхает Джейли.

— Кроме Лаки. Лаки заводит меня.

— Ты меня тоже, Бей, — отзывается Лаки, сидя в кресле.

Это не звучит как что-то запрещённое или отвратительное. Произнесённое кажется правильным, будто всё так и должно быть.

Джейли хлопает руками и улыбается нам.

— Серьёзно, это какая-то херня! Мне нравится! Джер, принеси нам немного льда, а я пока скручу косяк. Я согласен на всё, чего хочет леди, — выглядит так, будто он в экстазе. Лаки сидит в кресле и сжигает меня взглядом.

Может, странно проводить жизнь в воздержании, а потом однажды напиться и решить заняться сексом сразу с тремя одновременно. Но меня не волнует, кто что подумает. Мне нужно, блин, пережить прошлое, всё, что блокировало меня. Я хочу нормальной сексуальной жизни. Хотя бы *просто нормальной* жизни. Хочу чувствовать что-то, ибо я уже знаю, что любовь хреновая штука.

Все трое парней осматривают, изучают моё тело, и моя кожа пылает. Джейли великолепен. Я так думаю уже с тех пор, как впервые увидела его в Хайтс. Лаки неотразим, стопроцентный самец. Джереми тоже хорош в своём консервативном стиле со светлыми растрёпанными волосами, падающими на глаза. Я могла бы хотеть каждого из них. Может, я и хочу.

Я встаю и расстёгиваю юбку, позволяя ей упасть на пол. Я оставляю каблуки на ногах, снимаю через голову свою тонкую белую блузку и бросаю её поверх юбки. Теперь на мне только белый кружевной лифчик, трусики и чёрные туфли на каблуках — комплект, который я специально купила на случай потери девственности. Я распускаю волосы и сажусь на диван между Джереми и Джейли.

— А ты подросла, Белен, — протягивает Джейли, кивая и оглядывая меня, — как на счёт того, чтобы снять эту хрень с груди?

— Я только хочу почувствовать себя хоть раз сексуальной. Я знаю, что не фригидна. И не думаю, что я ханжа! Но я едва могу ощущать влечение к парню, не говоря уже об оргазме.

— Я могу тебе помочь, — говорит Джейли низким голосом, затем наклоняется и захватывает мой рот.

Он агрессивен, напорист и быстр. Он за секунду избавляется от моего лифчика и посасывает мой сосок, поигрывая большим пальцем с другим.

— Ты хочешь, чтобы он просто смотрел или принимал участие? — спрашивает Джейли так, словно это просто повседневный вопрос. Может, для него так оно и есть? Вдруг им нравится часто заниматься групповушкой?

— Как он того захочет, — отвечаю я, наклоняясь к Джейли за его ртом. Его губы полные и мягкие, он так пылко и глубоко целуется, что легко потеряться в нём.

— Я буду наблюдать. Я не могу прикасаться к ней. Если она говорит стоп, значит стоп. И вам, две твари, советую послушаться, или я отрубаю ваши сраные члены кухонным ножом. Всё будет так, как захочет Белен, это не чертова оргия. Вы, мудаки, должны помочь ей кончить, чтобы *её* тело кончило.

— Идёт, — выдыхает Джейли, проскальзывая пальцами в мои трусики. Он чуть-чуть потирает мою киску и затем толкает меня обратно на диван. Он склоняется над моим животом и легко касается губами пупка. Его язык на пару секунд ныряет в эту впадинку, разгоняя тепло по всему моему телу. Он прикусывает моё бедро и стаскивает трусики своими зубами. Я наблюдаю как мой живот подрагивает, пока трусики сползают по бёдрам. Через мгновение я буду полностью голой.

Джереми садится позади меня и передвигает мою голову себе на колени. Он начинает поигрывать с моей грудью, целуя при этом шею. Всё моё тело покалывает маленькими иголками, и я устанавливаю зрительный контакт с Лаки. Я возбуждена, я могу чувствовать это — теплую влагу между моих ног. Мои мышцы невольно сжимаются, готовые к тому, чтобы меня взяли. Я не перестаю смотреть на Лаки. Он затвердел, но его руки продолжают оставаться на подлокотниках. Даже если он не хочет касаться меня, достаточно того, что он наблюдает за мной. Более чем достаточно видеть, как он смотрит на меня. Его взгляд обостряет все мои чувства.

Джейли сильно шлёпает меня по заднице и раздвигает мои колени.

— *Relájate, chula(прим. с исп. – расслабься, детка)*! Я не собираюсь делать ничего такого, что бы тебе не понравилось.

Он проводит языком вдоль моей щели и находит им клитор. Я непроизвольно запрокидываю голову и стону. Джереми встаёт и спускает свои трусы, пользуясь возможностью засадить свой член мне в рот. Я пробую на вкус смазку на его пенисе и кружу язычком по самой головке. Двое мужчин за раз — это уже чувственная перегрузка. Так много всего происходит, это словно быть в двух местах одновременно. Я знаю, мной попользуются, но это-то мне и нравится. Я достигаю оргазма, и, кажется, передо мной открывается весь мир.

Не могу перестать смотреть на Лаки, даже с членом Джереми во рту. Он вздрагивает, когда наши глаза встречаются, но вскоре он расслабляется и расстёгивает свои штаны. Он вытаскивает свой пенис и скользит сжатым кулаком вдоль всей длины своего ствола. Моя кровь ускоряется при виде его со своим мужским достоинством в руке. Его член толстый, головка поблёскивает от смазки. Я сосу член Джереми, но это именно Лаки тот, кого я хочу заполучить в свой рот.

— Белен, — зовёт меня Лаки, — представь, что это я, если это поможет тебе.

Моё сердце бьётся всё сильней с каждым его словом. Всё, что я когда-либо хотела, чтобы Лаки взял моё тело.

— Становись на колени, — командует Джейли, шлёпая по внешней стороне моего бедра. Я становлюсь на четвереньки. Он рывком притягивает мои бедра назад, пока они не соприкасаются с его, растирая мою влажность между ног всеми своими пальцами.

— Думаю, мы можем заставить тебя кончить, Белен. Сколько там тебе лет? — спрашивает он, и я могу слышать, как разворачивается презерватив. Он, должно быть, открыл его зубами, так как одна его рука жёстко впивается в плоть моего бедра.

— Мне только что исполнилось двадцать, — не могу поверить, что я почти потеряла девственность с Джейли — наркоторговцем со спортивной площадки. Яри бы охренела. Она и любая другая сделали бы всё, чтобы заполучить его.

— Ленни, это я надеваю презерватив.

Голос Лаки такой властный и мягкий. Я представляю в мыслях всё, что он говорит, и мой адреналин резко подскакивает.

Я чувствую, что должна что-то сказать, ибо всё кажется слишком бесцеремонным, но Джереми вновь медленно и ненавязчиво заполняет мой рот, так что я не могу говорить.

Джейли резко толкает свой член в меня, и я вскрикиваю в удивлении, отстраняясь от Джереми.

— Лаки! — зову я. Понимаю, что на моём лице написан страх, и Лаки выглядит встревоженным.

— Эй, Джей. Вытащил свой член, бл*дь! — Лаки поднимается, выглядя готовым кинуться в драку.

— Нет, Лаки. Всё в порядке, — возражаю я, не разрывая зрительного контакта со своим братом.

— Святое дерьмо, какая же она тугая, — стонет Джейли, покачивая членом продвигая его внутрь ещё дальше, заставляя меня захватить ещё

больше его длины.

— Потому что она девственница, Джей! — выкрикивает Лаки, ударяя руками по своим коленям, — входи, бл*дь, мягче в неё!

— Какого хрена? Никто не сказал мне! Ты как, Белен? Хочешь, чтобы я вытащил?

Я качаю головой.

Нет, пожалуйста, только не это.

— Хорошая девочка, — одобрительно говорит Джейли, снова шлёпая меня по попке вызывая раскалённое покалывание, сосредоточенное в одном месте, — маленькая тугая киска в подходящем маленьком тугом теле.

— Просто будь с ней нежнее, или я прибью тебя, — бросает Лаки закипая.

Его скольжение внутрь и наружу ощущается одновременно и как что-то болезненное и как что-то удивительное, восхитительное. Его бёдра, врезаясь в мои, воспламеняют во мне все оттенки безрассудных чувств. Такая наполненность, но вместе с тем и безумный голод. Я расслаблюсь, пока он толкается внутри меня, и всё начинает ощущаться ещё лучше. Интенсивность нарастает. Никогда ещё так не пылала. Я могла бы сойти с ума от похоти, раскалённого вожделения.

Джереми приподнимается и наматывает мои волосы на кулак, вдалбливая свою твёрдую длину между моих губ. Я кружу языком вокруг головки его члена, медленно всасывая за ней остальной его член в свой рот. Он стонет и слегка придерживает мою голову в своей хватке, устанавливая свой ритм проникновения. Не могу поверить, что внутри меня двое мужчин.

— Бл*дь, Лаки, чувак, тебе надо прекратить смотреть на меня так, иначе я буду не в состоянии трахать её, — говорит Джейли.

Я поднимаю глаза, чтобы увидеть Лаки, кипящего от пьянящей смеси похоти и ярости, проступающих на его лице.

— Просто заставь её кончить, Джей, а потом проваливай нахрен от неё, — бросает Лаки стальным голосом.

— Скажи мне, Белен, как тебе лучше и прижмись к моему члену, если понравится, — он так жёстко сжимает мою задницу, что на ней остаётся пылающий след от его прикосновения. Джереми сильнее стискивает мои волосы в кулак, слюна заполняет мой рот. Я в какой-то странной зоне разума, где благоговею перед человеческим телом и моей собственной возможностью желать этого с Лаки, наблюдающим за мной.

Рука Джейли находит мой клитор и прижимает его ребром ладони,

посылая странное напряжение в моё нутро. Потом подушечками пальцев он мягко потирает клитор, и я толкаюсь назад на его члене.

— Ага, вот это местечко, — скрипит Джейли хриплым осипшим голосом.

Я стону, но звучит как стон боли, ибо член Джереми остаётся у меня во рту. Я отвечаю всасыванием на его толчки, что заставляет Джереми ускориться. Могу ощутить, как он набухает и взрывается мне в рот. Мой язык кажется шершавым по сравнению с гладкой кожей его члена. Я глотаю его сперму и это, видимо, обостряет мои чувства. Я ощущаю только мужской запах вокруг себя, и мой адреналин высвобождается. Какое мощное чувство быть окружённой со всех сторон, знать, что все трое хотят меня. Джейли снова потирает мой клитор, и всё моё тело напрягается. Я дёргаюсь назад к его члену в удовольствии, затем он кладёт одну руку мне на плечо, другой хватает мои волосы.

— Я собираюсь трахать тебя жёстче, Белен. Справишься с этим?

Я киваю.

— Дай мне знать, если станет больно, и я остановлюсь.

Он сильнее засаживает в меня и каждый раз, как его бёдра врезаются в мою попку, искры разлетаются по всему моему телу. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Лаки. Когда мои глаза встречаются с его, я получаю максимум от нашей связи. Я знаю, что это Джейли, но всё, что я чувствую, — Лаки. Всё, что я могу видеть — Лаки.

Я стону, кончая, громче, чем можно было представить. Чувствую, как мои мышцы сжимаются вокруг него. Сжимаются и расслабляются, пульсируя, неохотно отпуская его. Я обессилено растягиваюсь на диване, уткнувшись лицом в подушку. Я слышу шум снимаемого презерватива.

— Детка, я просто хочу кончить на твою попку, — говорит Джейли, начиная мастурбировать. Я киваю и зарываюсь лицом глубже в подушку. Джейли в быстром темпе толкается в свою руку, затем стонет, и я чувствую, как его сперма выстреливает на мою задницу и заднюю часть ног. Я тянусь назад, улыбаясь, пока растираю его сперму по своим щекам. Я видела такое раз в порно из коллекции моего психотерапевта. От того, как Джейли задышал, можно сказать, что он оценил этот жест.

Я смотрю на Лаки, у него всё то же яростное выражение лица.

— Это считается моим первым настоящим оргазмом! — признаюсь я, не меняя позы, — спасибо за урок, — посмеиваюсь я, не в состоянии стереть с лица улыбку.

— Обращайся в любое время, детка, — отвечает Джейли, — пересечёмся, — он тяжело дышит.

— Вот бл*дь, — бормочет Джереми, ошеломлённо стоя в рубашке и со своими штанами и трусами в районе лодыжек.

— Лучше пойди обмойся, — советует Джейли, указывая на пятно спермы спереди на рубашке Джереми.

— Здесь есть другая спальня, Джереми? — спрашивает Лаки, произнося его имя скрипя зубами.

— Да, сразу за кухней есть одна. А что, ты собираешься остаться на ночь? — интересуется Джереми.

— Да, мы будем там ночевать, — отвечает Лаки, наклоняясь, чтобы поднять меня с дивана. Он перекидывает мое голое тело через плечо, как ковёр, — спасибо, что приехал, Джей, — говорит Лаки, пожимая руку Джейли, — увидимся утром, Джереми, — бросает он напоследок, идя со мной через кухню.

Пинком открыв дверь, он ставит меня на ноги. Лаки делает два шага в сторону маленькой ванной и открывает воду на полную силу.

— Полезай в ванную, Ленни. Я хочу вымыть тебя, — он бросает в меня мочалку с полки для полотенец, — сотри с себя это дерьмо.

Лаки раздевается, и я наблюдаю за ним с непередаваемой любовью. Я опьянена, одурманена моей любовью к нему и не могу поверить, насколько далеко он может пойти ради меня. Думаю, что свидетельство того, как он трахается с другими женщинами, могло бы убить моё сердце. Но Лаки принял это как мужчина, он стольким пожертвовал ради меня. Я люблю его даже больше, чем думала, что могла бы. Он сбрасывает одежду и залазит в ванну. Я погружаюсь в горячую воду за ним и сворачиваюсь у него на коленях.

— Спасибо, Лаки, — шепчу я ему в шею.

— Всё, что угодно для тебя, Ленни. Всё. Нет ничего *неправильного* в тебе. Даже не смей так больше думать, — говорит он, притягивая мою голову максимально близко к себе и убирая волосы с моего лица.

Я чувствую себя так хорошо в его руках, что не хочу покидать кольцо его рук никогда.

— Ты всегда можешь думать обо мне, чтобы кончить, Белен, если это то, что тебе нужно. Все могут думать обо всём что им, бл*дь, захочется, если эти мысли приводят к нужному результату. Не стесняйся использовать меня, ну или что там только что произошло. Каждый должен, мать его, думать о чём-то, и я был бы *польщён*, если бы ты представляла меня.

Я чувствую стук своего собственного сердца, как оно сжимается и расширяется у меня в груди. Я хочу расплакаться, но вместо этого что-то расцветает внутри. Любовь — это жизненная сила, и я могу ощущать его

любовь вокруг меня. Я слышу глубокий приглушённый всхлип, но он исходит не от меня.

— Тогда каждый раз, как ты кончаешь, Ленни, я, так или иначе, буду с тобой.

Лаки

Я ощущаю её настойчивое сердцебиение рядом со своим и её чистое тело, пылающее жаром. Я спал рядом с ней с тех пор, как себя помню, но сегодня этот грёбаный сон никак не идёт. Тошнит от мысли, что она считает меня трусом, думает, что я не хочу трахнуть её. Это всё так далеко от истины, но я думаю, что пришло время рассказать ей. Никогда не думал, что тётя Бетти правильно поступила, соврав о её отце. Ложь превратила это в грязный секрет, словно что-то в самой Белен было плохое. Но одна из причин, по которой я её отвергаю, моя боязнь, что это может всё ещё ухудшить. И я не хочу продолжать грёбаное наследие, влюбившись в члена своей же, бл*дь, семьи.

Она переворачивается рядом со мной, и я улавливаю сладкий запах Белен, смесь мыла и шампуня с вплетенными лёгкими нотками мускусного аромата, присущего только ей. Я пробегаю пальцами по её волосам, которые немного вьются после ванной. Она отмахивается от моей руки и перекидывает через моё бедро свою ногу. Я сразу же твердею. Этой ночью я не кончил, и мысли о том, как она отдавалась другим, выворачивают меня на изнанку, заставляют сходить с ума, но, несмотря на всё это, возбуждают до предела. Я откидываюсь на спину и стону, обхватывая стояк своим кулаком.

— Чёрт, Белен. Что же ты делаешь со мной? Не знаю, хватит ли мне сил выдержать, — говорю я в потолок, потирая член в попытке усмирить его.

— Всё нормально, Лусиан? — спрашивает Белен, вдруг садясь на кровати.

— Бей, блин, ты напугала меня. Да, всё в порядке. Только скажи моему члену расслабиться. У тебя самые сексуальные бёдра, и ты тёрлась ими об меня.

Она улыбается мне в темноте, и я ощущаю, как спадает напряжение.

— Я могла бы помочь тебе рукой, Лаки. В смысле, если ты сам не против. Никогда не делала этого раньше, но я быстро учусь.

— Спасибо, Ленни. Я люблю чувствовать твои ручки на мне, но, как бы не противно было говорить — нам надо обсудить семейные дела.

Она настороженно смотрит на меня и немного отодвигается назад.

— Ты никогда не хочешь того, что я могу дать. Это каждый раз заставляет меня чувствовать стыд. Словно ты считаешь меня отвратительной из-за того, что хочу тебя, — её лицо выражает столько боли.

Я заставляю её испытывать боль, и это разрушает меня.

— Ленни, я хочу тебя больше чего-либо в мире. Больше денег, больше морской пехоты, больше всего, чего я когда-то хотел. Не знаю, как убедить тебя. Однако я не могу притрагиваться к тебе подобным образом, и есть кое-какое дерьмо, которое я должен тебе рассказать.

Она садится и подтягивает колени к груди. Мы прижаты друг к другу на этой кровати, но могу сказать, что она хочет сохранить некую дистанцию между нами. Она воздвигла стену даже до того, как я начал говорить. И я не виню её. Всё, что касается нас с Ленни, ранит нас и приносит удовольствие в равной степени. Мы отталкиваем это влечение, но не можем прекратить ощущать его.

— Я никому не расскажу о том, что произошло. Не думаю, что Джереми будет болтать. Он, может даже, будет чувствовать себя самым смущённым.

— Ленни, ничего плохого не случилось этой ночью. Все получили, что хотели — так что выбрось это из своей головы. Тебе нечего стыдиться. Никто не будет об этом болтать.

— Тогда почему ты расстроен?

Я наклоняю голову вперёд и потираю пальцами свою шею, проводя затем по линии челюсти. Я, мать твою, раздражён как чёрт, достаточно, чтобы пробить дыру в стене.

— Ленни, мне надо рассказать тебе о кое-какой семейном ерунде. Это частично объясняет, почему я не могу заниматься с тобой любовью, и они обязаны были обо всём сказать тебе с самого начала.

Я тоже подтягиваю одно колено к себе, обхватывая ногу рукой; с хрустом разминаю шею, пока говорю, пытаясь расслабить своё тело.

— Даже не знаю, как так получилось, что мне об этом известно. Думаю, моя мать сказала мне или хрен его знает, а потом они просветили меня о том раннем романе. У меня даже не было выбора — сказать тебе правду или солгать — вроде как они руководили мной.

Я поднимаю взгляд и вижу, как Белен съеживается, сжимается. Она мотает головой, и слёзы стекают по её лицу, бледному как простыня.

— Ленни, остановись! Что случилось? Что я не так сказал?

— Лусиан, ты мой брат? Пожалуйста, только не говори мне, что ты

мой брат! — кричит она, закрывая лицо. Всё её тело сотрясается от рыданий, и я тяну её в свои объятия. Она так идеально подходит моему телу, словно она создана, чтобы быть в моих руках.

— Ш–ш–ш–ш! Девочка моя, всё нормально, — говорю я, укачивая её и поглаживая по голове, — Черт, всё не *настолько* и плохо. Но речь идёт об инцесте в нашей семье.

И я рассказываю ей о том летнем пекле в Бронксе, когда я родился. Как квартирка моей матери сгорела, и она вынуждена была приехать из больницы с младенцем в дом своего дяди, мужчины, которого она едва знала, но который был рад приютить её у себя. Как Бетти уже жила с ним. Он водил тёмно-каштанового цвета такси, хорошо одевался и каждые выходные приглашал Бетти на танцы. Бетти и Авильда были молоды, невежественны и сильно зависели от единственного родственника их покойной матери. Бетти влюбилась, тупо втюрилась в него. Ей было всего девятнадцать, когда она приехала в Нью–Йорк, а он уже был здесь состоявшимся человеком. Он клялся и божился, что позаботится о ней и о ребёнке. Но что они не учли, так это сплетней соседей. Когда Бетти приехала, Льюис представил её как свою племянницу, а теперь она была беременна и Авильда тоже заимела ребёнка, но никто не видел их бойфрендов — так что все соседи сразу же разнесли слухи. Говорили, что Льюис попользовался ими — бедными, неграмотными девушками с острова. Кто-то позвонил властям, вызвал полицию, и Льюис был арестован до того, как успел бы развратить других дочерей. Ты знаешь, о чём они говорили, Бей. Для всех них всё превратилось в ад. Когда мужик моей матери бросил её и вернулся в Пуэрто-Рико, Льюис платил за все мои пелёнки и Симилак [54] , даже за приёмы у доктора. А Бетти, ну, она была влюблена. Льюис не изменял ей, держался подальше от азартных игр и выпивки Brugal [55] , чтобы накопить на детскую коляску. Они оба были в восторге от ребёнка. Они знали, что это будет девочка, и Бетти уже тогда твердила, что по её предчувствию этот ребёнок будет очень смышлёным.

Но соседи болтали ересь и загнали Бетти с Авильдой в угол в коридоре. Рассказывали, что ребёнок будет уродом и родится отсталым. Они довели Льюиса до того, что он стал прикладываться к бутылке. Затем он врезался в шикарный Кадиллак и потерял лицензию на вождение такси. Получил повестку в суд и письмо на депортацию в придачу. Он вытащил всю наличку из своего ящика с носками и пачку денег из

бумажника. Поцеловал своих племянниц на прощание и следующим рейсом вылетел обратно в Сан-Доминго.

Бетти так разволновалась, что у неё начались ранние роды. Родилась красивая девочка, которую назвали Белен, и её отвезли домой из больницы с абсолютно здоровыми лёгкими. Её положили в детскую кроватку рядом со мной, и наши матери стали размышлять, как же платить ренту и где им можно работать, чтобы поддержать своих малышей. Они поклялись помогать друг другу во всём и преодолевать все препятствия вместе. Они также решили скрыть правду о Белен. У Бетти было разбито сердце, ибо Льюис был её первой любовью. Но они не хотели, чтобы неудачи их преследовали, поэтому они выдумали мужчину, который приехал из Пуэрто-Рико, задурил Бетти голову, обрюхатил её и сбежал. Они так убедительно говорили о нём, что и сами стали верить в эту историю.

— Так что мы с тобой, Белен, связаны даже больше, чем ты могла подумать.

Белен смотрит на меня, её лицо осунувшееся, глаза тёмные и далёкие. Она трёт кончик носа и кивает, но смотрит в пространство. Я протягиваю к ней руку.

Она поднимает взгляд, берёт мою руку, и я снова притягиваю её на свои колени.

— Ты в порядке? Та ещё история. Но я подумал, ты должна знать правду.

— Спасибо, что рассказал мне, Лаки. Не могу поверить, она ведь никогда ничего не говорила мне, — произносит Белен, но кажется, что она сейчас где-то далеко, а не здесь в комнате со мной.

— Она пыталась защищать тебя, Белен. Она же так сильно любит тебя.

— Она должна была сказать мне! Это неправильно лгать своему ребёнку о том, кем был его отец. Возможно, она стыдилась меня. Может она хотела лгать самой себе, так как стыдилась меня.

Я не рассказал ей обо всём, чтобы ранить ещё больше. Я сделал это, чтобы объяснить, почему стараюсь сохранить дистанцию.

— Я люблю тебя, Ленни. Всегда любил. Никто не стыдится тебя, ты лучшая наша часть. Ты сокровище, Бей. Мы все просто кучка любителей, старающихся идти с тобой в ногу.

— Так в этом причина, почему ты не переспишь со мной, Лаки? Из-за того, что если бы мы совершили ошибку, то мы могли бы породить что-то ужасное?

— Это нечто большее, Белен. Если бы я взял тебя однажды, то не смог бы отпустить. Я бы разбил Джереми голову, если бы он только глянул на

тебя, и я бы абсолютно точно прибил Джейли за то, что он прикасался к тебе.

Я притягиваю её ближе, слегка поглаживая её висок. Она холодна и отстранённая, кажется, будто все надежды покинули её.

— Ты заслуживаешь той жизни, где мужчина будет хвастать тобой и открыто о тебе заботиться. Ты заслуживаешь иметь детей и гордиться своей семьей. Наша любовь будет отвергнута всеми, ну знаешь, — нашей семьёй, друзьями, всеми грёбаными соседями. Что бы мы тогда делали? Скрылись бы ото всех и ни с кем бы никогда не виделись?

Я целую её нежно в лоб.

— Любовь к тебе, Бей, не должна быть чем-то, что скрывается от всего мира. Твоя любовь должна быть преимуществом, а не грязной тайной. Я хочу, чтобы у тебя была счастливая жизнь, который бы ты гордилась.

— Я просто хочу тебя, Лаки. Мне плевать на остальное, — отвечает она, зарываясь лицом в мою шею. Белен не плачет; она сильная девочка. Она просто прижимается ко мне сильнее.

Я твёрдо уверен во всех этих вещах в моей голове, но когда мои руки оборачиваются вокруг неё, я могу чувствовать, как сгибается моя воля. Я больше не знаю, что правильно, что нет. Я только знаю, что Белен ощущается так хорошо, что не хочется её отпускать. Не хочу знать, на что походит жизнь без неё.

Белен

Мы остаёмся сплетёнными в объятиях до тех пор, пока не всходит солнце и не меняется свет в комнате. Нет ничего страшнее, чем выпустить его из объятий. Не только отпустить его на базу или снова в командировку, но и на самом деле освободить его — остановить моё страстное увлечение им. Разве мы решили вчера все мои проблемы, и сейчас наступило время двигаться вперёд? Я выйду замуж за какого-то парня и буду представлять Лаки между своих ног каждый раз, как мы с ним окажемся в постели? Я буду выкрикивать чьё-то ещё имя, но я всегда буду думать лишь о Лусиане.

Пока Джереми ещё спит, я делаю Лаки кофе на кухне.

— Расскажи мне о своей дислокации — куда ты ездил?

— Ирак, Ленни. Я бы не хотел об этом говорить.

Намазывая вафли, которые я нашла в холодильнике, маслом, я поворачиваюсь к нему и смотрю на него через плечо.

— Было так плохо? Болезненно? — спрашиваю его.

— Не-а. В основном было скучно, но я выучил некоторые приёмы, находясь там.

Лаки смотрит на меня с болью на лице. Я запуталась, так как думала, что прошлой ночью мы оставили недомолвки позади, думала, мы в порядке. Казалось, его глаза блуждают по дивану, на котором вчера происходило основное действо.

— Ты думаешь о том, что случилось? Теперь ты не уважаешь меня?

— Нет, Белен, никогда. Ты знаешь, сколько раз я использовал секс, чтобы почувствовать себя лучше? Не задаваясь вопросом, как себя чувствовала девушка, или что она надеялась получить? Как я могу не уважать тебя за желание освободиться?

— Тогда почему ты такой тихий и задумчивый? — спрашиваю, ставя перед ним завтрак.

— Ибо каждый раз, как я тебя вижу, я боюсь, что обнимаю тебя в последний раз. Не потому, что умру на задании или что-то в этом роде, но мы становимся старше, Бей. Вещи меняются. Всё изменилось прошлой ночью.

— Из-за того, что ты рассказал мне?

— Ну, возможно это стало для тебя прорывом. Может, ты будешь двигаться дальше, выйдешь замуж, и я буду видеться с тобой по праздникам. Джереми в отключке, но сомневаюсь, что твой будущий муж позволил бы мне спать с тобой в одной кровати или целоваться, — небольшая грустная улыбка проскальзывает на его лице.

— Есть способ избежать этого, Лаки. Всё что ты должен сделать — сказать об этом.

Он делает глоток кофе и тянет мою руку к себе. Лаки вглядывается в мои глаза и замечает там искру огня. Знаю, я влюблена в него, но никогда не могла, сказать, как именно Лаки любит меня, — та ли это любовь, которая заставляет сердце парить или это обязательная любовь, типа братской.

— Что бы случилось, если бы это длилось не долго? Мы бы настроили наших родителей друг против друга?

— Мы были бы взрослыми людьми, живущими своими жизнями.

— Не думаю, что смог бы покончить с тобой, Бей, это не то, с чем бы я мог справиться.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Джереми проснулся и смотрит на нас; он спал в боксёрах и футболке, его волосы в беспорядке. Я вытаскиваю свою руку из руки Лаки и прячу её на своих коленях.

— Доброе утро, Джереми. Хочешь кофе?

Он выглядит самодовольным, словно поймал нас с поличным. Но если Джереми и не знал, что между нами с Лаки что-то было, то прошлая ночь должна была его просветить. Если он до сих пор ничего не понял, то только потому, что ходит вокруг да около с закрытыми глазами.

— Мне надо выдвигаться, — говорит Лаки, допивая кофе.

— Я провожу тебя, — сразу же отзываюсь я, хватая свои кроссовки.

Джереми наливает себе чашку кофе и добавляет немного сливок. Он отодвигает стул от стола и лениво разваливается на нём.

— Ещё увидимся, Лусиан, — прощается он, его голос плоский и нечёткий.

— Если ты только причинишь ей боль, я приду, найду тебя и урою, — отвечает Лаки низким голосом, проходя мимо Джереми и давая ему подзатыльник.

Я провожаю Лаки до его машины и каждый шаг становится тяжелее от моего страха прощания с ним. Чувствую оно будет грустным, хотелось бы, чтобы было по-другому. Прошлой ночью Лаки сделал мне огромный подарок, но он все равно кажется раздавленным.

Солнце поднялось, и стало тепло. Мы недалеко от воды, и я могу чувствовать запах соли в воздухе и её тягучую мягкость на коже. Бриз сдувает волосы мне на щеки, и я поворачиваюсь лицом к ветру.

Я ещё даже и не начинала переваривать информацию о своих родителях. Слишком много всего, чтобы справиться самой; я лучше пройду через это со своим психотерапевтом. Но даже если я и не знала никогда, кем был мой отец, мне нравилось представлять его кем-то особенным, кем-то, кто любил бы меня, но не справился с обстоятельствами. А вышло — мой отец — это дядя моей матери, и я не знаю, кем это делает меня. Это заставляет Лаки еще больше бояться его чувств ко мне; заставляет мою мать бояться рассказать мне о моём рождении. Все врали мне, чтобы скрыть правду, ибо правда в том, что я вылеплена из плохого теста — продукт кровосмешения.

Моя грудь вздымается, когда Лаки обнимает меня на прощание.

— Не плачь, Ленни. Ненавижу, когда тебе больно. Будь счастлива. Рад, что мы с тобой повидались.

Я киваю и вытираю слёзы с глаз.

— Я люблю тебя, — произносит он, целуя меня в макушку.

— Я тоже люблю тебя, Лусиан, до боли.

Он садится в машину и закрывает дверцу. Заводит машину и опускает оконное стекло.

Я отступаю, освобождая ему дорогу. Складываю руки на груди, ветер

развевает мои волосы, хлещет ими по лицу.

— Пока, Ленни, — прощается он, начиная отъезжать с парковочного места.

Импульсивно подбегаю к машине и наклоняюсь к окну. Лаки хватает меня за шею и с нажимом целует мои губы.

— Пожалуйста, не позволяй этому причинить тебе боль. Хотелось бы, чтобы всё было по-другому.

Улыбаюсь ему и скрещиваю руки на груди.

— Я люблю свою боль, Лаки, и то, как она донимает меня. Если я не почувствую её больше, это будет значить, что я потеряла свою связь с тобой, а я не хочу, чтобы это когда-либо произошло. Я люблю эту боль, она часть любви к тебе.

Лаки пристально смотрит на меня с яростной напряжённостью, на виске заметно бьётся пульс.

— Не знаю, правильно ли это, Белен, — отвечает он и поднимает стекло.

Облака выбирают именно этот момент, чтобы заслонить солнце. Тень прогоняет яркость, которая подбадривала нас. Лаки уезжает в этой тени и расстояние между нами увеличивается.

Я знаю, что правильно, ведь моё сердце мне всегда это подсказывает. Оно говорит одно и тоже, нашёптывая как молитву: *только Лаки, всегда Лаки*.

19 глава

Белен

— Белль, это не моё дело, и я не хочу притворяться. Но мы были друзьями какое-то время, — говорит Джереми, высаживая меня из машины.

Я морщусь, догадываясь, о чём он скажет — у Джереми есть какие-то догадки о моей «проблеме», которыми он хочет поделиться. Я бы предпочла, чтобы он держал их при себе.

— У меня были лекции введения в право — отец заставил ходить на них — дабы посмотреть, буду ли я заинтересован в юридической школе после выпуска. Двоюродные родственники могут вступить в брак во многих штатах. Включая и Нью-Йорк. Просто чтоб ты знала, что такой вариант есть.

Я краснею всеми оттенками красного. Мы с Лаки поженимся только

через трупы наших матерей — так что даже через миллионы лет этому не бывать. К тому же Лаки не выглядит тем типом парней, которые женятся.

— Спасибо тебе, Джереми, за информацию, но, боюсь, всё не так. Это скорее зависимость, чем отношения.

Я раздосадована тем, что у меня нет лучшего объяснения и смущена, что Джереми уже знает так много обо мне. Он оставляет меня перед моей квартирой, и мы договариваемся продолжать наше общение. Наши выходные были сумасшедшими, но, думаю, всё между мной и Джереми всегда было странным. Он, наверное, думает, что я больная на всю голову, но по каким-то причинам остаётся в моей жизни — в качестве моего парня или нет, возможно, потому что мы друзья. Мы больше не продолжали наших секс-исследований после ухода Лаки и Джейли из таймшера. Время прошло, но Джереми все ещё не привлекает меня в этом плане. Я, должно быть, абсолютно непонятна со своим отношением «холодно-горячо», всегда жаждущая, но никогда не дающая достаточно в ответ.

Я не говорю открыто с моей матерью о том, кто мой отец, но теперь, когда я знаю об этом, смотрю на неё по-другому. Могу только представлять себе, через что она прошла и как трудно ей было двигаться вперёд, не имея никого, кто бы мог помочь. Я украдкой роюсь в её вещах, пока она на работе. Я нахожу фотографии моего двоюродного дяди, и он выглядит знакомым, может, он похож на меня. Здесь только одно фото с ними двумя вместе. Моя мама такая красивая, а её мужчина выглядит влюблённым по уши. Фото выцветшее, и у них красные глаза. Мама одета консервативно для девушки её возраста, а мой двоюродный дядя/отец смотрится опрятно, подтянуто, словно у него был свой особый привлекательный стиль. Я прячу фотографию в свой чемодан. Я знаю, оно принадлежит маме, но чувствую потребность иметь ее у себя. Я также записываю его имя и всё, что знаю о нём. Получается всего четыре слова на листе из блокнота. Не так уж и много, чтобы двигаться дальше.

Мама пытается убедить меня остаться — не возвращаться в Поукипзи. Технически, я уже почти закончила обучение, но не хочу выезжать оттуда до мая.

— Белен, ты могла бы получить стажировку в городе. Я могу поспрашивать некоторых людей в больнице на наличие исследовательских мест, которые соответствуют твоему опыту.

— У меня нет больше здесь друзей, мам. Все мои друзья в колледже. Я бы предпочла остаться там и работать в библиотеке.

Что в переводе значит: я хочу общаться с Люси, моим психиатром и

Брайаном — моим поручителем из группы по созависимости. Она позволяет мне уехать, выплакав все глаза, снабдив двумя сумками туалетных принадлежностей их магазинчика «всё за доллар» и пластиковыми контейнерами, набитыми испанской едой для моих с Люси обедов.

***

Мы с Люси живём в квартирке в двадцати минутах ходьбы от кампуса. Наш дом небольшой и разваливается потихоньку, но у него есть крыльцо и задний двор. Люси взяла из местного приюта питбультерьера. Она назвала собаку Наполеоном, хотя это и девочка. У неё длинная цепь, так что она может двигаться вокруг всего дома и заявлять права на свою территорию. Она пыталась убить арендодателя и почтальона, а также всех бедняжек, с кем у Люси было свидание. Но она также прижимается к нам, как ребёнок, и делает наш дом оживлённее. Люси сражается с двадцатью одним кредитом, я же превращаюсь в бледного призрака, одна в библиотеке.

Я рассказываю Люси о своих выходных, как мы с Джереми сталкиваемся с Лаки и Джейли, и как я в итоге расстаюсь со своей девственностью.

— Бардак какой-то, Белен. Я от тебя меньшего и не ожидала. Успела ли ты составить график для каждого парня, а потом и круговую диаграмму приобретённого опыта?

— У меня был оргазм. Вот и всё, что важно.

— Ты преподала им парочку уроков об анальном сексе, хотя ты и была единственной девственницей в этом трио?

— Я была зачинщиком всего.

— Ты всё ещё любишь своего двоюродного брата?

— Несомненно.

— Хорошо, ибо этот парень, Джереми, я убеждена, что он серийный убийца.

За один семестр я становлюсь богиней медицинской гугл-паранойи. С тех пор, как Лаки рассказал мне о моём отце, я уверена, что испорчена, поэтому изучаю все генетические результаты и статистические данные единокровной, кровосмесительной репродукции. Вместо сна каждую ночь я лежу в кровати и навожу на себя ужас мыслями о том, что каждый минимальный спазм, кашель или зуд перерастёт в конечный порок, которым я и так обладаю. Я перечитываю *«Франкенштейна»* Шелли и рыдаю над нашим сходством. Я трачу четыреста долларов, деньги, которых у меня нет, на родословная.com для того, чтобы не получить никаких

ответов. Догадываюсь, что они пропустили Доминиканскую Республику и упустили из виду Хайтс. Я убиваю часы в библиотеке, изучая исследования по мутации рецессивных генов. Изучаю свадебные традиции Северной Африки, Западной Азии и Южной Индии, в особенности населения, в которых отношения «дядя/племянница» являются обычным делом. Я исследую всё, что могу найти о двоюродных родственниках. Я плачу, ибо репродуктивные клетки имеют только двадцать шесть хромосом. Втайне я задаюсь вопросом: что, если моё влечение к Лаки является биологическим отклонением, а не по причине абстрактных чувств, как любовь или притяжение? Какая же я глупая, полная катастрофа. Я постоянно нахожусь в отчаянии и чувствую, что могу сломаться под весом всего этого.

Но дважды в день я гуляю с Наполеоном и готовлю ей вычурную еду из знаменитого блога для готовки домашним питомцам. Я выращиваю рассаду на подоконнике, хотя настоящее солнце скрылось, оставив на своём месте висящим какой-то белый, размытый, холодный круг.

Однажды, выходя из библиотеки, я замечаю ярко-розовый флайер для ассистентов из лаборатории. Он бросается мне в глаза сразу же из-за надписи вверху «Химера».

Я подаю заявку на эту должность, как только прихожу домой. После того, как отправляю им своё резюме, мне звонит глава лаборатории Джон и просит меня прийти на собеседование. Моя задача будет состоять в выделении эмбриональных клеток крошечной прудовой жабы в чашке Петри[56]. Я также буду ответственна за наблюдение за результатами химер–жаб на наличие любых внешних проявлений мутаций или необычное поведение после еды, спаривания и за их репродуктивными повадками.

Я соглашаюсь на работу и покидаю библиотеку после трех лет работы там. Я уже закончила с исследованием мутаций, и готова стать свидетелем репродуктивных экспериментов.

Люсь говорит, что я спятила и мне надо отвлечься. Но чем больше я учусь, тем более уверенной себя чувствую, ей ведь легко говорить — не она же получилась в результате слияния однородных членов одной семьи.

По ночам мне снятся крошечные бьющиеся сердечки жаб и их мягкие, раздутые, серебряные брюшки, уставившиеся на луну. Мне снится, как жабки прыгают через снег, чтобы прийти за мной в мой дом. Снится также, как батальон Лаки теряется в гигантской песчаной буре, и он исчезает кусочек за кусочком, как пазл, словно песчинки перед моими глазами. Мне снимся мы, стоящие на бетонной детской площадке, держась за руки и улыбаясь. Снится тот наш первый поцелуй на кухне, снятся ощущения, которые он вызвал.

Я всё так же вижусь с моим психиатром доктором Дэвидсон. Прошёл почти год, и мы перешли к секс-игрушкам. Я получаю задание мастурбировать. Я постоянный пользователь pleasurechest.com, babesintoyland.com[57], пусть даже я и не трачу много времени на самоудовлетворение. Я изучаю игрушки: включаю/выключаю их и складываю их в коробку в своём шкафу. Ты, конечно же, не можешь пожертвовать их на местном церковном базаре или на благотворительность. Думаю, мой психиатр отказался от попыток зародить во мне идею встречаться с другими людьми. Я продолжаю смотреть порно в интернете, но считаю, что смотрю его скорее как учёный, а не как остальная часть населения, и, кажется, что это никогда меня не возбудит.

Лаки звонит мне в канун Рождества. Он не набирал моего номера с того вечера в баре, вечера, который, кажется, был лет сто назад. Мама собирается приехать на поезде, чтобы провести со мной выходные. Лаки же сейчас дома с Тити.

— Я скучаю по тебе, Ленни. Знаешь, Рождество без тебя совсем не то.

— У меня были дела, надо было работать. И я тут одна забочусь о Наполеоне. Да и мама собиралась выбраться из города хоть разок.

— Через пару недель меня снова отправят в командировку. Подумал, может я мог бы приехать увидеться с тобой до этого?

Его голос звучит так неуверенно, задевая мои душевные струны. Как Лаки вообще мог подумать, что я не захотела бы его увидеть? Согласиться ли? Что говорить? Мои клетки внутри тела то и дело вибрируют и звенят, будто я подключена к розетке. Сколько хромосом я делю со своим кузеном? Насколько похожи наши ДНК? Каждая маленькая частичка меня, не важно, насколько маленькая и какого её происхождение, по-прежнему говорит мне, что хочет его.

— Люси уехала на целый месяц, поэтому мне надо оставаться здесь. Мама будет до понедельника. Ты, наверное, мог бы приехать после этого, — моё тело продолжает гудеть, ожидая его ответа.

— Я приеду во вторник. Привезу тебе еды из города, что бы ты хотела?

— Привези мне *mofongo*[58] и жареного цыплёнка с того местечка на Бродвее и немного *coquito* Тити, если останется.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть тебя, Ленни.

В конечном итоге мама отменяет поездку. Не потому, что не хотела, а из-за того, что предвещали грандиозную снежную бурю, даже движение поездов прекращалось. Это предупреждение касалось всего округа Датчесс[59]. Подозреваю, что мы с Наполеоном остаемся здесь на все

Рождество. Я делаю праздничную еду из рамена[60] и попкорна. Наполеон ест немного зёрнышек, она выглядит подавленной и скучающей. Я засыпаю под фильм «*Носферату*», который смотрю в тридцатый раз.

Я просыпаюсь внезапно от звука кашля. Нога затекла, и я трясу ею, пытаясь добежать до кухни. Наполеон больна — она вырвала всю еду на пол кухни. Я мою пол и даю ей миску с чистой свежей водой, присев, чтобы погладить собаку. Она часто и тяжело дышит, да и на полу холодно. Я глажу её по макушке, и она скулит так, словно плачет. Наполеон кладёт голову мне на колени, и её глаза смотрят вверх на меня в подтверждении, что всё будет хорошо. Сейчас полночь. Рождество.

Я ищу нашу записную книжку с номером ветеринара. Я звоню впустую, так как попадаю на автоответчик с сообщением, что они закрыты на неделю. Наполеон с тусклыми глазами скулит. Боюсь, её отравили. Её снова рвёт, и в этот раз сопровождается сильными рвотными позывами. Ищу на своём телефоне экстренную ветеринарную клинику. Одна находится в сорока милях[61] отсюда, и я набираю их номер, ветеринар отвечает на третьем гудке. Он оборудовал клинику в собственном переделанном ангаре. Он соглашается осмотреть Наполеона за триста долларов. Говорю ему, что буду на месте через час. Я, возможно, разрушаю его Рождество, но он уверяет меня, что всё в порядке.

Я хватаю ключи от машины Люси и заманиваю Наполеона в её переноску — она даже не нюхает собачий бисквит, а просто соглашается туда залезть, так как любит меня. У нас есть маленький гараж рядом с домом. Я выскальзываю наружу и открываю боковую дверь. Снег быстро слетает на землю, покрывая каждую поверхность мягкой пудрой. Когда я нажимаю на кнопку гаражной двери, она резко дёргается и скрипит, но не открывается. Дверь просто примёрзла. Вот дерьмо.

Я выхожу на улицу и почти падаю из-за скользкого льда, скрытого под снегом. Держусь за дверную ручку и шагаю с большей осторожностью. Ливневый сток превратился в лёд; вода выглядит так, словно замёрзла во время побега-выливания. Я направляюсь обратно на кухню и вытаскиваю каждую кастрюлю, что у нас есть, из-под раковины.

— Не волнуйся, Наполеон. Я вытащу нас отсюда через минуту.

Я хватаю металлическую лестницу из-за холодильника и, пятясь, тащу её с собой. Когда я ставлю её напротив гаражной двери, у меня такое предчувствие, что это может быть опаснее, чем ожидание до утра. Пар в кухне густой из-за конденсации, капли капают с чёрного оконного стекла. Двумя подставками под горячее я беру первую кастрюлю с водой и

возвращаюсь в гараж. Снег в воздухе смешался с паром из кастрюли, сделав вдруг моё лицо мокрым, с растрёпанными волосами, прилипшими к кастрюле как сахарная вата. Я становлюсь на первую ступеньку лестницы, и кипячёная горячая вода переливается через край на мои пальцы. Роняю кастрюлю, и вода разливается; я спускаюсь вниз, ударяясь локтем. Горячая вода обжигает мою руку и плечо через шерстяную куртку.

— Нет! — вскрикиваю я, зажимая локоть. Думаю, он сломан.

Прихрамывая, захожу внутрь и осматриваю свои повреждения в зеркале ванной. Локоть красный и выглядит травмированным, но нет открытого перелома, никаких подвижных костных осколков — то, что я могу сказать на первый взгляд. Я успокаиваю Наполеона и хватаю другую кастрюлю с горячей водой. Снег застилает всё, заглушая звук. Снежинки крупные, будто в кучу сбились несколько. Эту кастрюлю я выливаю на гаражную дверь в месте, где шов соединяется со зданием. Повторяю свои действия ещё дважды и затем нажимаю на кнопку, чтобы проверить дверной механизм, который неохотно, но все же открывается.

Я прыгаю от радости, придерживая локоть. Теперь моя задача затащить переноску с собакой в машину только одной рукой.

Даже в хорошую погоду это было бы героическим поступком, но двадцать минут спустя Наполеон сидит на заднем сидении, и я выезжаю с подъездной дорожки. Видимость ужасная, практически нулевая. Мы медленно тащимся вниз вдоль жилых улиц, где дома наряжены по сезону. Их Рождественские огоньки полностью покрыты снегом, заставляя крыши выглядеть так, словно они обложены по контуру святящимися, разноцветными зефирками.

Пытаюсь вспомнить всё, что знаю о вождении, пока мы выезжаем на шоссе. Знаю, что надо притормозить вместо того, чтобы ударить по тормозам, когда попадаешь на лёд дабы предотвратить скольжение. Мой полный опыт вождения можно вычислить, суммируя раз десять сидения за рулём — пять раз при прохождении тренировочных упражнений, два раза во время сдачи теста; первый раз я провалила, но на второй раз сдала. Остальные несколько раз могут быть рассмотрены как чрезвычайные ситуации, когда не было никаких других квалифицированных водителей, и я вытаскивала свои права. Обычно Люси не позволяла мне водить её машину, но по какой-то причине я уверена, что мы сделаем это.

Уличные фонари стоят на большом расстоянии друг от друга. Дворники работают на полную мощность, но они едва справляются с натиском снежинок-монстров. Я еду потихоньку со скоростью чьей-то девяностолетней бабульки. На шоссе нет ни единой машины.

— Наполеон, всё в порядке. Я вытащу нас отсюда, обещаю. Милостивый Господь никогда бы не позволил карибской девушке, как я, погибнуть в снежном шторме и тем более на Рождество — нам не о чем беспокоиться. Эта детка будет лежать под пальмой, когда решит откинуть копыта.

Фары моей машины натыкаются на задний свет другой машины. Кажется, она стоит на обочине, но я всматриваюсь в центральную линию, чтобы убедиться, что я не еду криво. Подъезжая, мои фары освещают всю картину. Я осознаю, что это авария, и машина, сейчас находящаяся под углом в сугробе, по-видимому, перед этим врезалась в телефонный столб. Я медленно притормаживаю, чтобы припарковать машину Люси и оставляю фары направленными на место аварии, дабы видеть всё хорошо.

— Я сейчас вернусь, Наполеон. Ты в порядке? — спрашиваю я. Она скулит и дважды ударяет хвостом о дно переноски.

Я выхожу из машины прямо в снег, который намело на шоссе. Стоит такая тишина, что я чувствую себя единственным человеком во вселенной. В моём мозгу быстро появляются картинки ужастиков, типа трупов, которые превращаются в зомби или убийца, который лежит там, поджидая, пока я подойду, чтобы затем накинуться и зарезать меня. Вот почему я люблю смотреть Дракулу на Рождество. Я мягко подкрадываюсь к машине, не издавая никакого хруста.

— Есть здесь кто-нибудь? — зову я, мой голос вибрирует в тишине.

Боковая дверь водителя открыта, и я могу видеть, как кто-то завалился вперёд, будучи пристёгнутым ремнем безопасности. Я пробегаю оставшееся расстояние, мои ноги утопают в глубоком снегу, когда я достигаю сугроба. Я становлюсь на склон сугроба и дергаю дверь. Из машины выпадает бутылка водки и человек начинает скатываться в мою сторону. Это женщина. У неё светлые волосы и очки, на лбу виднеется глубокая рана, заливающая кровью её лицо. Но я всё же узнаю, кто она, и задыхаюсь от шока.

Это Джен. Жена моего поручителя Брайана из группы по созависимости. Женщина, которая делает его несчастным, и без которой он не может жить.

— Джен? — зову я. — Ты меня слышишь, Джен?

Я протягиваю руку к её шее и кладу пальцы под её ухо, пытаясь нащупать пульс. Кровь на её лице холодная и липкая на ощупь. Холод повсюду, и я начинаю бесконтрольно дрожать. Я тянусь к карману моего пальто и достаю телефон, сразу же роняя его в сугроб. Падаю на колени и начинаю копать снег, перерывая пальцами свежую снежную пудру.

— Она просто замёрзла. От алкоголя. Может у неё гипотермия, но ей станет лучше, как только мы её согреем, — говорю я себе самой.

Не могу найти свой телефон, это как поиск иголки в стоге сена. Я решаю разгребать снег с помощью ступни. Замечаю его край и вытаскиваю его, мои пальцы замёрзшие.

Стряхиваю снег со своего пальто и набираю 911.

— Что у вас случилось?

— Автомобильная авария на Истбаунд 44, пожалуйста, помогите мне!

— Сколько машин пострадало? Вы знаете свои координаты?

— Я проехала может минут пятнадцать от Поукипзи, но не знаю, насколько далеко из-за снега. Всего одна машина, грузовик. Она ранена. Пожалуйста, приезжайте!

— Оставайтесь на линии, мэм. Мы кого-нибудь пришлём. Только один человек ранен или есть и другие пассажиры в машине?

— Только она.

— Она в сознании?

— Нет, — произношу я с трудом и начинаю плакать.

— Вы умеет делать искусственное дыхание, мэм? Не могли бы вы делать ей искусственное дыхание до приезда парамедиков?

— Да, — всхлипываю я, — мне нужно положить телефон.

— Положите его динамиком вверх, если можете, мэм, тогда я смогу помочь вам.

Я кладу телефон на сидение и отодвигаю волосы Джен с её лица.

— Джен, это Белен. Пожалуйста, пожалуйста, на умирай тут со мной.

— Она дышит? Начните с компрессии грудной клетки, надавливайте на середину грудины.

— Она пристегнута ремнём безопасности. Стоит ли мне попробовать положить её на землю?

— Я не хочу, чтобы вы двигали её. Просто делайте массаж грудной клетки до приезда скорой помощи.

— Надо ли мне вдыхать воздух ей в рот?

— Нет, если есть кровь на лице, но, в конце концов, это ваш выбор.

— Её лицо покрыто кровью, — я пытаюсь говорить нормально, но все равно плачу.

— Тогда я бы не стала, просто работайте с её грудной клеткой.

Я прижимаю обе свои руки к середине груди Джен, тогда как тихая метель вокруг перерастает в бурю. Здесь, в кабине грузовика, только мы с Джен в беззвучную Рождественскую ночь, — и мы обе пытаемся вернуть к жизни её спящее сердце. Острая боль простреливает моё запястье и отдаёт

в локоть с каждым новым толчком. Я толкаю её грудину так сильно, как могу ради Джен, ради Брайана, даже ради себя. Я не могу позволить Джен умереть в Рождество.

Брайан тратит каждую свободную минуту, пытаясь защитить её, и его заботы оказывается недостаточно. Я не могу подвести его. Не могу просить Брайна жить без неё. Ибо даже если специалисты и говорят, что это неправильно, или среднестатистический человек скажет, будто это болезнь, я знаю лучше кого бы то ни было, что ничего, абсолютно ничего в этой жизни, кроме Джен, не может наполнить жизнь Брайана.

Не знаю, как долго мы сидели вот так: я —сверху на её коленях, она — свесившись на бок сидения. Слёзы катятся по моему лицу, пока сгустившаяся кровь окрашивает её лицо. Я надавливаю и надавливаю, пытаясь перелить жизнь из себя в неё, пытаясь вытащить её в снежном сугробе из земли небытия.

Я даже не слышу сирену, но замечаю красные и оранжевые огни. Снег окрашивается в эти мерцающие цвета, это головокружительный штурм белой пелены, на мирное спокойствие Рождественской ночи.

Думаю, они оттаскиваю меня от неё, и ведут меня по снегу. Может они даже задают мне вопросы, но я слишком травмирована, чтобы отвечать

Они забирают Джен в машину скорой помощи, а меня и Наполеона в патрульную полицейскую машину. Сначала нас отвозят в клинику для животных, по моему настоянию, а затем в больницу. Я отвечаю на новые вопросы сонного копа и прохожу рентген локтя. Медсестра предлагает мне Рождественского печенья вместе с моим перкоцетом[62]. Они также выписывают мне ксанекс, и я решаю взять его. На самое плохое Рождество даже эти таблетки могут стать моим лучшим подарком. Я сижу в комнате ожидания, пока они обрабатывают мои документы. Праздничная музыка пугает меня, ибо нет ничего, стоящего веселья.

Затем заходит Брайан, и я встаю, увидев его. Мой телефон разрывался с тех пор, как я нашла Джен, но я не хотела быть той, кто ему об этом скажет.

— Брайан! — зову я и думаю о том, что мне хотелось бы повернуть время вспять, когда он оборачивается. Я почти никогда не видела человека с таким разбитым выражением лица.

— Это я нашла её. Я делала ей искусственное дыхание, пока не приехала скорая. Я сделала всё, что смогла. Я попыталась спасти её.

— Я так волновался. Сидел возле телефона часами. Сегодня вечером она первый раз поехала на этом новом грузовике. И когда она не вернулась домой к Рождественскому ужину, я… — его начинают душить рыдания.

— Иди, Брайан. Я здесь, если понадоблюсь.

Он сжимает мою руку в своей морозно-ледяной. Его лицо кажется пепельным, глаза — призрачными. Ненавижу то, что причастна к этому его состоянию.

Огромный украшенный блёстками колокол, висящий над стойкой регистрации, мягко играет от дуновения тёплого воздуха из отопительной системы больницы. В углу стоит розовая Рождественская ёлка с розовыми огоньками и со сверкающими голубями в качестве украшения. Это всё выглядит как оскорбление, ибо Брайан на грани того, чтобы потерять свою жену, единственного человека, которого он знает, как любить.

Я слышу его крик. Это жуткий и ужасный звук. Звук утраты каждой минуты с Джен и всей той боли, что он чувствовал. Джен ушла, и оставила Брайана в одиночестве. Может, она пыталась сбежать от него всё это время, но всё никак не получалось, не важно, что бы не делал любой из них — будь то правильно или нет. Я баюкаю свою руку в повязке и выхожу через автоматические двери в закручивающийся вихрь снега.

Я причастна к крику Брайна, боевому кличу перенесённой потери, душевной боли, так как нет ничего, что могло бы облегчить его муку и успокоить его страдание. Только Джен могла бы сделать это. Только она могла заставить его чувствовать себя цельным. Я знаю, ибо сама страдаю от такого же недуга. Джен и Брайан тоже были больны — они оба были прокляты больной любовью.

20 глава

Утром я еду длинным путём к ветеринару, так как не хочу проезжать мимо того места. Не хочу знать, стоит ли всё ещё там грузовик под углом на окраине дороги. Не хочу видеть, есть ли на снегу ещё следы от того, как она съехала с дороги. Больше всего не хочу задавать себе вопрос: были ли её последние мысли перед смертью о Брайане.

Теперь дороги расчищены, и гораздо легче маневрировать. Я нахожу путь в ветклинику, даже несмотря на то, что вчерашняя поездки прошла словно в бреду. Моя левая рука перевязана, и я считаю, мне повезло иметь возможность забрать собаку самостоятельно. Счёт за ветеринара и так будет достаточно возмутительным и без добавления стоимости за доставку животного на дом.

Наполеон оживилась, она рада видеть меня. Её шерсть больше не тусклая, и глаза приобрели обычный блеск. Я плачу в клинике наличными

— это все мои сбережения от работы в лаборатории и немного с кредитки. Думаю, мне стоило пойти в ветеринарный колледж.

Ей ставили капельницу, сделали пару рентгеновских снимков и дали стероиды. Замечен рост в её брюшной полости, но без биопсии мы можем только предполагать. Я должна буду дождаться Люси, чтобы вернуться домой, ибо у меня нет денег. Хвост Наполеона виляет сильно и быстро, пока мы заезжаем на подъездную дорожку. Напротив гаража припаркована ещё одна машина. Я не узнаю её, но у неё Нью-Йоркские номера. Я глушу двигатель и отстёгиваю ремень безопасности. Затем Лаки выходит из-за дома, и моё сердце останавливается, когда я вижу его.

Его волосы подстрижены под короткий ёжик, и на нём зимняя парка с мехом по краю капюшона. Такой чертовски высокий, великолепный и безумно нужный, этот мужчина может остановить дорожное движение даже скрытый за гигантской зимней паркой. Но он лучше этого, так как это Лаки, мой кузен, мой *primo hermano*, который знает меня лучше, чем я сама. Весь его стан гласит о мужественности, его облик кричит об уверенности.

Я выхожу из машины и бегу к нему. Он приподнимает меня над землёй и немного кружит перед тем, как поставить на место и невинно поцеловать меня в нос.

— Я скучал по тебе, Ленни. Так чертовски сильно!

— Ты ехал в снегопад? Рехнулся? — допытываюсь я, таща его за руку в дом после того, как мы выпускаем Наполеона, и она бежит впереди нас. Мне нужно достать ключи правой рукой из левого кармана, и повязка вдруг кажется смирительной рубашкой.

— Я выехал прошлой ночью — ну, скорее сегодня рано утром. Сразу после того, как ты позвонила тете Бетти из больницы и рассказала ей об аварии.

— Ты сумасшедший, разве дороги не были ужасными?

— Ты тоже не в своём уме. Выезжать из района самостоятельно в огромный снежный шторм.

Я делаю нам кофе и засовываю пару кусочков хлеба в тостер.

— Тётя Бетти сказала, что ты знаешь её. Я не хотел, чтобы ты оставалась одна.

— Она была женой моего куратора, Джен. Наверное, ужасный человек и определённо ярая алкоголичка. Но он любил её, Лаки, как никого другого. Союз, заключённый в аду добровольцами. Понимаешь, о чём я?

— Что значит «твой куратор»? Ты состоишь в анонимных алкоголиках? Я не знал, что у тебя проблемы.

Я подгибаю ноги под себя и делаю глоток кофе.

— Нет. Это группа по созависимости. Мы встречаемся каждый вторник в подвале китайского ресторана в торговом центре. Это удручающе. Говорим о том, как тратим свои собственные жизни на гиперзаботу о других людях. Точнее об одном человеке. Большинство из них потакатели, а их партнёры потребители, пользователи. Джен была алкоголичкой, Брайан — трезвенником. Но это не имело значения, ибо он был опьянён любовью к Джен и принимал такие же плохие решения, как и она.

— Но, Ленни, почему ты оказалась там? Ты с кем-то встречаешься?

Я качаю головой и делаю ещё один глоток кофе.

— Я там из-за тебя, Лаки, потому что мои чувства к тебе неестественны, и я не могу справиться с ними.

— Иисус, Ленни. Я стараюсь принимать решения, чтобы помочь нам преодолеть это, но, кажется, становится только хуже. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя уродом. Я иду на определённые жертвы, чтобы ты была нормальным человеком.

Лаки встаёт и меряет шагами небольшую гостиную. Он пробегает руками по своим волосам и затем засовывает их в свои карманы. Лицо показывает его растерянность, но напряженность делает его ещё более сексуальным. Лаки словно ураган. Не могу насытиться его силой.

— Думаю, есть только одна вещь, которая заставляет чувствовать себя нормально, и эта вещь не рассматривается как вариант. Если бы ты не помог мне потерять девственность, Лаки, я бы все ещё стояла перед тобой невинной. Я не могу возбудиться без тебя. Попробовав однажды твои губы, я не хочу больше других губ. Я не хочу их. Меня возмущает каждая ласка, исходящая не от тебя, Лаки. Твоё прикосновение заклеймило меня, и я разрушена.

Он подходит ко мне, и я вижу очертания его толстого члена через джинсы. Я завела его своими словами, хоть и не намеревалась. Ощущаю себя суперчувствительной и сонной, опьянённой и больной одновременно. Я сойду с ума, если он отвергнет меня, и закончу в конечном счёте где-то в закрытой психушке, непрерывно прогоняя в мозгу мой первый и последний поцелуй с Лаки.

— Давай найдём кого-то, кто сможет трахнуть тебя. Я останусь в комнате и буду с тобой, наблюдая за каждой минутой. Мы будем смотреть друг на друга, как в прошлый раз. Это единственный способ для нас, — Лаки будто на задании, он надевает свою куртку и держит мою передо мной, — Я купил наркоту, как только приехал в город. Мы сходим в одно

местечко. Мы можем найти там кого-то, чем раньше, тем лучше.

— Зачем ты достал наркоту?

— Я чист, Бей, правда. Чист уже долгое время. Но старые привычки умирают с трудом.

— Включая меня, — бормочу я, но не думаю, что он услышал.

— Я чертовски нервничал из-за своего приезда.

Он тащит меня вниз по ступенькам за здоровую руку, и моя куртка падает, так как одна моя рука в повязке. Я останавливаюсь на последней ступеньке, холодный зимний ветер развевает мои волосы и заставляет краснеть щёки.

— Лаки, ты планировал спать в моей кровати?

Он поворачивается и смотрит на меня, бешеная энергия отражается на его лице.

— Знал ли ты, что мы будем здесь одни, и нет никого, кто бы мог помешать нам? Зачем ты приехал сюда, Лаки? Что ты хочешь от меня?

Он приехал, чтобы заняться со мной любовью. Он знает это так же хорошо, как и я, но он упорно не признаёт этого.

Он медленно качает головой со стороны в сторону, но в это время его лицо выражает вину, которой самой по себе хватит, чтобы ответить на мой вопрос. Лаки возбуждается по той же причине, что и я, и он даже больше пристыжен этим фактом, чем я.

— Бей, давай найдём другой способ. Мы можем что-то придумать, — твердит он, но уже выглядит сомневающимся.

— Так я могу трахнуть тебя через твоего дружка? Спасибо, нет, Лаки. Я бы лучше провела всю жизнь, изнывая по тебе. Я промокла тогда, на диване, просто от вида того, как ты затвердел. Моё тело взывает к тебе, и я не хочу прекращать этого. Я бы предпочла эту связь, чем кончать под случайным парнем. Это не то, чего я хочу.

— А чего ты хочешь, Бей?

— Я не хочу умереть, пока не подарю тебе своё тело. Я хочу тебя, Лаки. Я хочу… — я делаю глубокий вдох, — Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Клянусь, что вижу, как его лицо меняется при моих словах. Он преображается из моего двоюродного брата — лицо, которое мне так хорошо известно — во взрослого мужчину, полного вожделения, разрывающегося от страсти, достаточной, чтобы воспламенить нас обоих.

— Лаки, это может быть нашим последним шансом.

Я медленно выдыхаю, закрываю глаза и молюсь про себя. Когда я открываю глаза, он обрушивается на меня, поднимает меня на руки и вталкивает меня обратно через дверь в дом. Его рот на мне, он целует меня

тем свирепым поцелуем, который я знаю, но которого мне никогда не бывает достаточно. Он наполняет меня, целуя так, словно владеет моим разумом, телом и сердцем. Так оно и есть.

— Кровать? — выдавливает он, не отрывая своих губ от моих.

Я указываю на дверь, и он пинком открывает её. У меня кровать кинг-сайз и пружинный матрас, но без рамы, так что она достаточно низкая. Лаки ставит меня на пол, и я сбрасываю свою обувь. Вытаскиваю руку из куртки, но я едва смогла одеться, не говоря уже о том, чтобы снять одежду с себя.

Лаки захватывает свою рубашку одним быстрым рывком и сдергивает через голову. Его жетон качается, когда он наклоняется вниз, чтобы быстрее снять обувь и штаны. Я сражаюсь одной рукой со своими джинсами. Лаки в одних трусах переползает ко мне, сплетая наши тела. Он мягко целует меня. Затем он хватает мои джинсы с другой стороны и стягивает их с меня. Он опускает своё тело на меня, и его огромная, прикрытая лишь нижним бельём выпуклость вжимается прямо в мой горячий центр. Я развожу ноги и прижимаю Лаки ещё ближе.

Он покусывает мочку моего уха, и затем его язык проскальзывает внутрь; он ласкает языком ушную раковину и путешествует своими любовными укусами вниз по линии подбородка. Я вращаю своими бёдрами и прижимаюсь к его твёрдости. Он проталкивает свой стояк вперёд, показывая своим телом, что он заведён. Мою кожу покалывает, и я сдерживаюсь, чтобы не трахнуть его.

Он прикусывает мой подбородок перед тем, как перейти к моим губам, мягко пощипывая нижнюю губу, прежде чем засосать её в свой рот, погружая внутрь свой язык.

Ничего не могу с собой поделать и вращаю бёдрами. Моё тело в огне, мой мозг перегружен.

— Может, я могу вытрахать это из тебя, Ленни? Что ты об этом думаешь?

— Да! — выкрикиваю я, впервые хватая его за задницу. То, какой он твёрдый и мускулистый, сводит меня с ума.

— Скажи это, Ленни, я хочу, чтобы ты произнесла это ещё раз, — он дразнит меня, проводя своим членом по моим нежным нижним губам. Я трусь о его стояк, пытаясь насытить яростное возбуждение и ощутить его член в себе.

— Пожалуйста, Лаки, трахни меня. Прошу, вытрахай это из меня, — мой голос прерывающийся и отчаянный, и это зажигает что-то в Лаки. Он с силой срывает с меня рубашку, несколько пуговиц катятся на пол.

Рубашка застревает на середине из-за повязке, но застёжка моего лифчика спереди, и он расстёгивает её со щелчком. Моя грудь вырывается наружу. Он засасывает один сосок в свой рот и затем потирает его своими губами, покачивая головой. Другой он пытает круговыми движениями большого пальца, пока сосок не начинает пульсировать. Он тянет его в рот и пробегает по нему своим языком, сосёт, ударяя языком по соску. Сначала он концентрируется лишь на соске, затем открывает рот и захватывает им всю ареолу, задевая её зубами.

Я ахаю — я настолько мокрая и готовая, что могу кончить только от трения об его жёсткий член, а на нём всё ещё нижнее бельё.

— Пожалуйста, Лаки, — стону я.

Лаки скользит по моему телу и целует мой травмированный локоть. Он прокладывает языком сладкую дорожку вниз, ныряя им в мой пупок. Моё тело плавно двигается в вожделении, пока он щекочет мой пупок языком, двигаясь ниже от впадинки живота, достигая клитора. Он мягко лижет меня через складочки, перед тем как погрузить его внутрь. Моя спина выгибается от остроты ощущений.

— Пожалуйста, — прошу его.

— Скажи это, Белен, я хочу слышать, как ты умоляешь меня, — он снова ударяет по клитору своим языком, и я почти перехожу через край.

— О мой бог, Лаки, пожалуйста. Пожалуйста, трахни меня!

— Нет, — говорит он окончательно, стремительно облизывая меня в последний раз.

Я отодвигаюсь от его отказа. Не могу снова его принять. Не знаю, какого вида извращённую игру он ведёт, но понимаю, что умру, если после этого он не возьмёт меня.

Лаки быстро двигается вверх по моему телу, пока мы не оказываемся лицом к лицу. Его глаза такие тёмные, не могу выдержать его испытующего взгляда.

Одним плавным движением он опускает руку и высвобождает свой член; он немедленно входит до самого упора, и мой рот раскрывается от шока.

— Я люблю тебя, Белен. Всегда любил. Я не хочу трахнуть тебя, — я хочу быть первым мужчиной, который занимается с тобой любовью.

Его глаза удерживают мой взгляд, и, думаю, они блестят от эмоций. Лаки внутри меня, толстый и огромный, его член пульсирует и дёргается в предвкушении. И я взрываюсь. Прямо так, не двигаясь ни на дюйм. Крики вырываются из моего рта, мои мышцы сжимают его и выдаивают. Я откидываю голову, когда крики становятся тише, а тело полностью дрожит.

Я люблю его. Лаки. Его одного. Наконец-то.

Я опьянена, и оргазм всё ещё пульсирует в моём теле тлеющими угольками. Я смотрю на лицо Лаки, и он выглядит зачарованным. Он начинает трахать меня ещё мягче и слаще. Он сгибает одно моё колено и скользит в меня всей своей длиной. Его член восхитителен, это то ощущение, которого я всегда жаждала — быть взятой им; моё собственной тело предоставлено ему для его удовольствия.

Он проскальзывает руками под меня и хватает мою попку, затем снова набрасывается на мой рот жадным поцелуем. Я тяну его язык в свой рот и мягко посасываю, отвечая на его толчки: наши бёдра встречаются при каждом выпаде, увеличивая темп его движений. Его яички бьются о другой мой вход, разжигая вихри удовольствия, которые пугают меня. Я хочу чувствовать Лаки внутри меня во всех возможных отверстиях, любым возможным способом хочу, чтобы он взял меня.

— Белен, я больше не могу сдерживаться. Ты убиваешь меня, — выдыхает он, скрипя зубами.

Я нежно целую его в ответ, и он стонет в мой рот. Я двигаю бёдрами быстрее, и его лобок задевает клубок нервов, зарождая ещё один оргазм, который поднимается из основания моего позвоночника.

— Я собираюсь кончить, Лаки. Я кончаю!

Мои слова перерастают в крик, а я даже не осознаю этого. Оргазм граничит с насилием — настолько стремительно он проносится через меня. Моя киска сокращается вокруг Лаки, и я могу ощущать его толстую длину.

— Малышка, я собираюсь кончить, — говорит он шепотом, будучи на пределе.

— Кончи в меня, Лаки, — отзываюсь я, вонзая ногти здоровой руки в плоть его спины.

— Не сходи с ума, — возражает Лаки, пытаясь выглядеть строгим, но на его лице лишь похоть и скептицизм. Я могу сказать, что и он хочет этого.

— Я на таблетках. Пожалуйста? Я хочу, чтобы ты кончил в меня, малыш. Я хочу, чтобы ты пометил меня, — не знаю, кто я, когда говорю подобные вещи, но это и не важно. Я в экстазе, на небесах. Я так низко пала в любви к нему.

— Бей, о, боже! Черт! — он выстреливает горячей спермой внутри меня, и я чувствую лишь благодарность. Он засаживает мне так сильно и быстро, что его собственные крики вибрируют вместе с движениями его тела. Я чувствую, как его член дёргается и пульсирует, будто он готов

кончить во второй раз. Затем всё его тело расслабляется, и он всем весом опускается на меня.

— Ауч! — выкрикиваю я, когда он сминает мою руку.

— О, блин, прости, Бей, — извиняется он и откатывается на бок. Я опускаю взгляд на его пенис, и он всё ещё в идеальном эрегированном состоянии и набухший. Лаки видит, как я наблюдаю за ним, и хватает основание своего члена, сжимая.

— Теперь, когда мы занялись любовью, я планирую трахать тебя всяко разно, как только смогу заставить его подняться снова, — говорит Лаки с ухмылкой на лице.

Я улыбаюсь ему, и он возвращает мне улыбку. Кажется, будто туман рассеивается. Словно солнце выжгло всю тьму. Небо в моём сознании прояснилось. Здесь, под пристальным взглядом Лаки, я чувствую себя здоровой. Свободной. Идеальной. Наконец-то я чувствую себя настоящей.

Лаки

Белен засыпает, уткнувшись в изгиб моей руки. Мы и раньше спали вместе, но это приятное чувство послевкусия полностью принадлежит мне. Я взял её тело под свой контроль и не хочу возвращать его обратно. Я трахну её тысячью разными способами и испробую все её девственные места. Ибо, *бл*дь*, они всегда предназначались мне в первую очередь.

Не знаю, почему ждал так долго. Если бы я знал о том облегчении, которое увидел на её лице, когда трахал её, я бы сделал это грёбаную вечность назад. Может мне показалось, но я увидел на лице Белен, что она нашла во мне подтверждение своей правильности. Как спящая красавица, которая наконец-то проснулась. Даже её губы и щеки порозовели сильнее, чем когда-либо.

Возможно, она ждала меня всё это время, чтобы я освободил её. Думаю, я был слишком напуган, чтобы увидеть это. Словно я не был достаточно мужчиной, чтобы справиться с этим, чтобы принять все эти чувства. Поэтому Белен пришлось ждать, пока я целую вечность упорядочивал всё в своей голове. Я мог трахать её с шестнадцати лет, а вместо этого уехал и испортил всё к чертям. Когда все, что ей нужно было, чтобы я убедил ее в том, что она прекрасна, что она желанна. Она не хотела слышать это от кого-то другого. Важно, чтобы это было именно от меня, а я был слишком трусливым, чтобы просто сказать, не говоря уже о том, чтоб показать ей.

Её уверенность, её счастье — Боже! — да даже её душевное

равновесие пострадали. Не могу поверить, что мучал её подобным образом. Всё потому, что был напуган до чёртиков. Я потратил годы, трахая шлюх, когда мог любить кого-то, кто любит меня.

Опускаю губы и прижимаю их легким касанием к её шее. Она такая нежная и мягкая, каждая часть её тела идеальна. Легонько покусываю линию её подбородка. Затем бужу её глубоким изучающим поцелуем. Она едва отвечает на него; она истощена, вымотана и её здоровая рука взлетает вверх за голову, пока она машинально старается снова заснуть.

Я облизываю её сосок и мягко посасываю. Она стонет во сне, и её ноги раскрываются для меня. Мой член так чертовски твёрд только от одного её вкуса. Я знаю, какая она тёплая, насколько шелковисто скольжение в её влагалище. Но это сладкое местечко может быть горячей ловушкой жадных мышц, я никогда раньше такого не испытывал. Четырьмя пальцами пробегаю по её складочкам. Она мягко дёргается и бормочет «Лаки» — моё имя на её губах так чертовски сексуально.

Хватая свой член, я приподнимаю его и проникаю прямо в неё, пока она ещё спит. Её глаза быстро распахиваются и затем смягчаются, когда она видит моё лицо. Она вспыхивает, и я знаю, что ей снился я. Развратные сны, судя по её лицу и влажности её киски.

— Я хочу трахнуть тебя грязно, детка. Ты готова для всего меня?

Она сладко кивает, не имея понятия, о чём я думаю. То, что она соглашается на всё, заставляет мой член дёрнуться и затвердеть ещё больше.

— Хочешь быть моей шлюшкой?

— Лаки, ты можешь делать всё, что захочешь.

Мой член дёргается вновь, и маленькая улыбочка проскальзывает на её лице. Я жёстко толкаюсь в неё, заставляя принять член до самого основания. Вдавливаюсь, вращая бёдрами, оказавшись в ней полностью, потирая клитор. Её рот раскрывается от удивления и глаза застилает пелена.

— Сколько у тебя дырок, Белен?

— Три, — отвечает она с прикрытыми от желания глазами.

— Сколько из них мои? — спрашиваю, снова с силой толкаясь бёдрами. Поднимаю её ногу вверх и размазываю её соки прямо по заднему входу. Она извивается, когда я прижимаю свой большой палец к этой дырочке внизу.

— Сколько? — допытываюсь, проскальзывая в её тугую дырочку пальцем до сустава.

— Все три, — говорит она прерывающимся голосом, и я засовываю

все четыре пальца, влажные от её влагалища, ей в рот.

— Собираешься сожалеть об этом? — задаю вопрос, проталкивая пальцы глубже, пока она рефлекторно не давится.

— НЕТ! — выкрикивает она, наконец-то полностью проснувшись. Затем она резко отстраняется, оставляя меня нависать над кроватью. Белен резко наклоняется ко мне и наносит удар, попадая мне прямо по лицу.

От удивления я отшатываюсь назад и прижимаю руку к месту удара.

— Святое дерьмо, Бей! Что с тобой не так? — моё лицо болит там, где она врезала. Это моя вина, она использовала проклятый правый хук, которому я её научил.

— Нет — ты не будешь сожалеть, или нет — ты не хочешь этого? — спрашиваю, растерянный от того, что она вспылила.

— Я никогда не буду сожалеть ни о чём, что ты делаешь со мной, Лаки, — она нахмуривается и поджимает губы.

— Тогда почему ты, черт подери, ударила меня, Бей?

— Потому что ты так долго со всем этим тянул!

Вдруг я чувствую, словно у меня никогда не было на то причин.

— С того первого дня на кухне, когда мне было тринадцать, и ты поцеловал меня, ты оставил моё сердце разбитым. Я пыталась полюбить других парней, пыталась преодолеть это. Я так отчаянно нуждалась в тебе, но всё, что ты делал, так это отталкивал меня и шёл трахать других баб.

Её рука лежит на её груди, и я просто нападаю на неё. С силой тяну её ноги вниз, чтобы она снова легла на спину. Поднимаюсь по кровати на коленях и приставляю мой член к её лицу. Одной рукой хватаю её за волосы, другой — основание своего стояка.

— Открой свой рот и покажи мне, что я потерял за это время. Если сделаешь это, я, может быть, возмещу тебе утраченное время.

Я, не сдерживаясь, трахаю её лицо. Знаю, это слишком жёстко, грубо, свирепо, но ничем не могу себе помочь. Я так долго хотел её, что быть внутри неё — всё, о чём я могу думать. Она давится, и её слюна сгущается до натуральной смазки. Я хочу обкончать всё её лицо, чтобы сперма стекала по её языку, но не раньше, чем я опробую её задницу. Хочу быть первым у Белен и единственным.

— Становись на колени, Бей, — спокойно командую я. Беру сгустившуюся слюну, свисающую с её нижней губы, тянусь к её заднице и тщательно смазываю её тугую дырочку. Она стонет с моим членом у себя во рту, когда я надавливаю пальцем на её задний проход.

— Тебе нравится, детка?

Её голова качается на моём члене, когда она кивает.

— Дай мне знать, если тебе что-то не понравится. Я буду продолжать делать это, так или иначе, но постараюсь быть хорошим, — улыбаюсь, когда произношу это, и её глаза расширяются в удивлении.

Не знаю, что вселилось в меня; обычно я не такой грубый. Это Белен так на меня действует — от вожделения я к чертям потерял свою голову. Может, я мог бы вытрахать это из неё, возможно, мы сможем насытиться друг другом. Но я знаю, что просто обманываю себя. Находиться внутри Белен — это только разжигает огонь. Заставляет меня хотеть её сильней, больше. Я хочу каждую улыбку, каждое вдох, каждое утро с ней — момент, когда она распахивает свои глаза.

Оттягиваю её рот от своего члена.

— Плюнь на мою руку, — требую я. Она немедленно повинуется, — положи голову на кровать с этого края, задницу подними высоко вверх.

Она поворачивается и делает, что я ей говорю. Её идеальная девственная попка, вздёрнутая вверх для меня, это практически убивает. Жёстко шлёпаю по одной половинке её попки, и девушка вскрикивает. Затем тяну её бёдра назад и зарываюсь лицом в её щель. Облизываю её тугую дырочку, пока она не начинает извиваться подо мной, и возвращаю её бёдра обратно. Провожу рукой, которую она увлажнила своей слюной, по всей длине её задней щёлки.

— Ты пытаешься сказать мне, что тебе это нравится?

— Да, — еле слышно отвечает она, возможно снова покраснев.

— Тогда скажи это. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я это сделал.

Она немного колеблется, словно не уверена, готова ли пройти через это, затем звучит её хриплый голос, никогда его таким не слышал. Один его звук заводит меня. Я почти кончил, не прикасаясь к ней.

— Пожалуйста, трахни мою попку, Лаки.

— Не слышу.

— Пожалуйста, трахни мою задницу! — она извивается под моими пальцами, которые разрабатывают её. Она как горячая сучка в период течки, моя маленькая двоюродная сестренка с тугой попкой. И я побеждён. Если бы она позволила, я бы упивался её попкой всю неделю. Я всё люблю в Белен, но брать и владеть её телом — это заключительный этап.

Я плюю на свою руку и смачиваю свой стояк. Помещаю его к её входу, и она хныкает от страха.

— Не говори мне, что тебе страшно, Белен, скажи мне, как сильно ты этого хочешь.

— Прошу тебя, не делай мне больно, — шепчет она.

— Боже, Белен! — говорю я, шлёпая её попку, — я помешан, бл*дь, на

тебе. Думаешь, я позволю кому-то когда-нибудь обидеть тебя? Включая и себя тоже?

— Нет.

— Ты умоляла трахнуть тебя, так что я и трахаю. Хочу, чтобы ты мощно кончила и никогда не забыла об этом, — выдаю я. Шлёпаю её киску прямо напротив клитора, и она подаётся назад, натыкаясь на головку моего члена.

— Хочешь этого?

— Да, — признаёт она, и я вижу, как подрагивают мышцы её спины.

— Тогда получай.

Белен толкается назад, и я протискиваюсь вперёд, проскальзывая прямо в её тёмную маленькую дырочку. Мой член пульсируют, и я боюсь, что кончу сразу же. Её мышцы всё ещё напрягаются от страха, а ноги подрагивают.

— Лаки, не двигайся, — произносит она с отчётливым страхом в голосе.

Я прижимаюсь к ней, и удивлённый громкий стон слетает с наших губ. Медленно двигаюсь, проталкивая свой член внутрь и наружу из её тугих стеночек. Никогда раньше не было ничего подобного. Белен потрясающая. Она так невинна и невероятно красива. Все те годы ожидания, и эмоции переполняют меня. Моя мошонка затянута, член готов взорваться. Кладу одну руку на её задницу и, наклонившись вперёд, другой стимулирую клитор. Она двигается со мной, подстраиваясь под темп, которым я трахаю её, и я могу сказать, что она сама этого хочет. Я потираю её клитор быстрее, ибо у меня больше нет сил сдерживаться.

Её первый крик эхом отдаётся в моей голове, и моё семя выстреливает внутрь её попки. Я вонзаюсь в неё, пока она продолжает стонать. Её киска насквозь мокрая — влажные доказательства стекают по её бёдрам. Её мышцы начинают работать, и я всовываю свои пальцы в её киску, чтобы почувствовать, как сильно она их сожмет. Её влагалище всё ещё жаждет меня. Она обратилась по адресу, ибо я превратился в проклятое животное.

Она падает вперёд, когда её оргазм проходит, и я выскальзываю из неё.

Она громко вздыхает, и это звучит как вздох полнейшего удовлетворения.

— Вот что было настоящим *траханием* тебя, Белен. С этого момента будь осторожна с тем, чего просишь, — предупреждаю я, погружая свой язык в её рот.

— Я вся твоя, Лаки. Ты можешь делать со мной всё, что угодно.

— Хороший ответ, — говорю я, укладывая её маленькое тело под свою

руку. Её ноги сгибаются, и она засыпает через несколько минут.

Семь месяцев в командировке, и я всё ещё буду иметь все эти воспоминания. Фейерверк с Белен — это просто какое-то гребаное безумие. Я зависим от неё больше, чем от какого-либо наркотика. Это её эйфории я жажду. Я всегда мог перепихнуться с любой женщиной, какую только пожелал. Я трахал их, оставлял, но моё сердце оставалось сожженным.

Но Белен потрясающая; с ней я всегда другой. Она целиком увлекает меня в другое место. Только она может это делать, и я не понимаю, почему. Белен — единственная, кто может потушить мой огонь.

Белен

Не то чтобы мы с Лаки собирались пожениться. Мы не намеревались звонить нашим матерям, чтобы сообщить им «у нас отношения — справляйтесь с этим сами». Они были бы разочарованы и убиты горем. Знаю, моя мама винила бы себя, и ради всего того, чем она пожертвовала для меня, я не буду этого делать. Мы с Лаки сказали себе, что секс может помочь нам вытравить эту болезнь из наших организмов, что нам нужно исследовать эти ощущения, так что теперь мы можем двигаться дальше в реальной жизни. Так больно прощаться с ним.

— Не хочу говорить, что позвоню или напишу, так как не знаю, какая там сложится ситуация.

Мы лежим на диване, моя голова у него на коленях. Мы занимались сексом до тех пор, пока не смогли больше двигаться, и заснули в полном изнеможении.

— Всё нормально. Я могу чувствовать тебя в своём сердце, и моё тело теперь тоже помнит тебя, — отвечаю я, поднимая руку, чтобы коснуться его лица. Что если бы всегда могло быть так? Что если бы мы с Лаки могли лежать, сплетаясь на диване перед нашей семьёй? Что если бы могли быть настоящими любовниками и с нетерпением ожидать всё большего удовольствия от наших тел?

— Раньше, когда я узнала, что тебя направили в войска, я была одержима, будто безумная. Я постараюсь держать себя в руках в этот раз, — говорю я решительно. Если Лаки достаточно мужественен, чтобы делать это, мне следует быть достаточно храброй, чтобы поддерживать его.

— Белен, если ты можешь двигаться дальше, я хочу, чтобы ты это делала, — выдаёт он, но при этом выглядит практически раздавленным. Одной рукой он гладит мои волосы, пока другая покоится на моей

пояснице.

Я киваю и всхлипываю. Я заплачу, если скажу что-нибудь.

— Не то чтобы я этого хотел. Мы не можем завести детей, не можем рассказать людям, кем мы приходимся друг другу, и это, не принимая во внимание, наши семьи. Тётя Бетти отрезала бы мне член. Моя мать убила бы меня.

— Поверь мне, я осознаю все трудности, — отзываюсь я, свернувшись на его коленях. Запах Лаки успокаивает меня как ничто иное. Его прикосновение — всё, о чём я когда-либо мечтала и даже больше. — Давай не будем говорить об этом. Давай просто будем жить настоящим.

— Мне нужно уезжать через несколько часов, — признаётся Лаки, поднося руку ко лбу. Он огорчён, я могу сказать наверняка, ибо хорошо знаю его лицо.

— Тогда люби меня эти оставшиеся часы, — прошу я и чувствую, как его член реагирует просто на мои слова. Нам было предназначено быть вместе, я не могу отрицать этого. Лаки владеет каждой частью меня, моим прошлым и будущем. Не думаю, что для меня возможно двигаться вперёд. Как бы я смогла даже захотеть отпустить такую полную и совершенную любовь?

Лаки тянет меня вверх так, чтобы я оседлала его колени. Его руки скользят вниз к моим бёдрам, и я покачиваю ими напротив него, когда он тянет меня для поцелуя. Поцелуй Лаки — неспешная и чистая, сконцентрированная любовь. Его бархатный язык мягко властвует над моим ртом, скользя губами по моим губам. Этот поцелуй кружит мне голову — я ослеплена его пылающей любовью.

Его эрекция растёт между ног, и это делает меня влажной. Чувствую, как мои трусики промокают, и тело готовится принять его. Я медленно раскачиваюсь напротив него, и он захватывает своей рукой мою плоть под попкой. Движения его рта от нежных перерастают в доминирующие, но всё так же наполнены любовью. Лаки рывком сдирает с меня майку и бросает через всю комнату.

— Тебе следует надеть обратно повязку, — говорит Лаки, целуя мою руку.

— Не могу её носить. Она заставляет чувствовать себя связанной.

Его губы движутся вниз вдоль моей шеи и ключицы. Он целует моё плечо, затем местечко прямо над грудью.

— Не знаю, как вообще попрощаться с тобой, — шепчет Лаки, зарывшись лицом в мои волосы.

— Тебе и не нужно. Я всегда буду здесь для тебя.

— Я хочу лучшего для тебя, Бей. Мне нечего тебе предложить.

Он водит носом по моей груди, и засасывает мой сосок в свой тёплый рот. Его язык легко задевает сосок, и я шире развожу ноги, моя попка заполняет его руки.

— Белен, — выдыхает Лаки, и я умираю, слушая, как он произносит моё имя, его голос наполнен опасением и жаждой одновременно.

Наклоняясь вперёд, я кладу руку на его бедро, перекидываю через него ногу и становлюсь на колени между его ногами. Он берёт мой подбородок и приподнимает моё лицо, чтобы я взглянула на него.

— Ты хоть представляешь, что делаешь со мной?

— Я хочу отсосать тебе. Я хочу сделать для тебя всё, Лаки, все те вещи, которые мы упустили за всё то время, пока мы были разлучены.

Лаки наклоняется вперёд и захватывает мой рот. Он обнимает меня за спину, крепко сжимая.

— Может, мне стоило взять тебя, когда тебе было тринадцать, прямо там, на кухне матери, — говорит он, поднимая бровь, идеальная улыбка Лаки проскальзывает в этой шутке.

— Я бы тебе позволила, — отвечаю, стаскивая его штаны только одной рукой.

— Маленькая шлюшка, Бей, — одобряет Лаки, его улыбка расплывается по всему лицу. Он зажимает мой сосок, и я внутренне извиваюсь. Жар пробирается к поверхности моей кожи. От этого я краснею. Для него я всегда становлюсь разгорячённой. Я помню тот день и всё, что тогда ощущала.

Вдруг это все становится больше, чем шутка. Я снова на той кухне в изумлении от его мужественности и тем, как моё тело отвечает ему.

— Помнишь, как я прижал тебя к своему члену? — шепчет Лаки. Мы оба заведены до сумасшествия, как тогда, так и сейчас.

— Те чувства были совершенно новыми. Даже не знала, что такое могло быть, но знала, что хотела тебя.

— Ты бы позволила мне, как думаешь?

— Да, — выдыхаю ответ в его ухо. Мы разделяем одинаковые грязные секреты. Мою кожу покалывает, когда он трётся щекой об меня.

— Ты была слишком молодой, — отвечает Лаки.

— Я была безрассудной. Я всегда принадлежала тебе.

Лаки хватает мой затылок и жёстко целует; другой рукой он расстёгивает свои штаны и стягивает их вниз, пока они не спускаются до лодыжек.

— Не хочу говорить о будущем или о том, что нам делать потом. Не

хочу обсуждать, что с нами не так из-за нашего желания быть вместе. Просто хочу чувствовать тебя. *Всё, что я хочу ощущать — ты*.

Он стремительно двигается вперёд сидя на диване, держа свой стояк у основания. Он ласкает моё лицо своей эрекцией; я поворачиваю голову и захватываю губами лишь упругую головку. Медленно работаю ртом вдоль его длины, пока он не становится полностью скользким от моей слюны.

— Хочу попробовать твою сперму на вкус, — говорю я, на что его член дёргается в ответ.

— Знаешь, сколько девичьих лиц я обкончал, Бей, представляя тебя, твоё личико, вместо них?

Его слова согревают моё сердце, и это, наверное, несправедливо по отношению к другим девушкам, которые хотели его и верили, что он был там с ними, пока они отсасывали ему. Сколько же раз мы думали друг о друге во время оргазма?

— Я дам тебе это сейчас, в реальности, чтобы ты мог сравнить с фантазией, — шепчу я прямо перед тем, как заглотнуть своим ртом всю его длину целиком.

— Иисусе, Белен, я уже готов кончить только от того дерьма, что вылетает из твоего ротика.

Я кладу руки на его крепкие бёдра и качаю головой в такт его бёдер. Он глубоко трахает меня своим членом в горло, но без агрессии, которая была в первый раз. Не могу вобрать всего его. Я хочу взять его целиком — чтобы это ни значило: давиться его членом или принимать его в попку, если он того захочет. Я почти хочу, чтобы Лаки причинил мне боль, чтобы почувствовать смущение от этих желаний. Потому ли это, что я жажду все запомнить? Может это из-за того, что эта любовь причиняет так много боли внутри, так что я хочу ощутить эту боль и снаружи? Желаю, чтобы боль выгравировалась на моей плоти, как она вытатуирована в моём сердце.

Я заглатываю его до тех пор, пока не давлюсь, и мои глаза слезятся, будто я плачу. Лаки отодвигается, вытаскивая член, и снова приподнимает мою голову. Он смотрит на меня с замешательством и с такой невыразимой нежностью, что это вгоняет кол прямо в моё сердце.

— Не убивай себя, детка. Сядь ко мне на колени, — говорит он, держа свою эрекцию одной рукой и вытирая сгустившуюся слюну с моего лица второй.

— Я чувствую себя испорченной. Думаю, это неизлечимо, — шепчу я и вытираю подбородок тыльной стороной своей ладони. — Я всё ещё хочу попробовать твою сперму на вкус. Хочу сделать всё до того, как ты уедешь,

чтобы не осталось неизведанных моментов.

Лаки кивает и это меня успокаивает. Он не думает, что я больная, порочная, или даже испорченная. Он понимает моё отчаяние и хочет мне помочь.

— Объезди мой член, пока не кончишь, и затем я залью спермой твоё лицо, чтобы ты могла её попробовать.

Я громко стону и теряю голову в экстазе от его слов. Чем грязнее его слова, тем больше мне нравится. Чем более животным он становится, тем больше воспламеняется моё либидо. Его слова заставляют меня течь и сходить с ума. Я встаю, чтобы оседлать его, но Лаки хватает мои бёдра и рывком притягивает к своему лицу. Он жадно поглощает мою киску так, что моя голова начинает кружиться. Он снова медленно проникает в неё языком и жёстко опускает меня вниз, глубоко пронзая своим членом, насаживая меня словно на кол. Я вновь стону и откидываю голову в экстазе. Лаки крепко хватает мои ягодицы и засаживает себя ещё глубже в мою киску.

— Когда мы были детьми, я наложила на тебя любовное заклинание.

Лаки отвечает мне движением своих бёдер, врезаясь в меня по самое основание члена.

— Думаю, это сработало, — отзывается он затруднённым от напряжения голосом. Кладу свою здоровую руку ему на плечо и раскачиваюсь на его крепком члене, что есть сил.

— Не злишься на меня? — задаю ему вопрос.

— Как бы я мог? У тебя волшебная киска, Бей, и прямо сейчас я трахаю её.

Чувствую, как краснею, но может это просто любовный наркотик, что заставляет повышаться температуру моего тела и делать ритм моего сердца ошалевшим.

— К тому же, я дрочил на твоей кровати бесчисленное количество раз, когда тебя не было дома, — говорит Лаки и затем зажимает мои соски своими пальцами.

Чувствую, как возбуждение омывает всё моё тело, подталкивая ближе к краю оргазма.

— Правда? Я собираюсь кончить, просто думая об этом.

Лаки засовывает два пальца мне в рот и проводит вокруг моего языка. Я пытаюсь пососать их, но он их вытаскивает.

— Плюнь, милая, — командует он, и я сплёвываю слюну на его пальцы.

— Я уже близко, Лаки. Не могу терпеть.

— Подожди, притормози, — требует он. Лаки оборачивает руку вокруг моего тела и засовывает два пальца в мою попку. Я на грани. Мышцы моего живота сжимаются, и пальцы впиваются в его плечи. Лаки играет своими пальцами в моей заднице, и моё тело от этого взрывается. Я могу ощущать, как сокращаются мои внутренние мышцы вокруг его набухшего пениса. Я взлетаю так высоко, что практически теряю сознание. Но из тела постепенно уходит напряжение, и я медленно двигаюсь вверх-вниз на нём, пока приливная волна удовольствия расходится в каждый уголок моего тела. Лаки затем сбрасывает меня, как только я прихожу в себя. Он кладёт меня вдоль дивана, берёт в руку свой член и сразу же начинает дрочить его.

— Открой рот, Белен. Ты всё ещё хочешь мою сперму?

— Да, — стону я. Затем встаю на четвереньки и с жадностью ползу к нему. Моё лицо совсем близко как раз тогда, как его сперма начинает выстреливать. Я оборачиваю свои губы вокруг его кончика и глотаю его густую сперму. Лаки вдавливает всю свою длину в моё горло, пока его оргазм отступает. Мои губы хлюпают, когда он вытаскивает свой член, и Лаки снова хватает мой подбородок.

— Не позволяй мне заходить так далеко, чтобы причинить тебе боль, — я киваю в ответ, но всё, о чём могу думать, это как я сильно хочу, чтобы он именно это и сделал.

Лаки подхватывает меня под руки и поднимает к своей груди. Убаюкивая меня как ребёнка, он возвращается в спальню и кладёт меня на кровать, затем заползает позади меня и оборачивается вокруг меня всем своим телом.

— Я всегда буду принимать всё, что бы ты мне не дал.

— Я так сильно люблю тебя, Ленни. Это убивает меня.

— Я больна тем же, Лаки. Я люблю тебя до потери пульса.

Мы вместе засыпаем, укутанные телами друг друга, становясь друг для друга мягкими одеялами комфорта. Не знаю, что с нами случится, но что бы ни было, по крайней мере, мы с Лаки разделяем эту больную любовь друг друга.

***

Лаки будит меня в три утра. Он в холодном поту, глаза мечутся по комнате, и выглядит он так, словно страдает от недавней травмы.

— Я могу быть с тобой, Ленни. Я знал, какой разбитой ты была, когда я был с другими. Моё сердце гибло вместе с твоим. Мог чувствовать, когда ты разрушалась. В тот день на кухне я знал, что сломал тебя. Это толкнуло

меня через край, и я поцеловал тебя. А потом с Яри. Я был так жесток с тобой. То, что я причинял тебе боль, рвёт, бл*дь, меня на части.

— Я уже сказала тебе, Лаки. Я всегда приму всё, что бы ты мне не дал. Я могу справиться с этим, до тех пор, пока всё исходит от тебя.

— Я обожаю тебя. Я был глуп, когда бежал от нас. Как грёбаный идиот я оттолкнул тебя.

Он будто сам не свой, неистовый — как под действием наркотиков, словно хочет высказать всё, что у него на уме этой ночью.

— Сейчас мы вместе, вот и всё, что имеет значение, — говорю я, поглаживая его лоб.

— Будь со мной вместе навсегда, когда я вернусь. Мы начнём новую жизнь…

Я кладу свои пальцы поверх его губ. Не хочу, чтобы он что-то говорил. Боюсь, как бы его слова не сглазили будущего.

— Обещаю тебе, Лаки: неважно, что случится — здесь или там, со мной или тобой — ничто не сравнится с этой любовью. Ничто.

Лаки притягивает меня в свои объятия и крепко сжимает. Никогда не видела его таким нуждающимся. Он кивает в согласии и смотрит мне в глаза. Я в ответ изучаю его тёплый взгляд, его лицо, как когда я была ребёнком до тех пор, пока сон не приманивает в свои сети. Рассматриваю его тёмные ресницы, дрожащие на щеках, помню его веснушки, исчезнувшие со временем. Старый шрам от ожога на его лбу, изгиб его верхней губы, маленькая впадинка между его губами и носом, лоб — всё это отчётливо отражает, как наша любовь отягощает его сердце.

Мы вместе засыпаем под густым мёдом нашей любви, похороненной под этой сладостью, словно прекрасный секрет, который мы прячем от мира. Мы любим намного глубже, чем расстояние до дна колодца, где моё стеклянное сердце хранит его имя, и ни один из нас не чувствует стыда за это.

Лаки

Я просыпаюсь на рассвете. Такова жизнь морских пехотинцев — ты даже подписываешься на внедрение собственных внутренних часов.

Белен спит в моих руках. Это лучшее, что я когда-либо чувствовал. Мой член твёрд и полностью готов, и для этого мне даже не надо трахать её. Я счастлив до предела, просто держа её в объятиях, ощущая её запах, наблюдая за ней.

Я лежу неподвижно, прислушиваясь к её дыханию, вслушиваясь в её

сердцебиение до тех пор, пока моя рука не начинает болеть, и я не начинаю беспокоиться о возвращении обратно в город: попрощаться с матерью и добраться на базу в установленное время.

Входная дверь со стуком открывается, и я слышу, как кто-то копается в коридоре. Я знаю, у Белен есть соседка по квартире, но думал, она на месяц уехала. Поднимаюсь с кровати, натягиваю джинсы и выхожу на кухню.

Это и есть её соседка; она осматривается в буфете, вытаскивая фильтры для кофе.

— Люси? — спрашиваю я, вроде как Белен упоминала, что её так зовут.

Она оборачивается и осматривает меня с босых ног до головы. Я не потрудился надеть рубашку.

— Лаки, — отзывается она, поворачиваясь обратно к кофеварке.

— Мы с Белен… — чувствую, что не стоит говорить «кузены».

— Я знаю, кто ты, — говорит Люси, наливая воду в кофемашину, — хочешь кофе? Когда ты приехал?

— Позавчера. Я думаю, она упоминала, что тебя не будет где-то месяц.

— Так и было, пока я не получила её е-мейл о Джен. Не хотела, чтобы она была одна. Я не знала, что ты приедешь.

— Джен. Да, именно поэтому я и приехал. То есть, я бы всё равно приехал, но решил сделать это раньше из-за происшествия с Джен.

— Уезжаешь сегодня?

— Да, — отвечаю, облокотившись на печку. Я даже не знаю эту девушку, но мне нужен кто-то, с кем можно поговорить, — хоть я и не хочу её оставлять. Боюсь, она не будет в порядке без меня, — напряжение, наконец, накрывает меня, и я провожу руками по лицу, потирая бровь основанием ладони.

— С ней всё будет нормально. Вы, двое, вместе? — спрашивает Люси, и я не знаю, как много ей известно, но уверен, что она имеет в виду секс.

— Я трахал её дюжину раз в период между вчера и сегодня, если ты об этом. Я не говорю, что она нуждалась в сексе, но надеюсь, это всё улучшит. Сам не знаю, почему так долго с этим тянул.

— Проблема Белен не только в том, что она любит тебя больше всего на свете, Лаки. Ещё и в том, что она убедила себя, что это болезнь, а она какая-то ненормальная.

— Знаю. Частично это и моя вина. Думаю, она нуждалась в убеждении, что она не была сумасшедшей, не одна испытывала всё это. Я никогда ей этого не давал. Большую часть времени я лажал, всё портил,

Люси, — я скрещиваю руки на груди, доверяясь абсолютной незнакомке.

— Думаю, теперь это поможет. Я всегда чувствовала, что её сердце на самом деле разбито. В качестве друга ты можешь сделать не так уж и много.

— Спасибо за то, что ты сделала. За что, что любила её без осуждения.

— Дерьмо, Лаки, посмотри на меня, — просит Люси, и я замечаю, как она выглядит. Она красит губы яркой помадой и стрижет волосы под мужскую стрижку. Она зачесывает волосы вперёд так, что получается причёска «утиный хвост»[63]. На ней надеты армейские ботинки, джинсы и чёрная футболка с «Отбросами»[64]. Она выглядит так, словно сможет надрать тебе задницу при желании.

— Я выросла в достаточно набожной семье католиков. Думаешь, они хотели бы услышать, как сильно болит моё сердце? Не сказать, что я была там, но всё поняла.

— Не думаю, что могу попрощаться с ней, — выдаю я, держа свою руку на груди, будто моя грудная клетка может расколоться. Я собираюсь раскрыться перед совершенно незнакомым человеком.

— Тогда иди. Проваливай. Я позабочусь о ней, — я киваю, но клянусь, не могу даже вынести мысли об этом. Это заставляет меня хотеть напиться, обдолбаться или ударить кого-то или что-то.

Вернувшись в её комнату, я хватаю одежду, натягиваю рубашку через голову и засовываю ноги в ботинки. Белен мирно спит — она похожа на ангела. Вся моя сила воли уходит на то, чтобы не схватить её и не целовать, пока она не проснётся.

— Ленни, ты наилучшее и наихудшее, что случалось со мной в жизни, — шепчу я ей, выходя из комнаты.

— Лаки, не будь таким угрюмым, — говорит мне Люси на кухне, — у меня есть план. Этим летом я вытащу её жалкую задницу в Испанию. Больше никакой сумасшедшей работы библиотекаря для Белен. Я думаю об Ибице, Гибралтаре, Севилье и Майорке. Сангрия[65], чоризо[66], херес[67] и музеи. Много солнца, много еды и может даже свидания с какими-то мужчинами.

— Думаю, я уже люблю тебя за это, — говорю я, находясь на грани того, чтобы не расплакаться. Мне нужно выбраться отсюда. Не могу смотреть, как она просыпается, поцеловать её на прощание и, повернувшись к ней спиной, просто взять и выйти за дверь.

— Мы знакомы уже четыре года. Она для меня как сестра.

Я жму руку Люси, и она пожимает мою в ответ словно брат, даже знает, где в конце надо стукнуться плечами. Я разворачиваюсь и делаю несколько шагов к двери.

— Как бы по-конченому это не звучало — для меня она имеет такое же значение. У меня нет никого ближе. Сомневаюсь, что когда-то и найдётся, — я кладу руку на дверь, собираясь открыть её толчком, — может, никаких мужчин…

— Лаки, проваливай уже отсюда.

Улыбаюсь Люси, и она возвращает улыбку в ответ.

Я выхожу во двор и поднимаю лицо к небу. Теперь оно голубое, а не темно-серое, как когда я приехал сюда. Снежные облака опустели и двинулись дальше. Моё сердце колотится в груди, словно я бегу от чего-то. Догадываюсь, что я бежал от Белен все эти годы. Я никогда не смогу спастись от неё. Не уверен, что хотел этого когда-либо.

Моё сердце ожило и гонит по моей крови что-то свирепое, но могу поклясться, что впервые в моей жизни в нём нет сумасшедшего огня.

21 глава

Белен

Сложнее всего в прощании с Поукипзи было найти новый дом для Наполеона. Люси планирует обойти с рюкзаком всю Европу и затем Южную Америку. Она пыталась заставить своих родителей в Чикаго взять Наполеона, но у них аллергия.

В конце концов, я придумала идеальный план. Мы изучаем, каким образом мы могли бы зарегистрировать Наполеона в качестве служебного животного в больнице или доме престарелых этого района. Я читаю статью о том, насколько жизненно важными могут быть животные-компаньоны для чьей-то реабилитации, когда меня осеняет мысль, что я уже знаю подходящего человека.

Люси отвозит меня с Наполеоном на заднем сидении к Брайану. Его газон давно пора бы скосить, но перед домом как раз цветёт черешня. Идеальные розовые лепестки осыпаются дождём на подъездную дорожку и землю вокруг.

Я стучу трижды, но никто не отзывается. Чувствую себя последней задницей за то, что не приехала раньше. Но Брайан пугал меня до чёртиков. Лишь одна ступень разделяет его и того, кем я могла бы стать.

Дверь с сеткой закрыта, но дверь позади открыта. Везде выключен свет, и в доме темно. Я открываю сетчатую дверь и захожу в кухню Брайана.

Столешницы завалены распакованными баночками из-под супа и коробками телеужина[68]. Везде на кухонном столе разложены газеты, некоторые валяются на полу. Почта, которую засовывали в дверную щель, так и осталась лежать огромной кучей там, куда упала.

— Брайан? — зову я дрожащим неуверенным голосом.

Никто не отзывается, так что я включаю свет и двигаюсь по направлению к гостиной.

Брайан сидит в кресле выпрямившись. На нём растянутая футболка и пара пижамных штанов.

— Брайан? — зову я встревоженно. Он выглядит осунувшимся, больным, и я не вижу, чтобы его грудь двигалась, вдыхая.

— Брайан? — повторяю я, делая осторожный шаг ближе к нему.

Его глаза широко распахиваются, и я делаю при этом резкий вдох.

— Белен! — отзывается он, — что ты тут делаешь?

— Привет, — здороваюсь я, подбегая к нему, чтобы обнять, — я приехала, чтобы проверить, как ты здесь вообще справляешься. И ещё спросить, не хотел бы ты оставить нашу собаку у себя в качестве компании.

— Помоги мне подняться, — просит он, и я хватаю его за запястье, подтягивая вверх, — и какая же у тебя собака, Белен? Почему ты не можешь оставить её у себя?

— Это собака моей соседки по комнате. Она — нечистокровный питбуль, и родители Люси не возьмут её. Мы с Люси собираемся уехать в Испанию на весь месяц, а потом продолжить оттуда своё путешествие по Европе. У Наполеона доброкачественная опухоль, и она должна есть специальную еду. Ей необходимо много внимания и тот, кто её полюбит.

— У меня никогда не было собаки, — признаётся Брайан, проводя пальцами по волосам. Он выглядит так, словно не мылся несколько дней, его лицо обросло щетиной. — Ты привезла её с собой? — спрашивает он, вскидывая голову. Брайан проходит на веранду в кухне и отодвигает шторы, впуская солнечный свет.

— Она в машине с Люси. Мне сходить за ней?

— Да, конечно. Извини за этот беспорядок.

— Я помогу тебе с уборкой, да и Люси, я думаю, тоже, — говорю я, выскальзывая за дверь. Моя мама выдраила бы дом Брайана с помощью швабры, мусорного ведра и бутылки фиолетового Фабулозо. Врубив Энтони Сантоса на полную и подтанцовывая, она бы прибрала всю грязь в

мгновение ока.

Наполеон вбегает в кухню и направляется прямо к Брайану. Он приседает, чтобы погладить её, и его лицо расплывается в улыбке.

Через два часа дом почти без единого пятнышка. Брайан на заднем дворе бросает теннисный мяч Наполеону, и я не могу с точностью сказать, кто из них улыбается шире.

Люси собрала весь мусор на кухне и рассортировала его по мусорным контейнерам. Я вытираю от пыли фотографии Джен и Брайана на каминной полке. На одной они стоят в гавайских рубашках и с цветочными гирляндами на шеях. У Джен длинные светлые волосы, а Брайан с усами и к тому же с тропическим загаром. Следующее — их свадебное фото — выглядит очень состарившимся. У Джен одна из тех странных вуалей, к которым полагается шляпка. На Брайане белый смокинг и большие густые усы.

— Тысяча девятьсот восемьдесят первый, — говорит Брайан, Наполеон стоит возле него, тяжело дыша, — дом выглядит отлично, Белен, даже не знаю, как вас благодарить.

— Мне действительно стоило прийти раньше, Брайан. Я была ужасным другом. Я боялась, ты будешь зол на меня. Боялась, что это была моя вина, потому как я не смогла её спасти.

— Никто не мог её спасти. Даже сама Джен, — произносит Брайан, бессознательно поглаживая голову Наполеона.

— Ну, что думаешь, хочешь взять её к себе? Я понимаю, это серьёзное решение, и совсем несправедливо вот так вот внезапно приезжать к тебе и просить об этом.

— Я оставляю её, Белен. Думаю, это принесёт нам обоим пользу.

— Да, она на самом деле очень милая собака и любит внимание.

— Я имел в виду тебя и меня. Поезжай, Белен. Не позволяй целой вселенной разваливаться из-за одного человека.

***

В Музее Прадо[69] мы проверяем наши рюкзаки и проводим весь день, рассматривая картины. Мы поспали в хостеле и проехали по стране в сверхскоростном пассажирском экспрессе, слушая живую музыку в тапас[70]-барах и ели как обжоры. В Мадриде мы планируем воспользоваться всеми видами удивительного искусства, которые только может предложить нам город.

Когда мы проходим мимо картины Диего Веласкеса *«Менины»*[71], я сразу же узнаю её из учебников по истории искусств. Веласкес был назначен придворным художником при испанском короле Филиппе IV — это была престижная должность, требовавшая от него написания портретов всех членов королевской семьи. Некоторые фигуры на картине выглядят очень странно. Наш профессор по истории искусств объяснял, что король Филипп и все Габсбурги сохраняли свою королевскую родословную веками путём кровосмешения. Поэтому эта семья была известна безобразно большой и чудовищно выглядевшей челюстью, как и задержкой в росте и некоторыми проявлениями карликовости.

— Я собираюсь выйти наружу покурить, — говорит Люси, надевая обратно крышку объектива на свою дорогую камеру, которую она купила только ради поездки.

— О’кей, я ещё минутку задержусь здесь.

Я жадно рассматривала фигуры на картине, прямо как в тот день, когда на уроке мы изучали испанскую живопись Золотого века. Помню, как студенты вздыхали и усмехались, пока профессор объяснял, насколько распространёнными были межсемейные браки и производство наследников, нацеленное на сохранение королевской кровной линии. По-видимому, королевская родословная превосходила даже рецессивные гены мутации и клеймо позора.

Я вытираю слёзы, текущие из моих глаз; я даже не поняла, что начала плакать. Пристально всматриваюсь в лицо странно выглядящего ребёнка на переднем плане и думаю, что у неё ведь не было никакого выбора в том, где рождаться, за кого ей выйти замуж, будут ли её дети изуродованы и смогут ли вообще выжить. Она была экспериментом, а не корнем проблемы.

Все мы части рассказа, который сами не писали. Может, Бетти в любом случае влюбилась бы в Льюиса. Возможно, он был бы для неё единственным, независимо от того, из какой семьи он бы происходил. Когда перо попадает в наши руки, мы не в силах стереть прошлое. Все, что нам позволено — шанс создать новый финал. Бетти сделала все, что смогла с теми обстоятельствами, какие у неё были. Вроде как позорная любовь моей матери на самом деле была абсолютно невинной.

Я не вписывала Лаки в свою жизнь, но я действительно пыталась выписать его оттуда. Единственный финал, который я бы хотела — тот, частью которого был Лаки.

Я встречаю Люси снаружи. Мы садимся на траву и расслабляемся,

пока не засыпаем в парке Ретиро[72]. Я просыпаюсь, поднимая голову с живота Люси, когда солнце уже почти село. Мы без понятия, где будем есть или спать. Люси жуёт травинку, читая наш путеводитель. Она сбросила свои ботинки и сидит с голыми ступнями на траве.

— Бей–Бей, не хочешь ли ты поехать в Португалию? Лиссабон называют «белым городом»[73]. Выглядит невероятно — только взгляни на эти фотки пляжа.

— Ты продолжаешь менять наш маршрут, — говорю я, вытирая сливу о край своего топа и откусывая кусочек, — мы пропускаем места, которые планировали посетить, и останавливаемся, где получится, в промежутках.

— В этом вся суть. Мы можем делать что, чёрт возьми, захотим, ехать куда пожелаем. Это и есть свобода.

Я забрасываю косточку от сливы как можно дальше. Небо бесконечно голубое и в воздухе пахнет цветами.

— Я поеду в Португалию, почему бы нет?!

Люси улыбается мне и садится, чтобы надеть свои ботинки обратно.

— Умница, Бей.

22 глава

Лаки

Мы находимся в разведывательной миссии на юго-западе Ирака. Это одна из наших самых долгих миссий вдали от базы, и Аравийская пустыня кажется бесконечной. В течение нескольких недель мы тренировали свои навыки выживания, характерные для этого конкретного региона, типа всегда держать свою голову покрытой, ибо солнце чертовски жарит, так, будто прожжёт дырку через каску. Мы сталкиваемся с температурами около сорока градусов по Цельсию. Эту пустыню называют Аль-Дибдибах. Я называю это место пляжем Орчард[74] и рассказываю парням, что в любую минуту мы прыгнем в воду, где цыпочки с пышными бёдрами и круглыми попками будут становиться в очередь, чтобы просто пофлиртовать с нами.

Из взвода нас здесь четырнадцать человек, и мы достаточно хладнокровны, но четыре дня здесь могут заставить чувствовать, что ты снимаешься в «Безумном Максе»[75] и в любую минуту столкнёшься с чокнутыми байкерами-психами, готовыми застрелить тебя. Но единственное, с чем мы столкнулись — несколько закалённых бедуинов.

Наш парень Марк — переводчик, и мы остановились поторговаться с ними и задать пару вопросов. У них не было никакой особой информации, что нас не удивило. Не могу поверить, что они живут вот так: ставят палатку посреди ничего. Почему бы не возле реки, здесь у них есть несколько, или возле леса, чтобы получить хотя бы дюйм грёбаной тени.

Мы ищем поток оружия, который, по слухам, проходит между городом Аль-Басра[76] и Саудовской Аравией[77]. Если мы найдём след, они отправят наши эскадрильи обезвредить его. Миссию могут даже завершить, используя дроны. Мы просто гиды, и мы не получим ничего интересного. Но сегодня мы возвращаемся, потому что мы подошли слишком близко к границе. Похоже, встреча по обмену оружия на самом деле была просто слухом.

Мне нравится, что я вижу птицу, когда смотрю в небо. Это случается не так часто, но когда я её замечаю, то хотя бы чувствую, что нахожусь на земле, а не потерян где-то в бесконечной песчаной яме. Мы путешествуем на бронированных машинах Хамви[78], которые могут передвигаться по песку, но большую часть времени мы ходим пешком. Для наземного нападения риск низкий, так как мы можем видеть на мили вперёд в каждом направлении. Единственные самолёты, которые пролетали над нами за четыре дня, были наши собственные — сбросив нам припасы: еду, воду и боеприпасы. Командир нашего взвода сказал, что первая сброшенная партия как сервис «на ходу» в казино Сендс в Лас-Вегасе.

Я привык к этой жизни. Это просто стало моей работой. Вместо того, чтобы упаковывать продукты в Хайтс, я пробираюсь через пустыню посреди мира. Я часто вспоминаю свою старую жизнь и задумываюсь, что было бы со мной, если бы я не выбрался оттуда. Я бы всё так же был обдолбан, торговал травкой и жил с матерью.

И я думаю о Бей. О да, я думаю о ней часто и много. Больше, чем любая другая женщина, которую я когда-либо знал, она глубоко вонзилась в меня, оставив след внутри. Я помню, как звучало её дыхание, когда она возбуждалась от моих поцелуев. Я вспоминаю обо всём том стрессе, напряжении и усилиях, которые я прилагал, чтобы избегать её. Затем я думаю о том, как приятно было отбросить это всё и наконец-то взять её.

Я гадаю, есть ли у неё мужчина или она всё так же использует меня, чтобы кончить. Интересно, счастлива ли она, улыбается и показывает ли всему миру, насколько она особенна. Не позволю себе думать о её глазах, когда они были полны муки, когда она так страдала от желания обладать мною.

Белен… кто знает, что она бы подумала об этой пустыне? Она наверняка знает о ней больше меня, она объяснила бы её местоположение и рассказала бы нам всё, о чём мы никогда и не слышали. Что бы она сделала с Лусианом Кабреро, морпехом? Я скучаю по её смеху, запаху и её маленькому упругому телу. Скучаю по тому, как её пальцы впивались в меня, пока она кончала, и как всё её тело дрожало от ощущений и эмоций.

Я нуждаюсь в ней. Я могу чувствовать эту нужду как физическую боль в груди. Нет ничего, чем бы я мог заполнить эту пустоту, она только для Ленни, и я почти уверен, что эта боль будет со мной всю жизнь. Иногда я задумываюсь над её словами о том, как она любила боль, ибо это было тем, что мы разделяли на двоих. Поэтому я стараюсь не бороться с этим, пусть просто болит.

Я думаю о Ленни, когда машина позади меня взрывается.

Белен

Мы в Кашкайше, на побережье Португалии, сидим у моря. Вода здесь — глубокая кобальтовая синева. Я съела больше осьминогов, чем следовало. Люси достала нам свежих морских ежей, которых мы вскрыли и съели живыми. Всё это похоже на рай на краю утёса.

— У тебя была возможность поговорить с матерью?

— Я получила от неё мейл в интернет–кафе. Я пыталась позвонить прошлым вечером, но она не взяла трубку.

— Мы можем зайти в центр международной связи и попробовать ещё раз. Может, ты сможешь застать её перед тем, как она уйдёт на работу.

Люси допивает свою колу и оплачивает счёт. Мы оставили наши рюкзаки в хостеле, так что мы осматриваем достопримечательности, взяв с собой кошелёк, камеру и сумку с купальниками и шлёпанцами. Я загорела как никогда, и мои волосы выгорели от солнца, став светлее, более натурального оттенка. Думаю, весь этот витамин D дал мне мощный стимул; я без проблем хожу весь день, а потом танцую всю ночь. Интересно, узнал ли бы меня кто-то из колледжа или из Хайтс. Задумываюсь, расцветаю ли я, тот ли это момент, о котором рассказывала мне мама.

Мама отвечает после третьего гудка. У неё сейчас шесть утра и я, возможно, застаю её как раз после душа.

Но вместо взволнованности я слышу разочарование в её голосе — будто она ждала звонка от кого-то ещё, а звонок от дочери обманул её ожидания.

— Мам, это Белен, — здороваюсь я, — я звоню из Португалии.

— Ох, *mi hija*, я надеялась, может это был звонок о Лаки.

— Почему? — спрашиваю я, и весь мир уже начинается вращаться перед глазами. Знаю, что что-то случилось ещё до того, как она начинает говорить.

— О, Белен, не хочу говорить тебе вот так.

— Нет другого способа, просто скажи, — требую я.

— Его батальон взорвали. Выживших нет. Тела отправляют в Германию для идентификации, а затем вернут домой. Из того, что мы знаем, это произошло в прошлую среду. Они были в пустыне уже несколько дней, и это нападение было абсолютно неожиданным. Возможно, это была ракета. Они не могли её заметить. Благо, что хоть никто из них не страдал, *mi vida*.

— Только не Лаки. Нет, мам, только не он.

— Чуть раньше на этой неделе мы отправили стоматологические записи. Теперь ждём подтверждения идентификации.

— Нет, мам, пожалуйста, только не Лаки.

— Белен, такая вероятность была всегда. Он знал об этом и пошёл на риск. Он хотел служить своей стране. Величайший дар Лусиана был в том, что он защищал тех, кого любил. Он умер, служа другим — этого он хотел бы.

— Тела уничтожены? Их ещё можно опознать? — моя грудь разрывается от мысли о теле Лаки — таком прекрасном, — которое больше не принадлежит этому миру. И личность внутри него — он был всем, что я когда-либо хотела.

— Я не уверена, в какой степени, Белен. Авильда говорила с людьми на базе, как и с другими, в Германии. Может тебе стоит вернуться домой, милая. Ты нужна нам. Нам всем надо быть вместе.

— Где именно в Германии?

— Это военный госпиталь. Сейчас, у меня записано. Региональный медицинский госпиталь Ландштуля[79] возле Ландштуля, Германия. Думаю, они принимают всех раненых и пострадавших.

— Я еду в Германию. Я должна. Дай мне контакты или позвони им, скажи, что я приеду, — вытираю пот со лба и отбрасываю ручку, которую сжимала.

— Белен, *amor(прим. с исп. – милая)*, ты слышала меня? Выживших не было. Это был взвод Лаки, и никто не остался в живых. Я люблю тебя, *corazón(прим. с исп. сердце мое)*, и я знаю, это чрезвычайно трудно, но Лаки больше нет с нами. Поездка в Германию не вернёт его.

Лаки

Взрыв напоминает мне о здании на модели дислокации. Это удар от удара, но есть и сила, которая после удара рикошетом взрывает снаружи песок и обломки, причиняя большую часть ущерба. Я лежу на земле лицом вниз. Не могу двигаться вообще. Жар от огня — это чёртова преисподняя. Кажется, будто пустыня ржёт над тобой до упаду: «О, ты думал, что было жарко, молодая свежая кровь, теперь попробуй немного этого дерьма!»

Я не могу дышать; не знаю, это потому, что у меня коллапс лёгкого[80] или потому, что ветер выбил из меня весь воздух. Я не могу сражаться, поэтому я начинаю отталкиваться пальцами ног, просто двигая своими чёртовыми пальцами на ногах как саламандра, выбирающаяся из пруда. Моя рука поднимается вверх, смягчая положение головы, так что теперь положение моего тела аэродинамично, и благодаря пальцам ног я действительно двигаюсь. Недостаточно быстро и недостаточно далеко, чтобы удалиться на значимое расстояние.

Пламя и чёрный дым затихают через пару часов. Не думаю, что кто-то ещё заметил это. Не слышу никаких признаков жизни. Это было определённо мощное оружие. Вероятно, реактивная противотанковая граната. Либо саудовцы, либо боевики. Нам сказали у нас есть разрешение до самой границы, для подтверждения должно было быть воздушное прикрытие, но как-то об этом пронюхали говнюки, которым мы не особо нравимся. Никогда не разговаривайте с бедуинами. Первое правило Аравийской пустыни: каждый здесь является информатором.

У меня мало времени. Не на этой жаре, не истекая кровью, как заколотая свинья, не имея возможности даже встать и подать сигнал воздушному наряду. Припасы были сброшены только вчера, так что в целом я влип. Если истеку кровью или иссохну до того, как кто-то что-то заподозрит.

Белен

Я покупаю билет в Германию. У меня нет на это наличных, но я положила деньги на кредитную карту. Я не сломалась. Больше похоже на оцепенение. Люси говорит, что у меня шок, но я чувствую, будто земля остановилась, все часы перестали идти, цветы прекратили расти. Я должна увидеть Лаки, увидеть его тело. Я никогда не смогу смириться с коробкой или урной. Это не он. Не может быть. Лаки — он как огромная часть меня.

Он — вся моя жизнь. Если бы это было правдой, я бы знала. Если бы его больше не было со мной, я бы точно смогла это почувствовать.

Лаки

Наступила ночь, и температура упала. Интересно, парализован ли я или мне так хреново из-за сотрясения мозга. Я думал, я не продержусь до конца дня. Но я всё ещё жив и продолжаю работать пальцами ног, отползая всё дальше. Я также могу немного шевелить своей рукой, поэтому я улучшил свои шансы.

Копая пальцем песок, я нашёл камень и вцепился в него. Как только я смогу двигать всей рукой, первое, что я почувствую в ней, будет в моём кармане — решаю я. Я стараюсь оставаться в здравом уме, но это становится всё труднее. Не хочу отпускать свой разум до того, как потеряю тело.

Ночь — тёмная пелена, на фоне которой звёзды проявляются всё сильней. Тёмный бархат неба, наполненный мешаниной звёзд, которые светят веками. Чем больше я на них смотрю, тем больше в них теряюсь. Всматриваясь в небесную толщу, я думаю, что, должно быть, сейчас рассмотрю другие галактики, целые другие вселенные. Просто потрясающе, насколько я мал, насколько неважна одна моя маленькая жизнь, просто очередная песчинка в бесконечной пустыне. Пытаюсь определить созвездия, но я никогда не был в этом силён. В Нью-Йорке не видно звёзд, кроме тех, которые танцуют на Бродвее.

Интересно, смотрит ли Белен на то же небо, как в ту ночь, когда мы вместе сидели на крыше в Хайтс. Для меня не имеет значения, насколько я незначителен. Я всегда хотел быть важным лишь для одного человека.

Время от времени я теряю сознание, и я действительно отстранён. Эта ночь длиной в тысячу лет, и я не могу сказать половину времени, сплю я или мой ум бодрствует. Клянусь, я вижу яркую звезду на небе — настолько ярко она мерцает. Затем она стремительно падает на землю с хвостом как у кометы.

Белен

Я прибываю в Ландштуль в три часа ночи, забронировала номер в гостинице и сажусь в кресло за столом, глядя в окно. Хоть я и истощена, но не закрываю глаза ни на минуту. Я не могу есть, но пью чашку за чашкой смягчённую воду из-под крана. Воду, которая на вкус как плохой витамин

или, может, она ядовита, но я проглатываю её независимо от этого. Несправедливо, что я должна продолжать жить, если Лаки покинул меня.

Если я в шоке, то это длится дольше, чем я предполагала. Если у меня сейчас стадия отрицания, то это хороший способ справиться с ситуацией, потому что я практически ничего не чувствую. Никаких нервов, немного опасения и, может, гнева на поверхности. Я уже не чувствую боли. Возможно, моё тело знает, что не справится с этим. Что бы это ни было, оно защищает меня, и я очень за это благодарна. Я словно в коконе, где всё амерло. Я кладу подбородок на свою руку, пока пристально всматриваюсь в ночное небо. Оно изобилует яркими сияющими звёздами, совсем не похожее на то, под которым мы выросли в Манхэттене.

Лаки

Я протянул всю ночь, ибо солнце стало подниматься. Оно не смогло достаточно задолбать меня вчера, так что оно вернулось за реваншем.

Я могу двигать рукой и тянусь за своей флягой. Смачиваю рот водой и, хоть я и знаю, что надо остановиться, не могу заглушить инстинкт — в этот момент жажда сильней меня. Я прижимаю камень к лицу. Это мой пробный камень, моё оружие, драгоценность в пустыне — это последняя грёбаная вещь, которой я коснусь перед тем, как отправлюсь на встречу к Создателю.

Дёргаю руку вниз и, опираясь на грудь, с трудом разлепляю свои грязные пальцы. Смотрю на них и стону вслух. Это проклятый кусок пляжного стекла. Я тяжело вздыхаю, матерюсь и выдыхаю воздух через губы. Какая чертовски жестокая шутка. Даже не могу понять её.

— Белен! — выкрикиваю её имя. Выкрикиваю, мать его, на ветер и напрасно. Выкрикиваю в пустоту, используя последнее дыхание на это.

В моей голове мелькает картинка. Белен на кухне. Звук её смеха. Ободранное колено на детской площадке — плача, она звала меня, прихрамывая. Делясь сладостями, облизываем наши пальцы. Делясь секретами, шепчем их на ушко друг другу. Звук её дыхания, запах её волос. Изгиб её бедра прямо под её попкой. Ощущение её губ, открывающихся навстречу моему языку. Вкус её поцелуя. Сладкий, опьяняющий наркотик её любви.

Думаю, я выкрикиваю её имя много раз, пока моё горло не пересыхает. Мне больно открыть глаза из-за песка и потому, что в моём теле не осталось ни капли воды. Если бы было иначе, я бы воспользовался этим и оплакал Белен.

Я теряю сознание, но не выпускаю из рук свой камень пустыни.

Белен

Мне говорят, что это необычно. Говорят, мне надо подождать какую-то комиссию по контролю. Меня заставляют подписать тонну документов и получить удостоверение личности с фотографией.

Мне нужно подождать официального представителя военного командования, который проведёт меня в комнату и объяснит, что солдаты сильно обгорели и многие способы визуальной идентификации личности невозможны. Я подписываю все отказы, включая соглашения о неразглашении и конфиденциальности.

Заняло почти весь день доказать свой статус ближайшего родственника, возможно единственный момент за всю мою жизнь, когда я взволнована от этого родства, от мысли являться плотью и кровью своего двоюродного брата.

— Сюда, мэм, — произносит медсестра с лёгким немецким акцентом. Большинство персонала из местных, но, тем не менее, кажется, что это американцы.

Я следую за ней по длинному коридору. Каждый шаг отдаётся гулом.

— Это морг?

— Это скорее диагностический стол, который используют для сопоставления записей по идентификации.

— Они опознаваемы?

— Некоторые из них. Ваш кузен — да, в противном случае вы бы не получили разрешения на опознание.

Когда она проводит меня в освещённую комнату, всё выглядит размыто. Здесь большое количество тел и разные сотрудники. Все замолкают, когда я вхожу.

— Мисс Эредия здесь, чтобы опознать ближайшего родственника.

Мужчина в лабораторном халате в очках с тонкой металлической оправой кивает и указывает на труп. Тело накрыто простынёй.

Медсестра кивает. Надпись, прикреплённая к столу, гласит: «Кабрера».

Он откидывает простыню, и я думаю, что именно в этот момент происходит мой расцвет, о котором рассказывала моя мама. Ибо моя грудь распахивается. Я чувствую всевозможные чудесные изменения, осуществляющиеся на клеточном уровне. Каждый раз, когда бы Лаки не касался меня, влиял на меня одновременно, как звук отдельных

инструментов, сливающихся в симфонию, как сходящиеся голоса, взмывающие в гармоничном созвучии. Я слышу его смех, вижу его улыбку так, словно я могла бы протянуть руку и дотронуться до неё. Я вижу его красивое лицо, когда он вонзался в меня — когда наша любовь полностью обнажила его и поставила на колени. Могу ощутить вкус этой любви — у нее вкус непорочной чистоты. Солнечный свет сияет на его коже, освещает его волосы, я чувствую мягкость его поцелуя, всеохватывающую теплоту истинной любви, которую мы разделяли. Может быть, Лаки ушёл, возможно, я ощущаю ангела, но даже если его и нет со мной, я знаю: независимо от того, что произойдёт, всё будет в порядке.

Лусиан занимает всё моё сердце и *навсегда* останется частью меня.

— Это не он, — говорю я определённо. Мне жаль, что это кто-то ещё. Жаль, что кто-то другой потерял свою жизнь, и я знаю, что все эти мужчины наверняка много значили для моего двоюродного брата.

— Покажите трёх других, возможно, он среди них.

— Это не он, — трижды подряд говорю я.

Я верю в чудеса и в настоящую любовь.

— Спасибо вам, мисс Эредия. Он может быть среди других; проблема заключается в том, что те тела находятся на поздних стадиях разложения или совершенно неузнаваемы. Мы работаем методом исключения. Ваша помощь дала нам толчок к продвижению вперёд, но боюсь, в любом случае это не значит, что ваш двоюродный брат не один из умерших, находящихся здесь. Он был точно в батальоне.

Я киваю.

— Спасибо вам всем за то, что позволили взглянуть на тела, — я произношу молитву за этих мужчин и людей, которые их любят.

Выхожу из больницы как сомнамбула. Не знаю, откуда у меня была та уверенность, что Лаки не было среди тех трупов. Каким-то образом глубоко в сердце я просто знала это. Его тело всё ещё взывает ко мне, хоть между нами и тысячи миль, а может, нас даже разделяют разные миры.

Лаки

Их не больше полдюжины. Они говорят на арабском, которого я не знаю. На них надета униформа, что не есть нормой для мятежников в этих краях.

Они открывают флягу и прижимают её к моему рту. Не могу заставить свой рот шевелиться, не могу говорить. Один из них держит мою голову, и я задумываюсь как же хреново то, что перед тем, как перерезать мне горло,

они хотят напоить меня. Меня кладут на носилки и засовывают в заднюю часть грузовика, типа такого, который обычно используют для перевозки солдат. Понятия не имею, как на таком транспорте они пересекают пустыню.

Сзади сидят четверо парней, по двое с каждой стороны от меня. Я совершенно беззащитен. Хотелось бы, чтобы они поторопились и прикончили меня. Нет желания подвергаться пытками или становиться частью какого-то больного тактического видео устрашения. У меня нет выбора, кроме как умереть самостоятельно.

23 глава

Белен

Нет ничего хуже возвращения домой без Лаки. Без него дом уже не тот. Только мама, я и Тити, но мы лишились нашего яркого света, который вел бы нас вперёд.

Время от времени мы слышим новости от военных. Как останки Лаки не были обнаружены даже в результате ускоренного распыления. Это значит, что от него не осталось достаточно материала даже на пыльный след. Как только зона стабилизируется, они вернутся на то место и соберут образцы ДНК.

Я единственная, кто продолжает надеяться. Мама говорит, я брежу иллюзиями. Она пытается удержать меня от общения с Тити, ибо думает, что я только наврежу ей ещё больше своей «неспособностью отпустить и принять произошедшее». Не хочу никому давать ложную надежду или веру в вещи, несоответствующие истине. Тити уезжает в долгий отпуск в Доминиканскую Республику. Она не хочет оставаться в квартире, не выносит соседей. Всё, что она видит, напоминает ей о нём. Она даже не хочет видеть меня, ибо знает, насколько сильно я его любила.

Не то чтобы я не скорбела — это единственное, чем я в действительности занимаюсь. Моя жизнь утратила все краски, и, несмотря на то, что маленькая частичка меня цепляется за надежду, шансы один на миллион, что Лаки вернётся живым — не говоря уже о том, чтобы вернуть его тело домой для захоронения.

Я занимаюсь исследовательской работой в больнице. Это не работа моей мечты, но за неё хорошо платят, и я снова в лаборатории, где чувствую себя комфортно. Я возвращаюсь в свой старый район, возвращаюсь даже в

свою старую спальню.

— Выбрось это, — говорит мама однажды вечером, когда я прихожу с работы. Она протягивает мне моё любовное заклинание так, словно это было проклятие.

— Какое это имеет значение, если он ушёл? — у неё есть маленький алтарь Лаки в гостиной со свечками и фотографиями. Не вижу особой разницы.

— Это невезение, вот что. Это мешает тебе двигаться дальше.

Я не решаюсь его выбросить. Интересно, вернётся ли болезнь и разрушит ли то малое, что от меня осталось.

Я забираю у неё банку с мёдом и спускаюсь снова вниз по лестнице. Подняв крышку мусорного бака, я бросаю банку поверх мусора. Цвет мёда потемнел до тёмно-янтарного, и дна больше не видно. Гадаю, так же ли он сладок на вкус?

***

Я плачу не так много и сильно. У меня намного больше контроля, чем я могла себе представить. Моя скорбь тихая, как ноющая рана, постоянно инфицированная. Некоторые вещи сильнее задевают меня, например, места, по которым мы бродили, будучи детьми. Но эти же места еще и успокаивают меня больше всего, и я часто замечаю, что меня к ним тянет.

Как сегодня, когда я пришла на спортплощадку, где мы зависали в детстве. Где Лусиан всегда вовлекал меня в игру и защищал от других ребят. Помню тот день, когда я смотрела на него через пульверизатор — он был неуловимым даже тогда, мой яростно жёсткий, однако щедрый возлюбленный.

Я прогуливаюсь по парку и сажусь на качели. Не так уж много детей играют здесь, ведь почти ужин. Наркодилеры выходят на улицы, и я вижу, как они хвастают друг перед другом, всегда пытаясь соперничать из-за того, кто из них более крутой мужик. Я рада, что Лусиан уехал отсюда, пусть он и заплатил за это высокую цену. Он не был бы счастлив в своей прошлой жизни, и считаю, что он никогда не смог бы отказаться от наркотиков.

Один из парней отделяется от толпы. Он засовывает руки в карманы и шагает в мою сторону, смотря в землю.

Это Джейли. Мужчина, с которым я странным образом потеряла девственность и с которым не общалась с тех пор. Он потрясающий человек, хоть его амбиции и сомнительны. Он был хорошим другом для

Лаки. Я люблю его за это. Кажется, мне стоит чувствовать себя смущённо или, по крайней мере, неловко от встречи с ним. Но всё, что я ощущаю, это мир, спокойствие и бурлящий океан ностальгии.

— Привет, Белен, как ты? — здоровается он, пиная мелкие камни под ногами. Он садится на соседние качели и засовывает руки в карманах.

— Я в порядке, Джейли. Думаю, ты уже обо всём знаешь?

— Ага. Дерьмо. Он был одним из лучших. Из тех, кто всегда наготове.

— В это трудно поверить. Не так уж много времени прошло с тех пор, как мы все вместе играли здесь.

— Он любил тебя. Уверен, ты уже и так об этом знаешь. Но я всё же должен сказать это. Трудность борьбы — вот, что делало его таким сильным. Он потратил всю свою грёбаную жизнь на то, чтобы бороться с желаниями своего тела — с тем, что он чувствовал в своём сердце. Было трудно слышать, как он говорит об этом.

— Не знала, что вы обсуждали это.

— Он много об этом говорил. Нужно быть сильным мужчиной для этого, чтобы сражаться против своей любви, когда она — это всё, чего ты желаешь. Но он был чёртовым чемпионом. Единственным. Счастливчиком.

Я отталкиваюсь ногами, и качели начинают качаться. Джейли выглядит иначе. Мрачным, даже печальным. Не тем беззаботным шутником, которого я помню. Он выглядит так, словно его пропустили через пресс.

— Я кое-чему у него научился, знаешь. Когда придёт настоящая любовь — ты точно будешь об этом знать, и не тебе выбирать, когда и с кем. Но ты обязан держаться за это, ибо жизнь так коротка.

— Ты влюблён, Джейли? — спрашиваю у него, мягко отталкиваясь ногой. Это его затруднительное положение. Он борется против своей любви так, как это делал всю свою жизнь Лаки.

— В первый раз, — отвечает он и бьёт кулаком в грудь напротив сердца, — абсолютно неправильный, мать его, человек, который заставляет чувствовать себя хорошо. Ты ведь понимаешь, как оно, а, Бей?

— Надеюсь, у тебя всё сработает. Я серьёзно, Джейли. Желаю тебе всего самого наилучшего, — говорю я, спрыгивая с качели.

— Эй, я сожалею о той ночи. Чувствую, что должен это сказать. Не знаю, как он вообще всё высидел и выдержал. Вот это я и имею в виду, говоря о битве внутри него.

— Я бы ничего не поменяла. Он показал мне, каким человек он был.

Джейли кивает и замолкает.

— Увидимся, Джейли. Береги себя.

Я ухожу с площадки и возвращаюсь домой. Мы ничего не могли изменить и сделать по-другому. Мы с Лаки были обречены на трудности. Напоминаю себе, что для всего, что происходит, есть своя причина.

Лаки

Я просыпаюсь в больнице с капельницей в руке. Я мрачен как чёрт, и никто не говорит на английском. Я задаю им вопросы, и они кивают своими головами. Теперь я знаю, как себя чувствовали тётя Бетти и мать, когда только прибыли в Штаты. Пытаюсь сфокусироваться на надписях вокруг, но я в растерянности. Они чертовски точно не говорят на французском, и я знаю, что нахожусь не в Германии. Пытаюсь вспомнить, кто в составе наших союзных войск, но мой мозг просто не в силах работать.

Думаю, я на седативных. Я всё ещё не могу двигать своим телом. Если они планируют убить меня, то действуют окольными путями. Может, они хотят заставить меня выглядеть здоровым перед камерами так, чтобы кто-либо посмотрел видео и не смог сказать: «Он бы умер в любом случае». Возможно, я в Египте. Может, меня забрали саудовцы.

Думаю, проходит большое количество времени. Я просыпаюсь, видя пожилого джентльмена, стоящего надо мной, в очках с чёрной оправой, сползающих вниз по его носу. Он пристально изучает планшет-блокнот, карандаш заткнут за его ухо, стетоскоп висит на шее.

— Доктор? — зову я. Чувствую себя безумным. Если кто-то не скажет мне, где я нахожусь и что произошло, я сойду с ума. Тело не в счёт, когда разрушается твой мозг.

— Да, — отвечает он, опуская папку и улыбаясь мне.

— О, Иисус Христос! Спасибо, блин! Где мы, чёрт возьми, находимся?

— Никто не сказал вам? — его акцент звучит как британский; его лоб встревожено морщится.

У меня появляется жуткое ощущение, что он собирается дальше сказать: «Я Бог, и ты в раю». Или, может, он скажет, что я в аду, но как-то не похож он на дьявола.

— Вы в Аммане[81], в военном госпитале королевы Алии. Вы были найдены нашей бригадой специального назначения. Они привезли вас сюда для лечения.

— Я в Иордании? Вот дерьмо. Не могу поверить, что они меня там нашли. Меня искали, или они просто наткнулись на меня?

— Я не знаю всех деталей. Думаю, это было случайностью. Я бы

сказал, вам повезло.

— Почему я не могу двигаться? Что со мной, чёрт возьми?

— Вы перенесли черепно-мозговую травму. На восстановление может понадобиться некоторое время. Полное МРТ[82] должно показать нам, есть ли обширное повреждение нервов. Вас скоро переведут. У нас заняло некоторое время привести вас в сознание. Ваша армия приедет забрать вас, когда это будет удобно.

— Как долго я здесь?

— Месяц, плюс минус пару дней.

— Иисус, моя семья знает?

— Когда вас привезли, при вас не было удостоверения личности. Честно говоря, никто не спешил, потому что мы не думали, что вы выживете. Из-за опухоли и кровотечения вы были в искусственной коме. Мы вернули вас обратно как можно осторожней. Когда вы будете готовы, кто-то запишет всю вашу информацию.

— Могу я позвонить им? Я имею в виду свою семью.

— Я посмотрю, смогу ли добыть вам разрешение, чтобы вы могли позвонить сегодня же.

Я могу двигать руками. Я шевелю пальцами ног. Никогда раньше не терял подвижность пальцев ног. Вспоминаю пляжное стекло и то, как рассматривал вселенную. Интересно, было ли это реальным, хоть что-нибудь.

— Я нашел осколок пляжного стекла в пустыне, — выдаю я, и даже в моих ушах это звучит безумно.

— Этот? — отвечает доктор и наклоняется, чтобы открыть маленький ящик в тумбочке. Он достаёт прозрачный камень и подносит к свету, — вы держали это в руке, когда вас подобрали. Как и первые несколько ночей проведённых здесь.

— Что это?

— Его называют пустынным стеклом. Оно в самом деле редкость здесь, но, тем не менее, не невозможное явление.

— Что, чёрт возьми, за пустынное стекло? Откуда оно? — допытываюсь я, пытаясь поднять голову.

— Оно из Ливии, скорее всего, датируется около тридцати миллионов лет назад. Происхождение его связано с мощным взрывом. Или метеоритом, или возможно молнией. Что-то очень эффектное. Никто не знает наверняка, это просто теории.

— В самом деле?

— Песок стирается с неровный осколок и с течением времени

шлифуется, как и океан делает это со стеклом. Время от времени эти осколки появляются по всей Аравийской пустыне.

— Я думал, это Бог говорил со мной. Вроде как вселенная пыталась сказать мне что-то.

— Возможно, так оно и было. Вы справились намного лучше, чем мы ожидали, — отвечает он, подталкивая свои толстые очки на переносицу.

— Оно чего-то стоит? — спрашиваю я. Не знаю, зачем. Я буду хранить у себя этот осколок всю оставшуюся жизнь, это точно.

— Может, для музеев или коллекционеров. Я бы сказал, оно стоило того, что вселенная вам там рассказала, когда вы нашли его.

— Белен[83].

— О, да. Я вас понимаю. Возможно и это. Свет, который привёл в Вифлеем[84]. Я не христианин, но учился в Оксфорде. Я также предпочитаю научную теорию, что это был метеорит или комета, свет которой они видели, а не святое явление. Ваше пустынное стекло могло происходить оттуда — свет, который как говорят, витал над Вифлеемом.

Разряд тока пробегает по моему телу. Я чувствую всё это, словно все ощущения вернулись, и я больше не завис над краем бездны. Может моё тело не парализовано. Возможно я всё же не умер после всего.

— Вы правда доктор?

— Да, конечно; как и ты солдат, мой мальчик. Теперь отдохни. Твои показатели жизнедеятельности достаточно хорошие. Я поговорю на счёт твоего телефонного звонка.

Белен

Я с трудом иду по холму, который проходит мимо кладбища Тринити[85]. Мы с Лаки столько раз поднимались по этому холму вместе, рука об руку. Он сам тянул меня, никогда не забегая впереди и не оставляя меня позади. Лусиан всегда охранял меня, как и сейчас, я знаю это, несмотря на то, выжил он или нет. С того времени, как мы были маленькими детьми, когда предполагается, что дети бывают жестокими, не заботятся друг о друге, Лаки защищал меня. Думаю, он всегда воспринимал всерьёз всё, что говорили наши мамы — или это, или в другом случае он любил меня уже с самого детства. Лаки был моим героем. Даже когда он делал вещи, которые меня ранили — эти же вещи делали меня в тоже время сильнее.

Лаки

Когда доктор уходит, я осознаю несколько вещей. Одна из них, что жизнь коротка, и ты никогда не знаешь, когда тебя заберут. Если бы я умер там, в пустыне, им всем пришлось бы двигаться дальше без меня — матери, Бетти и, конечно же, Белен. Предполагаю, они бы были убиты горем, было бы пролито много слёз, но в конечном итоге они бы продолжали жить без меня. Я стал бы ещё одним воспоминанием с достаточно грустным концом.

Если бы я вернулся сейчас домой, мы с Белен были бы вместе; мы бы сказали всем остальным отвалить и думали, что нас благословили получить второй шанс. Даже не могу позволить себе думать о нашем воссоединении в постели. Оно бы конкурировало с прославленными легендами — в честь нашего воссоединения назвали бы созвездие. Вместе мы с Белен взрывоопасны — я никогда не знал ничего подобного и не думаю, что смогу познать это вновь.

Но другая важная вещь, которая продолжает существовать — если они все будут думать, что я мёртв, может, это лучшее, что могло случиться. Полнейший разрыв, новое начало помогут Белен отделить себя от меня. Она заслуживает намного большего, и мы вдвоём, будучи вместе, только усугубим болезнь. Болезнь достаточно сильна, чтобы вовлечь нас полностью. Ничто не длится вечно и это, вероятно, применимо и к нам. Не думаю, что смог бы выжить, если бы Белен меня разлюбила. Ни в коем грёбаном случае.

Речь идёт не только о возможности иметь детей или рассказать все нашей семье, пока весь мир считает, что это неправильно. Дело в том, чтобы Белен перестала себя ненавидеть и считать себя испорченной до глубины души. Уберите меня с картины и вдруг, пусть не в ближайшем будущем, я смогу видеть Белен счастливой.

Вот тогда я и решаю, что ни в раю, ни в аду меня нет. Я застрял в чистилище, и мне решать, оставаться здесь или выбираться отсюда.

Я просто не знаю, смогу ли идти по жизни один, если всю свою жизнь я шёл рядом с ней.

Эпилог

Белен

Руки Люка выглядят крошечными, когда он пытается стереть угольный карандаш над надписью. Ему всего три, но он уже так увлечён и

взволнован этим занятием, отсчитывая дни до Дня памяти[86]. Он рассказал всем своим воспитателям в садике о нашем проекте. Я придерживаю уголки его бумаги, пока ветер пытается выхватить её.

— Это всё, мамочка?

— Да, думаю всё, Люк. Давай посмотрим.

Все слова отлично проступили на бумаге.

Лусиан «Лаки» Кабрера

Морской корпус США

16 июля 1989 — 23 июня 2012

У меня всё ещё встаёт комок в горле, когда я просто читаю это. Нам так и не отдали тело и даже не сказали, был ли положительным тест по идентификации ДНК. Сложно принять, что от такого невероятного человека ничего не осталось.

— Ты назвала меня в честь дяди Лаки, да, мамочка? — спрашивает Люк.

— Да. И в честь брата папы, Люка, который погиб на войне так же, как и Лаки.

Мой телефон звонит, оповещая о смс, и я вытаскиваю его из кармана.

Милая, у них нет лимонада. Подойдёт холодный чай вместо этого? Сегодня Люк будет есть салат с яйцами? Я забываю.

Улыбаюсь, когда читаю это.

«*Да и да*» пишу я в ответ.

Адам потерял своего брата-близнеца в Афганистане, так что у него, как и у меня, в груди была глубокая рана. Наши потери сдружили, сблизили нас и помогли заглушить наши сердечные раны.

— Давай найдём дядю Люка, а потом встретимся с папой за ланчем.

— Хорошо, мамочка. А почему дядя Лаки пошёл на войну?

— Это называется жертвой, Люк.

— Что это такое?

— Жертва — это когда ты заботишься о ком-то или чём-то больше, чем о себе. Это гигантский прыжок в неизвестность, когда ты не знаешь, каким будет результат.

Он тащит меня за руку, пока мы идём к могиле брата Адама.

Адам — учёный–исследователь, как и я. Мы познакомились на одном проекте и вскоре обнаружили, как много у нас общего. С самого первого дня я была абсолютно откровенной в отношении секса. Адам так медленно и нежно занимался со мной любовью, что было просто невозможно не влюбиться в него. Он никогда ни словом не обмолвился, что я достойна позора или ненормальная.

— Я могу сам рассказать тебе о генных мутациях, Белен. Но любовь — это величайшая тайна вселенной, — сказал бы он.

Мама и Тити любят малыша Люка со свирепой страстью. Он — новый маленький свет нашей семьи, и все никак не могут на него налюбоваться.

Моя жизнь настолько наполнена, что было бы неблагодарно говорить, будто в ней чего-то не хватает. Я обожаю своего мужа и сына и стараюсь проживать каждый свой день, словно он последний.

Моё сердце тоже наполнено — светящаяся комната клюквенно-красного пляжного стекла скрупулёзно склеивается. И было бы упущением не заметить, что надо мной всегда парит защищающий свет. Он сияет так ярко, что иногда освещает меня изнутри. У меня было много боли, но я всё же держусь за неё. Моя боль из-за любви к Лусиану не болезнь — это источник великолепной силы, это самая прекрасная часть меня.

Я не считаю себя проклятой, я считаю, что мне повезло[87].

Заметки

[

←1

]

с исп. — вертеп, суматоха, неразбериха.

[

←2

]

Чарльз Луча́но по прозвищу Счастливчик (англ. Charles «Lucky» Luciano), он же Сальвато́ре Лука́ния (итал. Salvatore Lucania); 24 ноября 1897, Леркара-Фридди, Сицилия, Италия — 26 января 1962, Неаполь, Италия) — американский преступник сицилийского происхождения, один из лидеров организованной преступности в США.

[

←3

]

Морское стекло — материал для рукоделия

[

←4

]

FruitLoops (англ.) — фруктовые колечки: разновидность сухого завтрака на основе овсянки

[

←5

]

beerpong (англ.) — пиво–понг: название пьянки или соревнования "кто больше выпьет"

[

←6

]

GED (англ. GeneralEducationDevelopment) — экзамен для получение сертификата по программе средней школы

[

←7

]

Joyce (англ. Джойс) — имеется в виду Джеймс Джойс — ирландский писатель и поэт, представитель модернизма.

[

←8

]

«*Ули́сс» (англ. Ulysses)* –наиболее известный роман Джеймса Джойса. Роман создавался на протяжении 7 лет; публиковался частями в американском журнале «TheLittleReview» с 1918 по 1920 гг. и был издан полностью во Франции 2 февраля1922 года. На родине писателя роман впервые был издан в 1939 году.

[

←9

]

Vogue (Вог, фр. мода) — женский журнал о моде, издаваемый с 1892 года издательским домом CondéNastPublications. Сначала еженедельник состоял из 16 страниц ин–кварто, однако он был хорошо отпечатан и красиво оформлен. Обложку украшала одна из изысканных картинок. Цена одного экземпляра — десять центов — позволяла человеку со средним достатком приобрести журнал и узнать, что же происходит в обществе.

[

←10

]

Ле́сли Хо́рнби (LesleyHornby; 1949) — английская супермодель, актриса и певица. Известна под псевдонимом *Тви́гги* (*Twiggy*, буквально — «тоненькая, хрупкая», от англ. *twig* — «тростинка»).

[

←11

]

Neosporin (англ.) — неоспорин (местный антибиотик, мазь для заживления ран и предотвращения возникновения инфекций)

[

←12

]

TedBundy (англ.) — Теодор Роберт (Тед) Банди (1946 — 1989) — американскийсерийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970–е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно. Незадолго до своей казни он признался в 30 убийствах в период между 1974 и 1978 годом, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше (более100 человек). Банди пользовался своим обаянием, чтобы завоёвывать доверие своих жертв. Обычно он знакомился с ними в общественных местах, симулируя травму или выдавая себя за представителя власти, чтобы затем похитить, подвергнуть пыткам, изнасиловать и убить их в уединённом месте. Иногда он врывался в дома жертв, избивал их дубинкой, насиловал и душил. После убийства похищенных девушек он снова их неоднократно насиловал, затем расчленял, головы, как минимум у 12 своих жертв он отпилил ручной пилой, забрал с собой и хранил у себя в квартире как сувениры. Судя по некоторым уцелевшим телам жертв (Лиза Леви), Банди занимался каннибализмом.

[

←13

]

Меренга — музыкальный стиль и танец Доминиканской Республики, латиноамериканский танец типа румбы.

[

←14

]

ASVAB (англ.the Armed Services Vocational Aptitude Battery) — комплекс тестов по профессиональной подготовке для поступающих на военную службу

[

←15

]

Melatonin (англ.)— Мелатонин — основной гормон эпифиза, регулятор суточных ритмов. Может приниматься в таблетках для

облегчения засыпания, с целью корректировки «внутренних часов» при длительных путешествиях.

[

←16

]

Две пинты — приблизительно 1 литр

[

←17

]

Метадон (methadone) — синтетический лекарственный препарат из группы опиоидов, применяемый как анальгетик, а также при лечении наркотической зависимости.

[

←18

]

Тайленол (Tylenol) — Анальгетическое ненаркотическое средство

[

←19

]

Кодеин (codeine) — используется как противокашлевое лекарственное средство центрального действия. Обладает слабым наркотическим (опиатным) и болеутоляющим эффектом

[

←20

]

Ксанекс (Xanex) — Уменьшает беспокойство, чувство тревоги, страха, напряжения. Отмечена антидепрессивная активность препарата. Обладает умеренной снотворной активностью.

[

←21

]

Мет — метамфитамин

[

←22

]

Бронкс (англ. Bronx) — одно из пяти боро (единица административного деления города Нью–Йорк) Нью–Йорка, расположен на севере города. Бронкс является единственным боро Нью–Йорка, большинство населения в котором представлено латиноамериканцами

(54%)

[

←23

]

Ревматоидный артрит — системное заболевание соединительной ткани, клинически проявляется, главным образом, хроническим прогрессирующим поражением суставов, их стойкой деформации и нарушению их функции. Чаще всего это заболевание начинается в возрасте 35–50 лет.

[

←24

]

Коледж Вассара (англ. Vassar College) — колледж Нью–Йорка, входит в лигу «Семи сестёр»: ассоциация семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США (Колледж Рэдклифф, Брин–Мор, Уэллсли, Маунт–Холиок, Барнард, Смит). Вассар сегодня уже не являются исключительно женскими. Название «Семь сестёр» колледжи получили в 1927 году по аналогии с мужскими колледжами Лиги плюща.

[

←25

]

Amtrak (American Tracks) — Национальная компания железнодорожных пассажирских сообщений США.

[

←26

]

Активная лесбиянка — выполняет роль мужчины в паре

[

←27

]

Уортонская школа бизнеса (англ. he Wharton School of the University of Pennsylvania) — американская бизнес–школа, находится в Филадельфия, Пенсильвания, США. Основана в 1881 году бизнесменом–меценатом Дж. Уортоном. За годы действия этой системы обучения, Школу окончило более 250 000 человек.

[

←28

]

Пинта пива — мера ёмкости: англ. 0,57л; амер.=0,47л

[
←29
]

Фи Бета Каппа (англ. Phi Beta Kappa) — привилегированное общество студентов и выпускников колледжей. Первая студенческая «организация греческих букв» ФВК (Phi Beta Kappa) была образована 5 декабря 1776 года в колледже Уильяма и Мэри в Уильямсберге, штат Виргиния. в настоящее время организация представляет собой почётное сообщество, известное и уважаемое во всей студенческой среде. Большинство «организаций греческих букв» в настоящее время поддерживают традиции, по большей части символические, и ревностно хранят тайны и секреты своих ритуалов. Традиции включают в себя церемонии посвящения в ряды сообщества, пароли, собственные песни и гимны, особого рода рукопожатия, разные формы приветствий и многое другое. Встречи активных членов сообщества всегда держатся в секрете и не обсуждаются без формального одобрения всей группы. Девиз каждой организации складывается по первым греческим буквам названия. «Организации греческих букв» часто имеют ряд собственных опознавательных символов: цвета, флаги, гербы и печати.

[
←30
]

Манчего (исп. Manchego) — сорт испанского сыра, используемого в качестве закуски и зачастую подаваемого с айвовым желе в конце еды

[
←31
]

Диорама — лентообразная, изогнутая полукругом живописная картина с передним предметным планом

[
←32
]

Когнитивно–поведенческая терапия — один из видов лечения, который помогает пациентам понять мысли и чувства, влияющие на поведение.

[
←33
]

Экспозиционная терапия — одно из направлений КПТ (Когнитивно–

поведенческая терапия). Цель данной терапии — сделать так, чтобы не бояться воспоминаний. Её основная идея заключается в том, что человек боится мыслей, чувств, ситуаций, которые напоминают ему о травматической ситуации. Неоднократные разговоры о травме с психотерапевтом помогут обрести контроль над посттравматическими мыслями и чувствами.

[

←34

]

О — главная героиня эротического романа Доминик Ори под пседдонимом Полины Реаж

[

←35

]

Поукипзи (англ. Poughkeepsie) — город, расположенный в округе Датчесс (штат Нью–Йорк, США)

[

←36

]

Созависимость — патологическое состояние, характеризующееся глубокой поглощённостью и сильной эмоциональной, социальной или даже физической зависимостью от другого человека. Чаще всего термин употребляется по отношению к родственникам и близким алкоголиков, наркоманов и других людей с какими–либо зависимостями

[

←37

]

Оксикодон (англ. Oxycodone) — обезболивающий препарат, опиоид.

[

←38

]

Валиум (англ. Valium) — препарат–транквилизатор. Валиум оказывает выраженное релаксирующее, седативное, противосудорожное и снотворное действие..

[

←39

]

Джон Денвер (англ. John Denver, настоящее имя Генри Джон

Дойчендорф–младший, 1943, Нью–Мексико — 1997, Калифорния) — американский бард, который является самым коммерчески успешным сольным исполнителем в истории фолк–музыки. За свою карьеру он записал более 300 песен, большинство из которых сам же и написал.

[

←40

]

Modongo(исп.) — внутренности, требуха; здесь: рубец — часть коровьего желудка, в котором переваривается съеденное коровой. Эта часть состоит из гладких мышечных волокон. То есть, по сути своей относится к требухе. Распространённое блюдо

[

←41

]

Coquito (исп.) — плод пальмы кокито.

[

←42

]

The North Face, Inc. — компания, специализирующаяся на производстве спортивной, горной одежды, туристического инвентаря. Продукция в первую очередь предназначается для альпинистов, скалолазов, туристов и просто людей, ведущих активный образ жизни.

[

←43

]

Мейси (Macy's) — одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США. Основана в 1858 году Роулендом Хасси Мейси. Универмаг Macy's на 34–й улице в Манхэттене считается одной из самых притягательных для туристов достопримечательностей Нью–Йорка.

[

←44

]

Coquito (исп.) — коктейль, на основе кокоса традиционно подаваемый в Пуэрто–Рико. Состав: ром, кокосовое молоко, ваниль, корица, сгущеное молоко, мускатные орех, гвоздика. Напиток обычно ассоциируется с Новым годом и Рождеством, когда подаётся с другими блюдами или дессертами.

[

←45

]

Coco Lopez (исп.) — кокосовый продукт, часто используемый как добавка в алкогольных напитках.

[

←46

]

Вапораб (англ. Vaporub) — производится в Таиланде. Имея в составе только натуральные компоненты, это эффективное средство поможет облегчить заложенность носа, незначительные мышечные боли, помогает бороться с кашлем и простудой.

[

←47

]

Порт Авторити (англ.The Port Authority Bus Terminal) — огромный автобусный терминал (совмещенный со станциями метро под землей) в центре Манхэттена.

[

←48

]

Джексонвилл (англ. Jacksonville) — город в штате Флорида, США

[

←49

]

Бетти Форд (англ. Betty Ford) — супруга президента США Джеральда Форда, первая леди США с 9 августа 1974 по 20 января 1977 года. В 1982 году она основала Центр Бетти Форд (в Калифорнии) — организацию по борьбе с алкоголизмом и наркотической зависимостью, которыми страдала на протяжении двух последних десятилетий.

[

←50

]

Корпус Мира (англ. Peace Corps) — независимое федеральное агентство правительства США. Учреждён 1 марта1961 года. Гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.

[

←51

]

Таймшер (англ. time–share) — форма собственности на недвижимость,

как правило, виллу, коттедж, апартаменты в гостинице и т. п., которой можно пользоваться только ограниченное время, например, один месяц в год

[

←52

]

Внешние отмели (англ. Outer Banks) — 320–километровая полоса узких песчаных барьерных островов побережья Северной Каролины, начинающихся у юго–восточного края Верджиния–Бич восточного побережья США. Они занимают около половины всей береговой линии Северной Каролины.Внешние отмели являются известной туристической достопримечательностью и славятся своим умеренным климатом и протяжёнными песчаными пляжами.

[

←53

]

Изумрудный остров (англ. Emerald Isle) — город в Северной Каролине. Сегодня на берегу океана выстроены большие и маленькие дома; рассеяны кондомниумы, не гостинницы, так что Изумрудный остров сохранил ориентировку на семейную атмосферу.

[

←54

]

Similac — название детской молочной смеси

[

←55

]

Brugal — марка доминиканского рома

[

←56

]

Чашка Петри — прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной формы. Применяется в микробиологии и химии.

[

←57

]

pleasurechest.com, babesintoyland.com — интернет–магазины игрушек для взрослых

[
←58
]
Mofongo (исп.) — блюдо Пуэрто–Рико. Основной ингредиент — жареные зелёные бананы.
[
←59
]
Округ Датчесс (англ. Dutchess County) — округ штата Нью–Йорк, США. Административный центр округа — город Поукипзи.
[
←60
]
Рамен — японское блюдо с пшеничной лапшой. Фактически представляет собой недорогой фастфуд (лапша быстрого приготовления на мясном бульоне), обладающий большой энергетической ценностью и хорошим вкусом.
[
←61
]
40 миль — приблизительно 64 км
[
←62
]
Перкоцет (англ. Percocet) — обезболивающий лекарственный препарат
[
←63
]
Причёска «утиный хвост» — тип мужской укладки волос, причёска Элвиса Пресли
[
←64
]
«Misfits» (англ.) — **«Плохие»**, также известен как **«Отбросы»**, **«Неудачники»** — британский трагикомедийно–фантастический телесериал. Премьера состоялась в 2009. Пятерых правонарушителей, трудящихся на общественных работах, во время разразившегося шторма поражает молнией, после чего у них открываются суперсилы:

телепатия, управление временем, вызывание у человека сексуального безумства прикосновением, невидимость. Вместо восхищения герои постепенно понимают, что все эти новые способности, не дар свыше, а тяжёлая ноша, приносящая душевную боль в их и так не очень успешные жизни.

[

←65

]

Сангрия (исп. sangría от исп. sangre — кровь) — испанский среднеалкогольный напиток на основе вина (чаще — красного) с добавлением кусочков фруктов, ягод, сахара, а также небольшого количества бренди и сухого ликёра, иногда – пряностей.

[

←66

]

Чоризо (исп. chorizo) — пикантная свиная колбаса родом из Испании и Португалии. Основной пряностью, используемой при приготовлении, является паприка. В латиноамериканских странах вместо паприки часто используют острый перец чили.

[

←67

]

Херес (исп. jeréz) — крепкое вино, производимое в Испании

[

←68

]

Телеужин (англ. TV dinner) — полуфабрикат мясного или рыбного блюда с гарниром в упаковке из алюминиевой фольги или пластика, готовый к употреблению после быстрого подогрева микроволновке. Приготовление такого ужина позволяет не отрываться от вечерней телевизионной передачи

[

←69

]

Национальный музей Прадо (исп. Museo del Prado) — один из крупнейших и значимых музеев европейского изобразительного искусства, расположенный в Мадриде, Испания. Здание музея — памятник позднего классицизма. Входит в первую двадцатку самых посещаемых художественных музеев мира

[
←70
]

Тапас (исп. tapas, мн. ч., от слова tapa — «крышка») — в Испании любая закуска, подаваемая в баре к пиву или вину. Это могут быть как орешки, чипсы или маслины, так и самостоятельные блюда (например, шашлык из свинины или множество различных холодных и горячих закусок).

[
←71
]

«Менины» (исп. Las Meninas «фрейлины») или «Семья Филиппа IV» — картина Диего Веласкеса, одна из самых знаменитых картин в мире, находится в музее Прадо в Мадриде, закончена в 1656 году.

[
←72
]

Парк ***Буэн–Ретиро*** *(исп. Parque del Buen Retiro)* — городской парк в центре Мадрида, популярное место воскресного отдыха и достопримечательность города. Изначально примыкал к одноимённому дворцу Филиппа IV и служил местом придворных увеселений.

[
←73
]

Лиссабон — столица, крупнейший город и главный порт Португалии, старейший город Западной Европы. Его называют «белым городом» так как здания построены в архитектурном стиле старой Европы: стены выкрашены в белый цвет и с красными черепичными крышами.

[
←74
]

Орчард–Бич (англ. Orchard Beach) — город в округе Йорк, в штате Мэн, США. Официально был основан в 1657 году. Стоит на берегу залива Соко (англ. *Saco Bay*) Атлантического океана и в летнее время года является популярным курортом.

[
←75
]

«Безумный Макс» (англ. Mad Max) —

австралийский дистопический боевик 1979 года с Мелом Гибсоном в главной роли. В основе сюжета лежит история офицера Макса.

[

←76

]

Аль–Басра (от арабского «басра» — «мягкий белый камень»)— город на юго–востоке Ирака, главный порт страны, второй по величине и самый густонаселенный город в Ираке после Багдада, один из самых жарких городов на планете, с летними температурами превышающими 50 °С. Город является одним из предполагаемых мест расположения библейского Эдемского сада.

[

←77

]

Саудовская Аравия — крупнейшее государство на Аравийском полуострове. Омывается Красным морем на западе. Саудовскую Аравию часто называют «Страной двух святынь», имея в виду Мекку и Медину — два главных священных города ислама. Саудовская Аравия основное государство Организации стран–экспортёров нефти.

[

←78

]

Хамви (HMMWV или ***Humvee*** *— сокращение от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle* — «высокоподвижное многоцелевое колёсное транспортное средство») — американский армейский вседорожник. Автомобиль обладает высокой проходимостью, пригоден к транспортировке по воздуху и десантированию.

[

←79

]

Региональный медицинский госпиталь Ландштуля — зарубежная военная больница, управляемая армией США и Министерством обороны; крупнейший военный госпиталь вне континентальной части США: служит ближайшим лечебным центром для раненых солдат из Ирака и Афганистана.

[

←80

]

Коллапс лёгкого — или пневмоторакс, является сбором воздуха в

пространстве вокруг легких. Это накопление воздуха оказывает давление на легкие, поэтому оно не может расшириться на столько, на сколько легкое обычно расширяется.

[

←81

]

Амман — столица и крупнейший город Иордании. Восточнее Аммана расположено Средиземное море, северо–восточнее — Мёртвое море, восточнее — Иерусалим. Город расположен на семи холмах, которые представлены на флаге Иордании семиконечной звездой.

[

←82

]

МРТ (англ. MRI — Magnetic Resonance Imaging) — современный безопасный (без ионизирующего излучения) диагностический метод, обеспечивающий визуализацию глубоко расположенных биологических тканей, широко применяемый в медицинской практике, в частности в неврологии и нейрохирургии.

[

←83

]

С испанского имя главной героини Белен — Belén — переводится как «вертеп» — воспроизведение сцены Рождества статичными фигурками, но другим переводом её имени является название города, в котором родился Иисус — Вифлеем.

[

←84

]

Под светом доктор, видимо, имеет в виду свет Вифлеемской звезды — загадочного небесного явления, которое по Евангелию, волхвы (мудрецы) назвали «звездой». Согласно истории о рождении Иисуса волхвы, увидев эту «звезду» на востоке, поняли, что родился «царь Иудейский», и пришли в Иерусалим, чтобы поклониться ему. Не найдя его там, они отправились в Вифлеем, где их путеводная звезда остановилась над местом, где они увидели «Младенца с Мариею, Матерью Его». В качестве Вифлеемской звезды, которая указала волхвам на место рождения младенца Иисуса, ученые рассматривают соединение Юпитера и Сатурна, комету Галлея, покрытие Юпитера Луной или вспышку сверхновой звезды.

[

←85
]
Тринити с английского Trinity имеет перевод — Святая Троица
[
←86
]
День памяти (англ. Memorial Day) — национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая. Этот день посвящён памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооружённых конфликтах, в которых США когда–либо принимали участие.
[
←87
]
Игра слов: в английском варианте в последнем своём предложении Белен говорит, что ей «повезло» — «I consider myself **lucky**»; имя Лусиана — в сокращении **Лаки** — на английском звучит как «**Lucky**», что дословно переводится как «удача»